

ТАТЬЯНА
НИЛОВА

***МГНОВЕНИЯ
ЖИЗНИ***

РАССКАЗЫ

TATYANA NILOVA

***MGNOVENIYA
ZHIZNI***

РЕДАКТОР – СОСТАВИТЕЛЬ
А.В. ФИНКЕЛЬШТЕЙН

Филадельфия
2021

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
ОЛЬГА ГЕХТ

Выражаем благодарность Международному сообществу фотографов PEXELS за возможность использования фотографий для оформления книги.

Т.А. Нилова «Мгновения жизни»: рассказы. Филадельфия;
2021

Т.А. Нилова – писательница, автор рассказов, очерков и повестей, (печатается также под литературным псевдонимом Мария Москвина). Автор книг «Громила и Рыжик» (Россия, Москва), «Лесной страж» (США, Филадельфия), «Казино» (США, Филадельфия), «Попутчики» (США, Филадельфия).

В книгу «Мгновения жизни» вошли произведения, публикуемые впервые, а также рассказы, появлявшиеся ранее в периодической печати.

Рассказы объединены в разделы: «Особый код», «Праздник», «Я люблю смотреть фильмы про войну», «Солнечные ванны» и представляют различные жанры: мистику, фантастику, рассказы о любви, военные драмы, «деревенские» рассказы.

Действие произведений происходит в разные периоды времени и в разных странах - России, Америке, Италии, Югославии.

СОДЕРЖАНИЕ

ОСОБЫЙ КОД

ОСОБЫЙ КОД	7
ФРАНЦУЗСКИЕ ДУХИ	15
НЕМАЯ ЛЮБОВЬ	24
ДОМ НАПРОТИВ	27
РЫЖИЙ	32
УРОКИ КОСМЕТИКИ	42
СТРАННЫЙ РОМАН	47
ОСЕННИЙ СОН	57
ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ	61
СЫРНИКИ	67
МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ	75

ПРАЗДНИК

ПРАЗДНИК	83
ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК	90
ВТОРАЯ ПОКУПКА	95
УЧЕНИК	103
УДАЧНОЕ ЗАМУЖЕСТВО	110
ПОДРУГА	117
ВСТРЕЧА	136
ВОЗРАСТ ОСЕНИ	146
МОЖЖЕВЕЛЬНИК	155
ЗВОНОК В ДВЕРЬ	162

Я ЛЮБЛЮ СМОТРЕТЬ ФИЛЬМЫ ПРО ВОЙНУ

Я ЛЮБЛЮ СМОТРЕТЬ ФИЛЬМЫ ПРО ВОЙНУ 172

О ЕДЕ И О ВОЙНЕ 178

ВЫИГРЫШ 184

ДЕД ФИЛИМОН 192

ЧЕРНЫЙ КОЛОДЕЦ 197

СОЛНЕЧНЫЕ ВАННЫ

СОЛНЕЧНЫЕ ВАННЫ 206

ГРИБНОЙ ОСТРОВ 213

ПОДОСИНОВИКИ 216

ЗОЛОТОЙ ПЛЯЖ 222

ЖИВОЙ ВОЛОС 223

ЗАГОВОРНАЯ СИЛА 230

СНАРЯД 238

**ОСОБЫЙ
КОД**

ОСОБЫЙ КОД

Рита сидела у письменного стола, положив перед собой толстую тетрадь в коричневой клеенчатой обложке. Она не знала, сколько прошло времени с того момента, как она вошла в кабинет Андрея.

За окном серое осеннее утро сменилось бледным дождливым днем. Потом тусклые сумерки опустились на город. И внезапно, как черная штора, беспросветная мгла закрыла проем окна.

Рита сидела, не шевелясь, погрузившись в темноту, которую не замечала. Наконец, вздохнула, и нащупав кнопку, зажгла настольную лампу.

Комната осветилась приглушенным желтоватым светом. Рита открыла тетрадь.

Первые две страницы были сплошь покрыты длинными формулами. На третьей знакомым почерком Андрея было написано:

«Позади меня сидела маленькая девочка, наверное, первоклашка. Она все время плакала, звала маму. Ее уговаривали перестать плакать. Она не замолкала. Они подошли к ней. Раздался выстрел, и она замолчала.

Я понял, чтобы выжить, надо сидеть тихо, тихо. Тихо, как мышка...

Я сидел, сжавшись в комок. Я очень хотел пить. Но я не издавал ни звука. Они убивали всех, кто издавал хоть какой-нибудь звук. Наконец, я не выдержал и тихо, тихо спросил одного из них, могу ли я выйти в соседнее помещение. Там прорвало трубу, и из нее текла вода.

Он отпустил меня. Я вышел, и в ту же минуту раздался страшный взрыв. Я оглянулся - все, кто сидел возле меня были мертвы - их разорвало на клочки. Я ужасно испугался, но не закричал. Я подполз к стене и зажался в угол.

В это время я увидел солдата. Он пробирался ко мне. Я боялся, что он хочет меня убить. Но солдат наклонился надо мной

и спросил: «Ты жив, малец?» Он взял меня на руки и вынес. Я знаю, это Бог спас меня».

Эта запись повторялась снова и снова, как будто тот, кто писал, хотел выучить все наизусть, не пропустив ни единого слова.

Наконец, запись закончилась, и на новой странице Рита увидела длинный список литературы. Ей бросились в глаза названия: «основы биоэнергетики», «психология самоубийств», «передатчики радиосигналов». Большинство работ было посвящено проблемам самоубийства.

Рита оторвалась от тетради и уставилась в окно, пытаясь сквозь темноту разглядеть свою прошлую жизнь с Андреем.

Они познакомились в институте. Нельзя сказать, что они полюбили друг друга с первого взгляда. Андрей был высокий, красивый. Рита - девушка вполне обыкновенная, худенькая, в очках. Только волосы хороши - тяжелые, блестящие, пшеничного цвета. Но Рита укладывала волосы на затылке в тугий пучок и красоту их никто не замечал. Но все замечали другое: Рита была умна и училась лучше всех на курсе. Андрей тоже был парень серьезный, буквально с первых дней учебы занимался научной работой. Биохимия была его страсть.

Они были молоды. А в молодости мужчина вряд ли способен полюбить женщину только потому, что она очень умна. Однако, как часто бывает, в ход событий вмешался господин случай.

Рита опаздывала на лекцию. Запыхавшись, бежала по коридору учебного корпуса и зацепилась ногой за стоящий на полу портфель. Неуклюже взмахнув руками, она падала на цементный пол. И почти у самой земли ее подхватили чьи-то крепкие руки.

От сильного толчка очки свалились, шпильки и заколки рассыпались. Освобожденные от плена волосы золотой волной накрыли темноволосого молодого человека. Это был Андрей. А он увидел совсем близко беспомощно прищуренные голубые глаза. Ощутил на своих руках теплоту шелковистых волос.

Он, улыбаясь, смотрел в ее испуганное лицо. Не отпуская, пока она не улыбнулась в ответ. С этого дня, к всеобщему удивлению сокурсников и раздражению институтских красавиц, Рита и Андрей ловили каждую минуту чтобы быть вместе.

Они понимали друг друга с полуслова. Специальности у них

были разные, но интересы – общие. В библиотеке они сидели рядом и, склонившись над толстым учебником, Андрей всегда держал Риту за руку, не выпуская ни на секунду.

Они стали встречаться. Сначала - раз в неделю, потом - два, потом - каждый день. Когда же и этого им показалось мало, решили пожениться.

Андрей пригласил Риту к себе домой, чтобы познакомить ее с родителями.

Родители Андрея были немолоды и Рите показалось, что они даже выглядели старше своих лет. Особенно, мать. Горестные морщинки избородили ее лицо, а уголки рта были печально опущены.

Они посидели немного за чашкой чая, ведя неторопливый разговор о жизни, дипломных проектах, планах на будущее. Рита и Андрей учились на последнем курсе и активно занимались поисками работы.

За чаем Андрей сказал родителям, что они с Ритой решили пожениться. Родители поздравили их, правда, довольно сдержанно, но обещали помочь со свадьбой и сделать все, что в их силах, чтобы молодые были счастливы. Квартира большая, трехкомнатная, все комнаты изолированные и, если Рита и Андрей хотят, они могут жить у них.

После этих слов, мать Андрея, угощая гостью пирожным, стала как-то странно посматривать на свою будущую невестку. В ее взгляде Рита с удивлением уловила сочувствие.

Они уже собрались уходить, когда Алевтина Петровна позвала Риту в соседнюю комнату, чтобы поговорить с ней наедине. Андрей проводил их тревожным взглядом.

Алевтина Петровна плотно закрыла за собой дверь, подвела Риту к комоду и показала фотографию в светлой деревянной рамке. На снимке, обняв друг друга за плечи, стояли трое мальчишек и весело улыбались в камеру. В одном из них, самом младшем, Рита узнала Андрея.

- А кто это? - спросила Рита, кивнув на двух других.

- Это его старшие братья - Костя и Миша.

Рита с молчаливым вопросом посмотрела на Алевтину Петровну.

- Их нет, - сказала мать Андрея. - Оба в подростковом возрасте покончили с собой. Психическая болезнь. Они лечились, но ничего сделать было нельзя, - и она заплакала, закрыв лицо руками.

Ошеломленная услышанным, Рита не знала, что сказать. Она бросилась к Алевтине Петровне и обняла ее. Спустя минуту, мать Андрея высвободилась и тщательно вытерла глаза платком.

- Я должна была тебе это сказать, - проговорила она строго.

Они вместе вернулись за стол. Рита была в смятении и в оставшееся время не проронила ни слова.

Андрей, явно взволнованный, постоянно обращался к ней, дотрагивался до плеча, заглядывал в глаза. Рита была безучастна ко всему.

Когда они вышли на улицу, она спросила:

- Андрей, почему ты мне ничего не рассказывал о своих братьях?

- Потому что их нет! – горячо заговорил он. - К тому же, заметь, мне уже

двадцать шесть лет, а не шестнадцать. Что же, ты вот так, сразу и разлюбила меня и не хочешь выходить за меня замуж? - спросил Андрей, и на щеках у него заходили желваки.

Ее молчание, казалось, длилось вечность.

- Нет, я не разлюбила тебя, - наконец, едва слышно проговорила она. - Но, послушай, Андрей...

- Ничего не хочу слышать, кроме этого! - быстро сказал он. И не дав ей закончить, прижал к себе и закрыл рот поцелуем.

Первые несколько месяцев после свадьбы молодые жили у родителей Андрея. Им выделили самую большую комнату, обставленную новым спальным гарнитуром с необъятных размеров кроватью, высокое изголовье которой украшала витиеватая резьба.

Их медовый месяц не был таким уж сладким. Часто вспыхивающие внезапные ссоры и взаимные обиды прибавляли к нему порядочные порции дегтя. Это было бурное время нелегких приспособлений и притирок к каждодневной жизни друг с другом.

Чтобы не волновать родителей, они уходили ссориться на

улицу, якобы погулять, и поэтому довольно много летних вечеров проводили на свежем воздухе.

Возвращались домой, как правило, за полночь и, стараясь не шуметь, проскальзывали в свою комнату. Гасили свет. Андрей обнимал Риту, и все недоразумения, неправильно понятые слова мгновенно улетучивались, испарялись.

«Милая, милая, милая...» - шептал он, целуя ее то нежно, то страстно... Заключал в свои объятия, и они плавилась в огне в единое целое...

И хотя прошло достаточно времени, их влечение друг к другу не угасло, и Андрей воспламенялся, как спичка, от одного только прикосновения к жене.

Скоро они с помощью родителей обзавелись крошечной двухкомнатной квартирой недалеко от станции метро. Уже можно было ссориться, не выходя на улицу. Но поводов для мелких, глупых ссор становилось все меньше.

Андрей защитил диссертацию и получил работу в крупной научной фирме. Получал большие деньги. Они купили другую квартиру - просторную, двухэтажную, с большой лоджией.

Почти сразу после переезда Рита почувствовала, что беременна. Ничего не говоря Андрею, помчалась к врачу. Анализ подтвердил ее предположение. Она хотела все сделать в тайне и записалась на аборт в хорошую клинику к знакомому доктору.

Но скрыть беременность от мужа ей не удалось. Андрею случайно попала на глаза бумага с результатом анализа. «Почему ты мне ничего не сказала? Почему? – взволнованно повторял он. - Ритка! Какое счастье! - он обнял ее и стал кружить по комнате. - Это будет девочка! Непременно девочка! Похожая на тебя! Я так этого хочу!» «Подожди, Андрей, стой! Нам нужно поговорить! - пыталась остановить его Рита. Но он ничего не желал слушать. Рванулся в прихожую и скрылся за дверью. Скоро вернулся с бутылкой шампанского в одной руке, с букетом алых роз - в другой и с радостной улыбкой от уха до уха. Однако, радость была недолгой.

В тот черный день Андрей в бешенстве метался по квартире разбрасывая стулья. Он останавливался перед сжавшейся в комок Ритой и кричал:

- Почему ты убила моего ребенка? Почему?!

- Ты знаешь, почему. Ребенок с такой наследственностью... Я не хочу... - едва слышно говорила она.

- Ты!.. Ты!.. Ты!.. - Андрей захлебывался от гнева, но у него не хватало духа ни оскорбить ее, ни ударить.

С этого момента их жизнь круто изменилась. Но совсем не так, как можно было предположить. Свое невестребованное отцовство Андрей перенес на Риту. Она стала его ребенком. Он покупал ей заморские сладости, экзотические фрукты, красивые вещи. Рита интересовалась живописью. Стены квартиры украсили картины модных художников. Книжные полки ломились от иллюстрированных альбомов. По выходным приносил ей завтрак в постель и называл уменьшительно-ласкательными именами - Ритуля, Ритенок.

Такое отношение должно было бы радовать женщину, но Рита чувствовала в нем болезненную чрезмерность, и постоянная тревога и неясные опасения не покидали ее душу.

Волнение немного отпускало ее, когда они проводили время с семьей сослуживца и друга Андрея, Максима. Их объединяло общее увлечение - мотоциклы. Они недавно купили новейшие японские модели и на головокружительной скорости носились по загородным дорогам.

У Максима была дочка – Леночка. Она хорошо рисовала и занималась в художественной студии, и Рита часто с удовольствием наблюдала, как девочка старательно рисует натюрморты и пейзажи.

Беда обрушилась, как всегда, внезапно, посреди обыденных забот жизни. При взрыве возле станции метро погибла Леночка. Она возвращалась домой после занятий в студии. Обгоревшая папка с рисунками - все, что осталось от нее.

Андрей был сражен несчастьем, случившимся в семье друга. Он замкнулся в себе, но на Риту смотрел еще нежнее, еще ласковее.

Вечерами стал запирается в кабинете и сидел там часами. Рита спрашивала его: «Что ты делаешь?». Андрей отвечал: «Это по работе. Надо срочно разработать особый код». Она заметила, что он делает какие-то записи в толстой тетради в коричневом, клеенчатом переплете. Но когда Рита входила,

сразу же прятал тетрадь в сейф.

Наступили опасные времена. Людские трагедии следовали одна за другой. Взлетали в воздух поезда, разбивались самолеты. Гибли мужчины, женщины, дети. «Смертники, самоубийцы» - так называли виновников черных дел. «Убийцы! Убийцы!» - твердил Андрей сквозь сжатые зубы.

Он перестал следить за собой. Подолгу не стригся, и его густые волосы шапкой спадали на лицо. Даже загнать в ванную или заставить сменить рубашку стоило Рите большого труда. Взгляд стал угрюмым, затравленным. Риту охватило непереносимое беспокойство. И она, уловив подходящий момент, решила поговорить с мужем:

- Ты знаешь, Андрюша, - сказала она, поглаживая его по всклокоченным волосам. – Мне кажется, тебе нужно обратиться к врачу.

- Заинька, уже поздно, - прошептал он. Скрылся в кабинете и закрыл дверь на ключ.

Однако, именно то страшное, что случилось в школе на дальнем юге, окончательно доконало Андрея. Он часами не отрывался от телевизионного экрана. Страдальческим взглядом смотрел на безжизненные, окровавленные детские тела, и руки его сжимались в кулаки.

Андрей взял на работе отпуск и днями и ночами сидел у себя в кабинете. Ел и спал там - за письменным столом.

Наконец, однажды поздно ночью вышел из кабинета и на цыпочках прокрался в спальню. Рита не спала. Она сидела на кровати и читала книгу.

- Ритуля, ты знаешь, я рассчитал особый код. Теперь его нужно проверить. Я должен поехать на работу. Мне необходим сильный компьютер. Я возьму мотоцикл. На нем быстрее. - Андрей смотрел на жену отрешенно, как будто не видел. Внезапно стремительно рванулся к ней, поцеловал в лоб и сказал ласково-ласково:

- Спи, Ритенок, маленький котенок!

У Риты из глаз брызнули слезы.

- Останься, Андрюша! - умоляющим голосом говорила она. – Завтра проверишь.

- Завтра будет поздно! Не удерживай меня! - твердо сказал

Андрей, резко повернулся и вышел из спальни.

Рита слышала, как хлопнула входная дверь. Она встала, прошла в кабинет и, обреченно вздохнув, села за письменный стол возле телефона.

За окном уже забрезжил тусклый рассвет, когда раздался телефонный звонок:

- Вы - Лосева Маргарита Владимировна?

- Я, - ответила Рита чужим, глухим голосом.

- Это говорят из милиции. Ваш муж, Лосев Андрей Ильич, сегодня ночью погиб, разбился на мотоцикле. Мотоцикл врезался в стену кирпичного дома. Вероятно, ваш муж не справился с управлением... Всю ночь шел мокрый снег... Видимость отвратительная...

После похорон Рита открыла сейф и вытащила тетрадь в коричневой, клеенчатой обложке. Она заметила лежащие в глубине сейфа небольшие черные приборы с какими-то кнопками и глазками. Рита не стала их трогать.

Положила тетрадь на стол и пролистала всю от корки до корки. Расписанные ровными рядами формулы и сложные чертежи ей ничего не говорили. Но на последней странице крупными буквами было написано: «Дорогая, прости. Не осуждай. Все равно конец был близок. Решил проверить особый код на себе. Ради детей. Передай тетрадь Максиму». Слезы хлынули у Риты из глаз и смочили тонкие листы тетради. Она испугалась, что влага размочит формулы и чертежи, захлопнула тетрадь и положила обратно в сейф.

Торопливо накинула пальто и вышла на улицу. Поймала машину. По полупустым улицам они домчались до того самого места. Рита сунула водителю в руки деньги и захлопнула дверцу машины. Он удивленно посмотрел ей вслед – за все время пути она не проронила ни слова.

Рита постояла какое-то время у глухой стены серого кирпичного дома. Огляделась по сторонам. Невдалеке виднелся крошечный магазинчик, из тех, что работают круглые сутки. Вошла. В магазинчике было пусто. Полная, средних лет про-

давщица расставляла по полкам коробки с печеньем.

- Здравствуйте, - сказала Рита. - Скажите, вы, случайно, не работали в ту ночь на прошлой неделе, когда разбился мотоциклист?

- Да, я работала, - ответила продавщица. - А что?

- Я его жена, - сказала Рита тихо.

Продавщица с состраданием посмотрела на осунувшееся, бледное лицо молодой женщины и тяжело вздохнула.

- А вы не помните, не происходило ли что-нибудь необычное в то время? - спросила Рита.

Продавщица отрицательно покачала головой:

- Нет. Ничего необычного я не припомню.

- Ну что ж, спасибо. Извините, - тихо сказала Рита. Постояла немного возле прилавка и повернулась, чтобы уйти.

- Хотя, постойте! - вдруг проговорила продавщица взволнованным голосом. - Но это случилось минут за десять - пятнадцать до аварии. Вы знаете, вдруг, на всей улице у машин включились сигнальные sireны. Даже у моей старушки, что у соседнего дома припаркована. Такая какофония началась! Я сразу на улицу выскочила, думала машину хотят угнать. Но никого не было. А через минут пять все смолкло. Что произошло тогда с машинами - понятия не имею!

- Это сработал особый код, - бросила через плечо Рита, выходя из магазина.

ФРАНЦУЗСКИЕ ДУХИ

Дверь в палату тихонько отворилась, и вошла она. На цыпочках, крадущейся походкой приблизилась к моей кровати, бесшумно пододвинула стул и присела на краешек, как воробей на ветку. Наклонилась ко мне, вытянув худую шею.

Вот мы и поменялись ролями. До операции я часто забежала проведать ее, просто посидеть рядом. Она была из другого города, и навещали ее редко. Поэтому я приносила с собой завернутые в бумажные салфетки апельсины, яблоки, конфе-

ты - то, что доставляли мне в большом количестве друзья и родственники.

Она лежала неподвижно на спине, уставившись взглядом в потолок, или отвернувшись к стене. Ее наголо бритая голова, перевязанная широким бинтом, была такая легкая, что подушка почти не приминалась.

Я ничего не знала о ней, пока наша нянечка, тетя Дуся, поймав меня однажды в коридоре за рукав, не прошептала, заговорщицки.

- Ты бы, милая, зашла как-нибудь в соседнюю палату к этой артистке, поговорила бы с ней. Она ведь ни с кем ни слова! А ты в таком же возрасте, грамотная, образованная, - уговаривала она меня. - Ей с тобой интересно будет. Отвлечешь ее маленько. А то ведь жалко девчонку! Молоденькая совсем, а такое пережила! - и она зашептала мне в ухо едва слышно, да еще для полной секретности прикрыла ладонью рот.

Потом отстранилась:

- Поняла? - спросила она, посмотрела на меня строго и многозначительно поджала губы.

После этого разговора, при каждой возможности я заходила в палату к молодой актрисе. Усаживалась на белую табуретку возле кровати и рассказывала последние новости, какие больные поступили, кого прооперировали, а кто уже и тумбочку вычищает - к выписке готовится. Или что-нибудь из той, «нормальной» жизни, что протекала без нас вне толстых госпитальных стен.

Поневоле я была в курсе многого, что происходило в отделении. Тех, у кого была травма руки или плеча, называли «ходячими». Нас было немного, и мы принимали на себя обязанности добровольных помощников нянечек и медсестер по уходу за месяцами прикованными к постели пациентами - приносили еду из холодильника, наливали воду в стакан, звали при необходимости медсестру или врача и даже, случалось, подавали и выносили судна.

У нянечки - одной на большое отделение просто не хватало времени на всех «лежачих», замурованных в тяжелый гипс. Больные были нам очень признательны и называли «счастливи-

чихами» тех, к кому в палату попадали «ходячие».

Я рассказывала актрисе о том, что происходило в нашем замкнутом больничном мирке. Она лежала молча, зажав в ладони черную коробочку французских духов. Я даже не знала, слушает она меня или нет.

Порой лицо ее вдруг сжималось в маленькую, почти старушечью гримасу, рыдания душили ее, и слезы стекали из уголков глаз на подушку, расплываясь темными, мокрыми пятнами.

Тогда я вскакивала и бежала к доктору или медсестре. Поднималась суматоха. Ей делали какие-то уколы, а я уходила к себе в палату, и сердце мое сжималось от жалости.

Спустя какое-то время, она стала выходить в коридор и подолгу сидела в кресле напротив моей палаты, но не заходила. Стеснялась, наверное.

И вот мне сделали операцию. Вчера, в день операции, муж пробыл со мной целый день, а сегодня ко мне никто не пришел. Рука болела. Ужасно хотелось пожаловаться кому-нибудь. Я чувствовала себя одинокой. И уже совсем было собралась поплакать над своей несчастной участью. Но вот пришла она, и проглотив слезы, я рассматривала мою неожиданную посетительницу.

Смоляные волосы ее отросли и неровными прядями свисали на лоб. Марлеву повязку на голове заменила толстая бинтовая нашлепка. Черные глаза, неподвижно уставившиеся на меня, были непроницаемы.

Я заметила, что она по-прежнему держит в руке те самые французские духи. Только коробочка уже изрядно потерлась, углы разлохматились, а позолоченный рисунок облез.

Я подумала о том, что с ней случилось, и решила, что моя собственная беда по сравнению с ее, выглядит почти пустяком и уж, конечно, не стоит никаких горьких слез.

Кивнув на коробочку, я спросила:

- А как эти духи называются?

- «Черная ночь» - ответила она.

- А можно посмотреть на флакон? - спросила я.

Она засуетилась, торопливо открыла коробочку и достала изящный флакон с золотой блестящей пробкой. Открыла его и

поднесла к моему носу. Я вдохнула глубоко и внезапно ощутила сильный, пряный аромат летней ночи.

- Какой удивительный, запоминающийся запах! - сказала я.
- Да! Его забыть невозможно! - как эхо повторила она.

Репетиция спектакля закончилась поздно. Город уже спал под непроглядным покровом южной ночи. Неяркий свет уличных фонарей и еще горящие кое-где окна домов казались бледным отражением расшитого серебром небосклона.

- Пойдем напрямик, через железнодорожные пути, - сказал Юра, помогая Маше накинуть на плечи светлую кофточку.

Он взял свободно болтающиеся по бокам длинные рукава и закрутил их вокруг нее. Получился тоненький кокон. Он привлек кокон к себе и проговорил тихо, почти касаясь губами ее уха:

- Пора спать! Бай-бай! - и синие глаза его смеялись, а дыхание было теплое и легкое.

Он разматал кокон, и они направились к железной дороге по узкой улочке, застроенной небольшими кирпичными особняками. Кудрявые силуэты деревьев вырисовывались на фоне звездного неба.

Возле тускло мигающего фонаря Юра вдруг остановился.

- Стой! Ни с места! - приказал он, строго нахмутив брови.

Маша замерла по стойке «смирно», вытянув руки по швам.

- В чем дело, товарищ генерал? - спросила она звонким мальчишеским голосом.

- Вопросы задаю я! Ясно?

- Так точно, товарищ генерал!

Юра опустил руку в карман, и порывшись в нем для вида какое-то время, достал маленькую коробочку и поднял высоко над головой.

- Что это? - спрашивала Маша и тянула его руку за локоть вниз.

- Это вам моя личная награда, рядовой Егорова!

- Награда? За что? - удивленно проговорила Маша.

- За отличное выполнение возложенных на вас неделю назад обязанностей жены!

- Служу Отечеству! - отрапортовала Маша и, вырвав из рук

Юры коробочку, стала рассматривать ее при мерцающем свете фонаря.

- Ой, что-то иностранное! - воскликнула она, вертя в руках черную, атласно поблескивающую коробочку, украшенную золотым витиеватым узором.

- Французские духи! - сказал Юра, гордо улыбаясь. - Называются «Черная ночь».

- Ой, спасибо, Юрка! - Маша звонко чмокнула его в щеку. - Где достал?

- Военная тайна! - прошептал Юра, опасливо озираясь по сторонам.

- Спрячь эти таинственные духи пока в карман. Дома распакую.

Маша обняла его за талию, он ее за плечи, и они зашагали вдоль по улице, покачиваясь, как пьяные матросы, и временами останавливаясь, чтобы посмеяться и поцеловать друг друга.

- А ты знаешь, Машка, какую я военную хитрость применил, чтобы поцеловать тебя в первый раз? - спросил Юра, загадочно улыбнувшись.

- Нет! А ну, докладывай!

- Помнишь, это было тоже после репетиции. Мы зашли к тебе в примерную, и я попросил у тебя копию распечатки моей роли. Дескать, свою я куда-то задевал. Не могу найти. Так вот, пока ты рылась в бумагах на столе, я подкрался к тебе сзади близко-близко и стоял тихо-тихо, затаив дыхание!

- Я прекрасно помню! Как ты меня тогда напугал!

- Слушай дальше! Когда ты повернулась, я, не давая тебе опомниться, быстренько обнял тебя и поцеловал! Вот и все! Ловко придумано, правда!

- Почему ты так сделал?

- Потому, что я больше всего на свете боялся твоих черных глаз! Если бы я их видел, никогда бы не решился подойти к тебе! Ты меня обязательно остановила бы взглядом или жестом, а не дай Б-г - каким-нибудь нехорошим словом!

- Несчастный хитрец! - возмущалась Маша, стуча кулачками в Юрину грудь и безуспешно пытаясь схватить его за ухо. - Я помню, помню, как я трепетала, как птичка в клетке в твоих руках!

- Да, но было уже поздно! Глаз твоих я не видел, руки в растерянности повисли, а рот, как полагается, я закрыл поцелуем!

- Как же, как же! Я даже помню, какие слова ты шептал мне тогда!

- Не может этого быть!

- Очень даже может! «Ты мне так нравишься, Машка! Я голову теряю! С ума по тебе схожу!»

- Разве я такое говорил?

Маша молча покивала головой.

- О, Боже! И правда, где моя голова? - и Юра стал растерянно ощупывать свои плечи и даже искать под ногами и в близлежащих кустах.

- Ах, так! Нам, казакам, тоже есть, что ответить турецкому султану! –проговорила Маша, гордо выпятив грудь.

- Да-а?! Вот это интересно! - протянул озадаченно Юра.

- Однажды, наш режиссер, Семен Ипполитович, объявил, что моим партнером по пьесе «Валентин и Валентина» будет актер из другого театра. И что актер этот молодой, очень талантливый и «кажется», как он выразился, «чертовски обаятельный». Да еще при этом подмигнул мне обоими глазами!

- Маша выразительно продемонстрировала, как подмигивал ей режиссер. - Я, конечно, с нетерпением ждала случая познакомиться с новой восходящей звездой на театральном небосклоне. Но тут произошла осечка. Как говорят опытные люди, первое впечатление – самое важное. Так вот, когда ты первый раз неожиданно появился за кулисами после окончания спектакля, я в это время выходила из гримерной. На лице толстый слой вазелина, волосы затянуты косынкой, немислимый халат. Мы столкнулись с тобой у двери. «О, Боже!» - в отчаянии подумала я, отметив про себя глаза, как море, и волосы цвета жареных каштанов. Ты посмотрел на меня, как на пустое место - холодно, поздоровался небрежно, и не задерживаясь, прошел мимо.

Юра слушал, улыбаясь и обеими руками ероша густую шевелюру.

- Ах, так! - продолжала Маша. - Выходит, гадкий утенок никому не нужен! Попробуем побыстрее превратиться в лебедя.

Может быть, еще не все потеряно! И так, на первой же репетиции я была во всеоружии - белое узкое платье - прекрасный контраст со смоляными волосами. Подведенные глаза, ярко-красная губная помада завершали портрет роковой женщины. Результат не заставил себя ждать! «Восходящая звезда» бросил всего лишь один удивленный взгляд и больше уже не сводил с меня горящих глаз. А я скользила глазами по его лицу мимолетно, не задерживаясь, чем еще больше распалила самоуверенного молодого человека.

- Ах ты, негодная! Ты мне расставляла сети! Признавайся! - он схватил Машу за плечи и слегка встряхнул ее.

- Виновата я, виновата! - взмолилась она плачущим голосом.

- А я - то, балда, думал, что это моя заслуга! Что это я тебя завоевал!

- Пятьдесят на пятьдесят! - крикнула Маша, вырвалась у Юры из рук, побежала по улице и спряталась за толстым стволом раскидистого дерева.

Когда Юра приблизился, она выскочила из-за дерева, подпрыгнула, обвила руками его шею, обхватила туловище ногами и повисла на нем, прижавшись всем телом.

- Цыганский лягушонок! - обозвал он ее, крепко поцеловал в губы и широким шагом устремился к железной дороге.

У самой тропинки, спускавшейся к железнодорожному полотну и едва различимой в темноте, Юра опустил Машу на землю.

Они сделали всего несколько шагов, как вдруг, неизвестно откуда налетел сильный, шквалистый ветер. Он завывал и гудел в проводах, пригибал к земле деревья и кусты, хлопал незапертыми калитками, срывал листья со старых дубов, росших вдоль железной дороги.

Резкие порывы ветра все усиливались, не давая передышки ни ветвям, ни цветам, ни траве. Как будто хотели пробуравить дырку в черном мраке ночи, чтобы скорее наступил рассвет, и солнце осветило спящую землю и разбудило ее от тяжелого сна.

- Какой сильный ветер! - сказал Юра. - Одень кофту в рукава, а то улетит и не найдем!

Они спустились все ниже и ниже. Тропинка вилась среди бурьяна и колючего репейника. Круглые, прилипчивые соцветия

цеплялись к одежде, держали крепко, не отпускали от себя.

Рев ветра временами напоминал унылое завывание одинокого волка и перемежался резкими, высокими звуками. Потом снова дул монотонно и тоскливо.

Наконец, они взобрались на железнодорожное полотно. Им нужно было пересечь две колеи. Перейдя по шпалам первые пути, Маша остановилась.

- Мне страшно! - сказала она, обняв мужа и крепко прижавшись к нему.

- Не бойся! Это просто ветер!

Внезапно вой ветра смешался с оглушительным грохотом и металлическим скрежетом, нарастающим со всех сторон.

Маша отстранилась от мужа, и взглянув за его спину, ужаснулась. На огромной скорости поезд приближался к ним. Он был уже совсем рядом.

В страхе оглянувшись назад, она увидела у себя за спиной стремительно несущийся по путям другой состав. Зловещими тенями мелькали черные вагоны.

И в это время Маша почувствовала, как бешеная сила вырывает у нее из рук мужа, и она не в состоянии его удержать.

- Юра! - крикнула она.

Но ее закружило в беспощадном вихре и бросило на землю. Она ударилась головой и все исчезло.

- Борис Моисеевич, у нас проблемы с Марией Егоровой, - докладывал заведующему отделением ведущий врач на утренней пятиминутке. - Той, что поступила неделю назад, из города N.

- Да, да, я помню!

- Она не ест и отказывается принимать лекарства. Лежит целыми днями, отвернувшись к стене, ни с кем не разговаривает, на мои вопросы не отвечает. Не выпускает из рук коробочку с духами. Знаете, ведь когда ее муж погиб, единственное, что уцелело - эта коробочка.

- Да, я слышал об этом. А мы получили результаты анализа?

- Только что получили. Результат положительный.

- Хорошо. Я на обходе с ней поговорю. Что у нас дальше?...

Когда заведующий отделением, Борис Моисеевич, зашел в палату, Маша неподвижно лежала на спине, закрыв глаза.

Борис Моисеевич подвинул стул и грузно опустился на него.

- Здравствуй, Маша! Ну, как ты себя чувствуешь? Как жизнь?

Маша приоткрыла веки и посмотрела на Бориса Моисеевича. Его большие, светлые, навывкате глаза ласково светились за стеклами очков. Крупная курчавая голова склонилась близко к ее лицу.

- Я никакой жизни не хочу. Зачем она мне? Юра погиб, а этот пузырек целым остался! - она сжала черную коробочку так сильно, что пальцы на руке побелели. - Почему?!

- Тебе сколько лет, Машенька? - спросил Борис Моисеевич.

- Двадцать три, - ответила она. - И я хочу, чтобы мне навсегда осталось двадцать три, как Юре!

- У тебя многое еще впереди! Ты еще играть будешь! Станешь современной Ермоловой или Коонен!

- С такой дыркой в голове? Да и играть я не хочу. Жизнь уже сыграла со мной злую шутку, - она показала Борису Моисеевичу коробочку. - С меня хватит!

- Лекарства не принимаешь. Не ешь. Куда это годится!

- А зачем мне есть, если я жить не хочу! - выдавила из себя Маша, и слезы покатались по ее бледным щекам.

- А я тебе сейчас скажу, зачем! Не только коробочка с духами от Юры осталась, а нечто гораздо более важное. У тебя ребеночек будет! Вот так, деточка моя!

И своей огромной ручищей Борис Моисеевич погладил ее по голове. Волосы у Маши только начали отрастать и торчали во все стороны коротким черным ежиком.

Спустя месяц после операции меня выписали. А Машу перевели в другую больницу. Как в дальнейшем сложилась ее судьба, мне неизвестно.

НЕМАЯ ЛЮБОВЬ

Когда собираются старые друзья в теплой компании за щеголеватыми бутылками с яркими этикетками, то иногда, уже нечасто, заходит разговор о любви, особенно, о любви беззаветной, самоотверженной. И говорим мы с друзьями о ней, как-то шутя, несерьезно, как о давно ушедшем прошлом или книжном, придуманном, порой даже цинично отрицаем само ее существование.

Тогда вспоминаю я одну печальную историю, которая много лет назад пересекла мое детство и осталась в моей памяти. Но я не рассказываю ее своим друзьям. Не стоит говорить о грустном в минуты веселья и отдыха от беспощадных и иссушающих забот повседневной жизни.

Многое о том, что происходило, я узнала позже, когда повзрослела, от моих родителей и от подруги моей закадычной.

Было мне лет десять - одиннадцать и крепко дружила я с девочкой по имени Вера. Подружки мы были, как говорится, не разлей водой. Каждый день после школы, сделав уроки, мы встречались во дворе и играли вместе до темноты.

Жила она по соседству - в длинном, деревянном бараке. Родители у нее были хорошие, я их очень любила. Отец - Сергей Иванович работал на заводе инженером. Веселый, добрый, проходя мимо после работы, он всегда угощал нас то леденцами, то пряниками. По выходным дням часами играл с нами в песочнице, строя дворцы и песчаные крепости.

Мать Веры звали Полина. Женщина она была необыкновенной, редкой красоты - толстая русая коса до пояса и глаза - синие, как васильки. Приехала она в Москву из глухой деревни и устроилась работать на завод. И тут положил на нее глаз молодой инженер. Проходу не давал, после работы ждал, до дома каждый день провожал, подарки всякие делал - шоколадные конфеты, чулки шелковые.

Полина ответила ему горячей и нежной любовью. Преклонялась перед ним, как перед высшим существом. Восхищалась его ученостью, удивляясь втайне, что полюбил он ее -

простую девчонку, деревенскую.

Поженились они скоро и стали жить в маленькой комнате в бараке и ждать, когда инженеру квартиру в новом доме дадут. Видя мужа вечерами постоянно за книгой или за чертежной доской, Полина записалась в заводскую библиотеку и стала читать книги, узнавая неизвестную жизнь чужих, незнакомых ей людей. Муж улыбался, наблюдая ее старание.

Но, порой, когда она разглядывала чертежи, лежащие на столе, и слышала умные разговоры его товарищей о новой машине, которую они придумали для облегчения труда рабочих, сердце ее замирало. «Нет, никогда мне его не догнать», - с тревогой думала она.

Только на заводских вечерах она немного успокаивалась, ловя на себе восхищенные мужские взгляды и острые, завистливые - женские. Косы она теперь укладывала высокой короной на голове, и синие глаза ее сияли. «Ему есть за что любить меня», - радовалась она.

Родилась у них дочка, Верочка. Подросла она немного, и мы познакомились с ней во дворе в той самой песочнице, куда родители меня играть приводили, и стали мы с тех пор неразлучными.

Но жизнь, как дорога, и крутой поворот издали не различишь, он сразу у тебя перед глазами встает и, если прозеваешь ты его, вовремя не свернешь, то можешь вылететь на обочину и шею себе сломать.

Так вот, на заводе взяли на работу нового главного бухгалтера - Зинаиду Васильевну - женщину видную, образованную, одинокую.

И начался у них с Сергеем Ивановичем роман. Полина - простая душа, ни о чем не догадывалась, а сплетни все мимо ушей пропускала. Когда стал Сергей Иванович у ней развода просить, так она и онемела, в прямом смысле - перестала говорить и все.

Я помню, прибежала к нам Верочка и кричит со слезами:
- Папка от нас уходит, а мама не говорит совсем - только мычит!

Собрал Сергей Иванович вещи и ушел жить к Зинаиде Васильевне.

Ушел с тяжелым сердцем, предчувствуя беду, но остаться не захотел. Квартира у Зинаиды Васильевны была большая, отдельная, от родителей досталась.

А Полина совсем плохая стала - день и ночь путает, не говорит, только жалобно стонет, и слезы ручьями из глаз текут. Работать не смогла. Стала жить на нищенскую пенсию, ребенка растить.

Сергей Иванович, правда, алименты исправно платил и так деньжат подкидывал. Но за дочку свою переживал. Скоро Полина уже была не в состоянии ухаживать за ней. Решил он тогда забрать Верочку у матери, у себя дома растить. Когда ее забирали, Полина плакала сильно, но дочку не удерживала, и вещи все сама собрала, до последней мелочи - носочки, платица, туфельки.

Верочке жилось у отца хорошо. Зинаида Васильевна ее очень любила, заботилась о ней, кормила, нарядно одевала.

Но Вера сильно скучала о матери и каждый день прибегала навещать ее. Жила она недалеко - даже дорогу переходить не надо было. Но, видно, побаивалась одна ходить к больной матери. Поэтому заходила за мной, и мы вместе с ней шли в барак.

Полина всегда была нам очень рада. Обнимала дочку, прижимала к себе, целовала в головку. Потом ставила на керосинку сковородку и жарила картошку с луком. Доставала из банки соленые огурцы и смотрела, улыбаясь, как мы с аппетитом уплетаем ее простую пищу.

После этого разбирала постель, укладывала нас вместе на подушки и укрывала толстым ватным одеялом. Сама садилась в ноги на стуле и напевала какую-то свою колыбельную песню. Звуки с трудом вырывались из ее зажатого горла.

Выспавшись, мы вставали, и она поила нас чаем с леденцами и колотым сахаром.

Все повторялось именно так каждый раз, когда мы приходили.

Вера постепенно привыкла к мычанию матери и даже научилась понимать ее, различать отдельные слова, которые та хотела произнести.

Прощаясь, Полина доставала из пакета три конфетки и да-

вала - одну мне, а две - Вере. И пыталась жестами и звуками объяснить что-то своей дочке. Как потом подружка сказала мне, вторая конфетка была для ее отца - Сергея Ивановича.

Следующей весной Полины не стало. Сердце не выдержало - говорили врачи. А ведь она была совсем молодая - тридцати лет еще не исполнилось.

Мы с родителями пошли на похороны. Народу было мало. Я увидела Веру. Подошла к ней, взяла за руку. У могилы стоял, опустив голову, Сергей Иванович, рядом - Зинаида Васильевна.

Когда все кончилось, они пошли домой, а мы с Верой - за ними. И я слышала, как Сергей Иванович сокрушенно говорил: - Это все я виноват. Из-за меня она умерла. До самой смерти теперь грех этот буду в своем сердце носить.

Зинаида Васильевна утешала его:

- Не терзай себя, Сережа. Это - судьба. Жизнь так повернула. Будешь Верочку растить, хорошего человека из нее воспитаешь, в память о матери ее, Полине.

Вот такая история.

ДОМ НАПРОТИВ

Квадратный кухонный столик был плотно придвинут к окну. Лиза уже накрошила полный тазик винегрета. Осталось только добавить яблоки и заправить майонезом.

Она взяла в руку красное с зелеными полосками яблоко и начала острым ножом срезать тонкую кожуру. Не отрывая ножа, Лиза ловко чистила яблоко, и скоро кожура блестящим серпантинном свесилась над столом.

«Зачем я готовлю этот винегрет? - думала она. - Ведь не за этим он придет! Но срабатывает многолетняя привычка к приходу мужика приготовить что-нибудь поесть!»

Светлая челка свесилась на лоб, закрыла глаза. Руки были заняты. Набрав побольше воздуха, Лиза выпятила нижнюю губу и с силой дунула вверх. Челка взлетела и опустилась как раз туда, где ей и следовало быть - надо лбом.

«Давно пора постричься и укладку сделать. Но времени со-

всем нет, да и терпения тоже - в парикмахерской часами сидеть...»

Лиза подняла глаза и взглянула в окно. Прямо напротив стоял новый голубой десятиэтажный дом.

«Вот построили под самым носом! - ворчливо думала она. - Весь вид испортили. А как хорошо было! Тихое болотце. Лягушки квакали. Камыш шумел. По весне утки прилетали. А теперь перед глазами скучная стена с одинаковыми окошками. Даже балконов и то нет!»

Лиза скользнула взглядом выше и увидела на последнем этаже двух девушек, сидевших на подоконнике распахнутого окна лестничной площадки.

Одна - с распущенными темными волосами в белом, открытом платье. Другая - рыжая, в ярко -синем сарафане. Между ними стоял высокий парень в голубой рубашке. Они смеялись чему-то.

«Замечательно! - подумала Лиза. - Построй они дом немножго ближе - можно было бы услышать каждое слово!»

Она взглянула на узкую полоску неба, отрезанную крышей дома напротив. Небо было ясное. Ни облачка. Ни ветерка.

«Погода замечательная! Мишке в лагере хорошо!купаются в речке, наверное. Костры жгут... Приедет из командировки Игорь обязательно съездим на родительский день».

Вспомнив про мужа, она вздохнула и продолжила очищать яблоко, пока вся кожура красно-зеленой завитушкой не опустилась пружинисто на деревянную доску.

«И не разу не оборвалась!» - довольно улыбнулась она, любясь своей работой.

Разрезав яблоко пополам, потом на четвертинки, Лиза принялась тщательно вырезать семенные коробочки. Мельком взглянула на часы.

«Времени до его прихода еще достаточно. Платье я уже приготовила. Повесила на спинку стула. Зеленое, которое ему так тогда понравилось. С молнией на спине».

- Красивое и к тому же очень удобное! - сказал Никита, улыбаясь, и легко провел пальцами по молнии.

Это произошло, когда они танцевали в ресторане, куда он пригласил Лизу в день своего рождения.

«И белье - самое лучшее - кружевные черные трусики и атласный лифчик с открытыми чашечками... Наша пожилая, опытная бухгалтер говорила, что если кто-то из супругов начинает сверх меры интересоваться нижним бельем - берегись! В твой дом пришла измена!»

Тогда Лиза не обратила внимание на ее слова. Но потом вспомнила, как какое-то время назад, Игорь вдруг стал требовать, чтобы она покупала ему только импортное белье, желательно, французское.

«Какая же она была дура! Бегала по магазинам. Выбирала самое лучшее, тонкое, эластичное. С радостью выкладывала на диван самую красивую на ее взгляд, удобную, добытую с большим трудом покупку. Игорь ласково благодарил ее, гладил по голове и удалялся в спальню - примерить. Долго крутился перед зеркалом, стараясь втянуть уже наметившийся живот... А она была так счастлива, что удалось порадовать мужа, обнимала, прижималась к нему. Улыбаясь, смотрела на него в зеркало...».

У Лизы свело скулы, и она с ожесточением, стучала ножом о доску, разрезая четвертинки яблок на тонкие ломтики.

Она снова взглянула на дом напротив. Парень о чем-то оживленно разговаривал с девушками, поворачивая голову то к одной, то к другой.

«Счастливые! - подумала Лиза. - Такие молодые! Парень еще, видно, не сделал свой выбор, - фантазировала она. - Шутит с обеими... А темноволосой он очень нравится. Она то и дело трогает его за рукав, стараясь обратить на себя внимание... Как важно сделать правильный выбор! Решить для себя, что ты хочешь от жизни. В молодости это так трудно. Опыта, мудрости не хватает. Чувства захлестывают...»

Она бросила взгляд на часы. Пора одеваться. Взяла приготовленное белье, платье и направилась в ванную. Быстро натянула все на себя и посмотрела в зеркало. Щеки ее пылали. Сердце учащенно билось. Лиза взглянула на стеклянную полочку под зеркалом. Недавно муж выставил на полку ее духи в ярких коробочках, разноцветные флакончики с лаком для ногтей.

Сначала она удивилась. Но потом догадалась. У той, другой,

наверное, в ванной вот так все расставлено, и ему захотелось, чтобы дома тоже так было.

«Лучше бы плитку поменял!» - с горечью усмехнулась Лиза, и взяв щетку стала приглаживать копну пышных вьющихся волос.

«Да! Лодка моей семейной жизни уже давно раскачивается из стороны в сторону. Того и гляди перевернется. А я ничегошеньки не предпринимаю, чтобы ее спасти. Сижу тихо, как мышка. Делаю вид, что ничего не происходит. Жду какого-то чуда. Вдруг он сам одумается. И все будет как прежде. Но чудес не бывает... А я ведь не могу жить без любви. Никто не может. Сохну, как сухарь на печке. И вот, пожалуйста, - появился Никита. Как говорится - «на ловца и зверь бежит!»... А познакомились-то как смешно! На физиотерапии! У меня - нога, у него - плечо. Аппарат тогда еще сломался, и моя нога застряла. Так они меня вдвоем с медсестрой еле вытащили! После этого прилепился он ко мне. Все три месяца, как тень ходил. Я сначала удивлялась - такой красивый мужик, что он во мне нашел! Но скоро поняла. В семье у него тоже не все в порядке. Жена уж очень деловая, начальница. Считает его никчемным, неудачником. Пилит, что мало денег зарабатывает. Разругались, и она с дочкой к матери переехала. А ведь Никита такой хороший - добрый, веселый, ласковый!... Только из двух несчастий счастье вряд ли получится... - Лиза вздохнула. - Но я ему нравлюсь. Я это чувствую. И меня к нему влечет. Так сильно!... Ведь я сама ему сегодня предложила приехать. Он бы никогда не решился. Считал, что я недотрога, строгая такая... Он мне сам в этом признался. Да... Была когда-то! Вот как может жизнь человека изменить! Могла ли я подумать?... А когда он пальто помогает надеть, прижимает меня к себе крепко, крепко! Обнимет и целует в ухо, щеку, куда придется... И руки такие сильные!»

Лиза прошла в столовую и достала из буфета хрустальную салатницу. Вернулась на кухню и стала перекладывать в салатницу винегрет. «Потом украшу сверху яйцами - и все готово... И еще, - Лиза улыбнулась. - Ему так нравится делать мне подарки - всякие милые женскому сердцу мелочи - духи, французскую косметику.» Однажды Никита сказал:

- Покажи ладошку!

- Зачем? - спросила она.

- Покажи, покажи - не бойся!

Она протянула ладонь, и он положил на нее маленькую бархатную коробочку.

- Что это? - Лиза открыла ее.

На темном бархате поблескивало тонкое золотое колечко с нежно-розовой жемчужиной.

- Ты с ума сошел! Нет! Я не могу это принять! Такой дорогой подарок! И потом - что я мужу скажу?

- А ты придумай что-нибудь. Например, что на работе была распродажа и жалко было не купить такую прелесть. А тут и премия внеочередная подвернулась.

- А ты, оказывается, большой мастер сочинять! - сказала она, насмешливо прищутив глаза.

- Ты ведь знаешь! Приходится! - ответил он, улыбаясь.

Лиза держала коробочку на раскрытой ладони, смотрела на кольцо и с сомнением качала головой.

- Возьми! - твердо сказал Никита. - Я прошу тебя! Пусть оно у тебя будет! - и он осторожно своей рукой согнул ее пальцы, и коробочка оказалась спрятанной у нее в кулачке.

Лиза понимала его. Такие отношения не длятся вечно. Они слишком любят своих детей. Одна любовь обязательно победит другую. Та, что сильнее всего на свете...

Лиза склонила голову и погрузилась в свои мысли, пока не услышала раздающиеся из дома напротив голоса. Говорили резко, на повышенных тонах. Ей стало любопытно. Вытянув шею, Лиза выглянула в окно.

Трое молодых людей стояли по-прежнему на лестничной площадке дома напротив. Парень обнял за плечи рыженькую в синем сарафане. А темноволосая что-то сердито и громко сказала и вдруг, размахнувшись, с силой ударила парня по руке, той самой, которой он обнимал ее подругу.

«Кажется, намечается скандал, - подумала Лиза. - И смотреть на это мне совершенно ни к чему. И так внутри все дрожит...».

Она прикрыла половину окна и вернулась к винегрету, обровняла ложкой образовавшуюся горку и принялась аккурат-

но выкладывать на верхушку четвертинки яиц.

Стало тихо. Все звуки растворились в спокойном летнем дне.

И вдруг, во внезапно наступившем безмолвии раздался страшный, душераздирающий вопль. Лиза подняла голову. И не могла поверить своим глазам! Девушка в белом падала из окна, и ее беспомощное тело стремительно летело вниз, к своей неминуемой гибели.

Лиза видела все, как в кадрах замедленной киносъемки. Руки девушки были раскинуты, и она судорожно пыталась ухватиться ими за что-то. Потом, уже безвольно, несколько раз перевернулась в воздухе. И вот до Лизы донесся тихий, ужасающий хруст. Тело девушки в белом неподвижно лежало на асфальте. А вокруг него расплывалось красное, кровавое пятно.

Лиза в отчаянии, не помня себя, кричала, зажав рот руками. В эту минуту раздался звонок в дверь. Она не слышала его. Звонок повторился. Потом еще и еще. За дверью прозвучал взволнованный голос Никиты:

- Лиза! Открой! Что случилось?!

А она стояла у окна, не в силах сдвинуться с места.

РЫЖИЙ

- Можно войти? - Маша приоткрыла дверь просторного кабинета. - Здравствуйте, Вера Филипповна! - Маша приветливо улыбнулась.

- Входи, входи, Машенька! Что ты в дверях застряла? Проходи, садись. Вот стульчик - хороший, мягкий! - Вера Филипповна Хавцова пухлой рукой, унизанной кольцами с разноцветными камнями, указала Маше на обитый черной кожей стул, который стоял перед ее рабочим столом темного дерева и был таких же внушительных размеров, как и его хозяйка - влиятельный начальник важного отдела министерства.

Маша присела на стул и тут только заметила в руке у Веры Филипповны громадную кружку, из которой валил пар, и лежащее на салфетке пирожное «эклер», покрытое шоколадной помадкой и уже надкусанное с одного конца. Густой, корич-

невый крем медленно выползал из образовавшегося отверстия. Чтобы сладкая начинка окончательно не вылезла и не растеклась по столу, Вера Филипповна ловко подхватила пирожное, и в мгновение ока оно исчезло у нее во рту, как заяц в пасти удава.

Смачно причмокивая полными губами, отпивая большими глотками обжигающий чай, Вера Филипповна выпучила серые, круглые глаза и жестами показывала Маше, чтобы та располагалась поудобнее.

- Ой, извините, Вера Филипповна! Я не знала, что у вас еще обеденный перерыв не закончился! - сказала Маша.

Проглотив, наконец, пирожное и запив его хорошим глотком чая, начальница отдела пояснила:

- Да ты не волнуйся, Машенька! У меня ведь обеденный перерыв никогда и не кончается! - и Вера Филипповна добродушно улыбнулась своей шутке.

Она убрала опустошенную кружку в нижний ящик стола, а салфетку, предварительно вытерев ею перепачканные шоколадным кремом широкие губы, бросила в мусорную корзинку.

- Ну что, все привезла? - спросила она Машу уже другим, деловым тоном.

- Все, Вера Филипповна! Как вы просили. Вот таблицы, вот отчеты...

- Да какие таблицы! Какие отчеты! Разве я об этом спрашиваю?! - повысила голос Вера Филипповна.

- А о чем? - недоуменно уставилась на нее Маша.

- Ты черешни мне купила на Центральном рынке?! Темно-красной, как я говорила!

- Черешни?! Ой, я совсем забыла! Конечно, купила! Вот смотрите. Очень хорошая! Сладкая! Я пробовала.

- Вот и молодец! Вот и умница! - рот Веры Филипповны растянулся в довольной улыбке.

Взяв пакет с черешней, Вера Филипповна строго спросила:

- Сколько я тебе должна? - и вытащив тяжелый кошелек, аккуратно отсчитала нужную сумму точно, копейка в копейку, и высыпала деньги в Машину ладонь. - Ну, теперь можно и к делу подбираться, - сказала она. - Хотя, постой! Расскажи-ка

мне сначала, как у вас дела. Что, Валечка Новикова еще не родила? А как здоровье Александра Даниловича? Операция прошла успешно?

Маша быстро, но подробно поведала Вере Филипповне все новости, происшедшие в их институте с того момента, когда она виделась с начальницей в последний раз. Закончив, она вздохнула и, подперев кулачком подбородок, задумчиво разглядывала лицо Веры Филипповны - полное, тяжелое, с капельками пота на щеках и двойным подбородком, спускавшимся округлыми волнами на короткую, могучую шею. А Вера Филипповна разглядывала Машу, ее милое, немного детское лицо, круглые синие глаза, темно-каштановые волосы, собранные в высокую прическу. И вдруг начальница изо всех сил звонко шлепнула мясистой ладонью по полированной поверхности стола.

- А рыжий?! Что же ты мне про рыжего ничего не рассказываешь? Как же ты про рыжего забыла?! - возмущалась Вера Филипповна. - Ведь он недавно женился! Кто его жена?

Рыжий - так звали все поголовно - от ответственных работников аппарата министерства различных рангов, до начальства и рядовых сотрудников института, ведущего специалиста, под руководством которого работала Маша.

Настоящее его имя было Леонид Евсеевич Розанский. Но бесспорная истина была такова, что для описания внешности Леонида Евсеевича, действительно, было необходимо только одно слово - рыжий.

Из его прозвища уже и так было ясно, что рыжими были волосы, жестким вьющимся нимбом окружающие круглую голову, брови, торчащие во все стороны и короткие, прямые ресницы. Небольшие глазки, ярко-рыжего цвета горели неукротимым, золотым огнем. Лицо, густо покрытое веснушками, напоминало зимний апельсин, оранжевая пористая шкурка которого и мелкие вишневые крапинки на ней, сливались в непередаваемый красно-рыжий цвет. Росточка Леонид Евсеевич был небольшого, сложения мягкого, округлого и несколь-

ко походил на игрушечного медвежонка, по ошибке погруженного в чан не с кориичневой, а рыжей краской.

Леонид Евсеевич Розанский, хотя и числился Машиным начальником, но, по сути, был ее другом. Старшим другом. И десять лет разница в возрасте не мешала ему относиться к Маше без высокомерия и снисходительности, как равный к равному. Он незаметно направлял ее, тогда совсем еще молодого специалиста, распределенного в его группу сразу после института, не только в работе, но и в отношении к жизни и, если так можно выразиться, в духовном развитии.

Дело в том, что Леонид Евсеевич был страстным коллекционером. Он собирал альбомы, оформленные русскими художниками начала двадцатого века. Эти альбомы, такие, как «Аполлон», были изданы в свое время мизерными тиражами, и каждый экземпляр представлял собой исключительную художественную ценность.

На какие средства Леонид Евсеевич пополнял свою коллекцию редкостными произведениями искусства, для Маши оставалось загадкой. Зарплата научного работника была невелика. Но ежедневно, в течение нескольких лет, на глазах у Маши повторялся один и тот же ритуал.

Леонид Евсеевич, минут за десять до начала обеденного перерыва доставал из старенького портфеля завернутый в салфетку бутерброд с сыром или колбасой. Наскоро прожевывал его. Торопясь, запивал стаканом крепкого чая.

И как только стрелки на часах, прибитых к стене над дверью, показывали двенадцать, Леонид Евсеевич хватал свой портфель и исчезал бесследно. Появлялся он обычно за минуту до конца обеденного перерыва, запыхавшись и вытирая рукавом пот со лба.

Иногда, по утрам, Леонид Евсеевич подходил к Маше и, наклонившись, шептал ей на ухо:

- Машуля, у тебя есть деньги? Ты можешь мне одолжить до полочки?

Маша доставала из сумки кошелек и вытряхивала его содержимое на стол.

- Бери, Леня, сколько тебе надо.

По настоянию Леонида Евсеевича, буквально с первых дней ее работы в институте, они с Машей были на «ты». «Будем общаться по-американски» - сказал он ей, хитро улыбнувшись. «Хорошо!» - согласилась Маша.

Леонид Евсеевич тщательно отсчитывал нужную сумму, следя за тем, чтобы у Маши оставалось достаточно средств, чтобы дожить до получки, ласково трепал ее за плечо и, блеснув желтым светофорным огоньком рыжих глаз, удалялся за свой начальственный стол, расположенный у самого окна.

Спустя какое-то время, возвращаясь со своей обеденной охоты, Леонид Евсеевич стал приносить Маше детские книжки с иллюстрациями известных мастеров живописи.

Почему? Маша могла только догадываться. Поскольку, она была уже пару лет замужем, Леонид Евсеевич, видимо, предположил, что прибавление семейства не за горами, и что Машиному будущему отпрыску не пристало любоваться какой-нибудь халтурной мазней, а непременно только высокохудожественными произведениями, пусть и воплощенными в картинки для детей.

Постепенно и Маша, под влиянием Леонида Евсеевича, приобщилась к сокровищам изобразительного искусства. И ей уже не приходилось, когда Леонид Евсеевич сообщал радостно: «Представляешь, Машуля, как мне повезло! Удалось купить для тебя альбом Тулуз-Лотрека! Ты его любишь?» - напускать на себя умный вид и произносить с видом знатока: «Тулуз-Лотрека? Конечно люблю! Кто же его не любит!»

Леонид Евсеевич был счастлив. Может быть, он и догадывался, что Маша впервые слышит фамилию великого французского мастера, но виду не показывал, а, между прочим, как бы мимоходом, сообщал ей интересные факты из жизни художника.

Маша внимательно слушала, впитывая, как губка, все, что рассказывал ей Леонид Евсеевич, и скоро у нее собралась своя собственная коллекция детских книг с прекрасными иллюстрациями и почти целая полка альбомов.

На пятом году супружеской жизни Маша забеременела. Узнав об этом, Леонид Евсеевич, «старый холостяк с оскверненной площади» - так он себя называл, поскольку жил у старин-

ной площади с уютным, зеленым сквериком посередине, стал смотреть на Машу с восхищением.

Стараниями Леонида Евсеевича ее детская библиотечка росла не по дням, а по часам, но деньги до получки он почему-то у Маши занимать перестал.

Маша уже собиралась уходить в декретный отпуск, как в один прекрасный день, Леонид Евсеевич подошел к ней и общил, весело прищурился одним глазом:

- Машуля! Поздравь меня! Я женюсь!

Маша от удивления едва не упала со стула. А Леонид Евсеевич, не спеша, удалился на свое место, фальшиво напевая переделанную им на свой лад популярную песенку:

«В ромашках спряталась,

Сняла решительно.

А он внимания не обратил...»

Маша не могла дожидаться обеденного перерыва, чтобы обсудить эту потрясающую новость. Пробыло двенадцать. Леонид Евсеевич исчез, а Маша медленной походкой, величаво неся впереди себя округлившийся живот, направилась к своей приятельнице, Алле.

Алла обняла ее за располневшую талию, и они вышли в коридор.

- Алка! Ты не представляешь! Какая поразительная новость! Леня женится! - Маша в волнении теребила Аллу за рукав и улыбалась, розовыми, немного припухшими, губами.

- Рыжий!!! Вот это - да! - ахнула Алла. - Хотя, - она оглядела Машу с головы до ног. - Если подумать, ничего удивительного в этом и нет!

- Как - нет? - остолбенело уставилась на нее Маша.

- А так! Ты вот скоро рожать будешь. Ребеночка заимеешь. Полной семьей обзаведешься.

- При чем тут я! Ничего не понимаю! - развела руки в стороны Маша.

- А при том! Машка! Ты, что - совсем блаженная, что ли? - выговаривала Алла, сердито прищурившись. - Ведь он влюблен в тебя уже сколько лет! Ты что - не замечала?

Маша подняла в изумлении темные брови, округлила еще

больше синие глаза и растерянно хлопала пушистыми ресницами. Не зная, что сказать, не веря ни единому слову Аллы, она отрицательно качала головой.

- Что ты говоришь такое, Алла! С ума сошла? Он мужа моего, Виталия, любит, дружит с ним, - вспыхнув, выпалила она.

- Тебя он прежде всего любит! А поэтому и мужа твоего, Виталия! Как же иначе ему общаться с тобой, дружить? Неужели ты не понимаешь? Вот блаженная! - и Алла, резко развернулась на каблуках и зашагала в другой конец коридора, где в дальнем углу белой глыбой возвышался общественный холодильник.

Маша стояла, опустив руки, и в сомнении пожимала плечами.

- Все! Это! Неправда! - наконец, громко произнесла она и даже топнула ногой от возмущения, но тут же испуганно оглянулась по сторонам.

Но в коридоре было пусто, а Алла уже удалилась на значительное расстояние и услышать Машины возгласы не могла.

Маша повернулась к двери своего отдела и изо всех сил толкнула ее, распахнув настежь. Затем решительно вошла, а дверь с грохотом захлопнулась за ее спиной. Все сотрудники, сидящие за столами и спокойно потягивающие из разноцветных кружек чай, дружно обернулись и ошарашено уставились на Машу. Такого шумного поведения от нее никто не ожидал.

- У беременных часто бывают резкие перемены настроения, - негромко, с видом знатока произнес сидящий впереди Маши пожилой инженер, Петр Васильевич.

Ему это было хорошо известно. Петр Васильевич вырастил четверых детей. Двоих мальчиков и двоих девочек.

Разбираясь с бумагами, Маша вдруг вспомнила, что в прошлом году зимой, когда она, катаясь на лыжах, сломала ногу, Леонид Евсеевич первым примчался к ней в больницу с букетом белых хризантем и книжкой подмышкой.

- Вот тебе «Денискины рассказы» Драгунского, - протянул он ей небольшую книжицу в картонном переплете. - Читай! Смешная! А знаешь, Машуля, я слышал, от смеха кости быстрее срастаются! - и глаза его заискрились лукавыми золотыми огоньками.

Прощаясь, он погладил Машу по голове и крепко сжал руку, лежащую поверх байкового больничного одеяла.

«Ну и что!» - спорила сама с собой Маша. - «Ничего особенного! Просто пришел навестить. На то и друзья!» Она вздохнула легонько и постаралась отогнать от себя никому ненужные, бесполезные мысли.

Все это промелькнуло в голове у Маши в одно мгновение, пока они с начальницей отдела, Верой Филипповной, молча смотрели друг на друга. Молодая - задумчиво-выжидательно. Постарше - любопытно-вопросительно.

- Живут нормально, - наконец проговорила Маша. - Жена у Леонида Евсеевича - зубной врач. Симпатичная. Темленькая такая.

- Ты что-то мне не договариваешь, Мария! - медленно произнесла проницательная Вера Филипповна. - Что-то скрываешь! - и она снова, но уже не так громко пристукнула широкой ладонью по столу.

- Ну что вы, Вера Филипповна! - постаралась, как можно убедительнее успокоить ее Маша. - Просто я многого, что у нас в институте произошло, еще не знаю. Ведь только два месяца назад я вернулась на работу из декретного отпуска. Да. Дашеньке как раз год и два месяца вчера исполнилось.

Услышав про ребенка, Вера Филипповна улыбнулась теплой, почти материнской улыбкой.

- А у тебя, Машенька, ее фотокарточки нет с собой? Так хочется посмотреть. Наверное, такая же красавица, как и ты!

- Ну почему же, как я? - засмушалась Маша. - У меня и муж очень красивый, - и она, порывшись в сумочке, достала фотографию и протянула ее Вере Филипповне.

Пока та рассматривала фотокарточку, восхищенно прищелкивая языком, Маша думала о том, что хитрющая Вера Филипповна, от которой, как все говорили, ничего не скроешь, оказалась и на этот раз права. У Маши с Леонидом Евсеевичем была тайна, о которой никто у них на работе и не догадывался.

Маша с семьей собиралась уезжать в Америку. Год назад они с мужем заполнили анкеты, и какое-то время назад прошли

интервью. Решение было положительным. В течение ближайших месяцев они уедут из Москвы. Навсегда. Так, во всяком случае, думала Маша. Сразу после интервью Маша поведала Леониду Евсеевичу под страшным секретом о своем намерении уехать. Он долго смотрел на нее внезапно потемневшими золотыми глазами и вдруг спросил, ни к селу, ни к городу:

- А ты помнишь, Машенька, эпиграф к повести Пургенева (так он, шутя, переделал фамилию писателя) «Вешние воды»?

- Нет, - ответила Маша, недоуменно разглядывая знакомое рыжее лицо.

- «Веселые годы,
Счастливые дни -
Как вешние воды
Промчались они!»

Через несколько дней Леонид Евсеевич, несканзанно удивив всех сотрудников, никуда не поехал в обеденный перерыв, а подсел к Маше, и, рисуя карандашом на обложке какого-то важного отчета смешных человечков, сказал, не поднимая головы и не смотря на нее:

- Мы подали заявление на выезд в Израиль. Вот так. Разъезжаемся мы с тобой, Машуля, в разные концы света.

Все последующее время Леонид Евсеевич ходил грустный, похудел, осунулся. Вызвав однажды Машу в коридор, взял ее за локоть, отвел в сторонку и проговорил убитым голосом:

- Ты знаешь, Машенька, я абсолютно не представляю, что делать с коллекцией. Вывезти ее мне не позволят. Жена говорит - продай. Она стоит больших денег. А как я ее продам? Это вся моя жизнь. Нет! - сказал он твердо. - Она мне дороже жизни!

Маша не знала, как утешить своего друга. И не могла ничего придумать. Ей казалось, что положение безвыходное и коллекцию придется продать, но сказать Лене об этом она не решалась. В этот момент мимо них, громко цокая каблучками, прошла председатель профкома Нина Калюжная.

- Ты, рыжий, что-то совсем палевый стал! Весь свой веселый цвет потерял! - обратилась она к Леониду Евсеевичу. - У меня две путевки горящие есть в Прибалтику. Бери! Там сейчас хорошо! Отдохнешь, загорись, опять веселым станешь,

как медный таз засветишься!

- А что, Леня! - подхватила Маша. - Поезжайте с женой! Когда вы еще в Прибалтику попадете! - добавила она тихо.

И вот уже прошла неделя, как Леонид Евсеевич с женой уехал на Рижское взморье.

- Да! Я совершенно забыла вам сказать, Вера Филипповна, - спохватилась Маша в конце длинного разговора с начальником отдела. - Леонид Евсеевич с женой в Прибалтике отдыхает!

- О, замечательно! Молодец, рыжий! - похвалила Вера Филипповна Леонида Евсеевича.

Маша вышла из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь, и облегченно вздохнула. Свой долг перед институтом она выполнила. Отчет одобрен и подписан на самом высоком уровне.

Маша подошла к лифту. Взглянула на часы. С минуты на минуту должна появиться Алла. Они договорились вместе зайти в бухгалтерию министерства и выбрать необходимые для расчетов экономические данные.

Маша увидела поднимающуюся снизу кабину. Дверь открылась. Из лифта вышла Алла. Лицо ее было перекошено. Она кусала губы. Из глаз текли ручьями слезы и, размывая тушь с ресниц, двумя черными полосками спускались к подбородку.

- Аллочка! Что с тобой! Что случилось? - Маша бросилась к своей приятельнице и принялась трясти ее за руку.

Алла разрыдалась в голос и уткнулась Маше в плечо. Сквозь всхлипывания и судорожные вздохи Маша с трудом разобрала ужасное известие, как острым ножом, пронзившее ее сердце:

- Какое несчастье! Рыженький наш... Умер! Упал и умер... Прямо на пляже... В одну минуту... Завтра гроб привезут...

- О, Боже! - «Коллекция для меня дороже жизни...» - промелькнуло у Маши в голове. - «Какими страшными, вещими оказались эти слова...» - глаза у Маши были сухие. Но горло так сжало от боли, что она не в состоянии была даже вздохнуть.

Она обнимала Аллу за плечи. Мимо проходили важные министерские работники и удивленно и неодобрительно поглядывали на странную сцену.

УРОКИ КОСМЕТИКИ

Сразу после окончания института Валу распределили в новое, только что организованное конструкторское бюро. Помещение для него еще не было готово. Все сотрудники расположились в одной огромной комнате с множеством столов, заваленных толстыми томами технической литературы, справочниками и разноцветными картонными папками.

Работников в конструкторском бюро было немного - человек двадцать. Внимание Вали привлекла одна женщина. Валя о ней ничего не знала. Женщина ни с кем не общалась. Известно было только ее имя - Матильда Семеновна.

Она целый день сидела за рабочим столом, низко склонившись над бумагами и записывала какие-то данные в канцелярскую книгу. Валин стол стоял в дальнем углу комнаты и ей хорошо был виден пушистый затылок Матильды Семеновны, рыжеватые волосы завитые в старомодный перманент и вязаная вишневая шаль, в которую она кутала свои острые плечи.

Красота Матильды Семеновны поразила Валу. Точеные черты слегка удлинённого лица, большие зеленые глаза и тонкие брови, выщипанные высокими дугами по моде далеких лет.

Видимо, не очень молодая, за пятьдесят. Но кожа на лице гладкая, как у пятилетнего ребенка. Без единой морщинки. Через тонкую белую кожу проступал нежный румянец. Великолепная осанка. Спина совершенно прямая, плечи откинута назад, голова горделиво поднята. Можно было подумать, что Матильда Семеновна носит на голове один из толстых технических справочников, разбросанных по столам.

Утром она широко распахивала дверь и бросала, несколько надменно, общее для всех: «Здравствуйте!». Быстрой походкой устремлялась к своему рабочему месту. Сидела за стол, открывала канцелярскую книгу и принималась строчить в ней мелким, бисерным почерком. И так, не отрываясь, до самого обеда.

Спустя какое-то время, Валя стала замечать некоторые странности в поведении Матильды Семеновны. Склонившись над бумагами, она часто бормотала что-то невнятное о поте-

рянных ключах или пропавшем ожерелье из речного жемчуга. Говорила тихо, ни к кому не обращаясь. Потом замолкала, уткнувшись носом в справочники. Окружающие старательно делали вид, что ничего особенного не происходит, и обращались к ней подчеркнуто вежливо и любезно.

Одевалась Матильда Семеновна тоже не совсем обычно. Часто меняла добротные, красивые вещи. Но казалось, что они долго-долго висели в пропавшем нафталином шкафу, и только сейчас их вытащили на свет. Появляясь на работе в новом драповом пальто, Матильда Семеновна сообщала в пространство:

- Подруги не забывают меня! Вчера одна привезла целый мешок вещей и все очень хорошие, приличные, почти новые!

И вот случилось незначительное происшествие, неожиданно сблизившее Валу с Матильдой Семеновной. Утром Матильда Семеновна широко распахнула дверь и стремительно вбежала в рабочее помещение. Глаза ее гневно сверкали, а волосы от резких движений развевались во все стороны. Она говорила сердито и взволнованно о том, что кто-то специально намазал черной масляной краской ее почтовый ящик, и она перепачкала руки. Матильда Семеновна в расстройстве смотрела на свои чистые ладони и удрученно качала головой.

Она села на свое рабочее место и долго не могла успокоиться, все говорила и говорила. Наконец, один из сотрудников, пожилой бухгалтер, подошел к ней и что-то тихо спросил. Она очнулась, испуганно взглянула на него, стала рыться в бумагах и вытащила из стопки нужный документ.

Бухгалтер взял бумагу, поблагодарил Матильду Семеновну и направился к двери. Проходя мимо Вали, он заметил ее вопросительный взгляд, наклонился и прошептал едва слышно:

- Бедная! Ведь она десять лет в лагерях просидела. И где - на Колыме! - он сочувственно покачал головой и тяжело вздохнул.

Все сразу стало на свои места. Валя с болью в сердце смотрела на Матильду Семеновну. Многие, видимо, знали ее прошлую жизнь, но не говорили Вале. Дескать, молодая, что она понимает!

В одиннадцать часов кто-то включил приемник, и началась производственная гимнастика. Сотрудники поднимали руки, разгибали усталые спины, шагали, высоко поднимая колени.

Смотрели отрешенно через большие светлые окна на улицу - на черные мартовские деревья и слежавшийся снег.

Матильда Семеновна делала гимнастику очень старательно. Наклонялась вперед, доставала до пола кончиками пальцев. Поворачивала туловище вправо и влево. И вдруг заговорила, обращаясь к кому-то неизвестному:

- Они думали, что я там погибну, очоурюсь, работая по колону в ледяной воде! Но вот я жива! А они... они сейчас - дряхлые старухи! Они смотрят на меня и завидуют! У меня... Посмотрите на мое лицо! Оно, как у двадцатилетней девушки! Я гимнастику делаю каждый день. У меня все суставы на руках перебиты. Но это ничего! Зато фигура какая! А они - старухи! - повторила она, как заклинание.

Валя старалась не смотреть на Матильду Семеновну, но краем глаза видела, как она размашисто и сердито наклоняется вперед в проходе между столами. Вдруг, она нечаянно задела рукой фарфоровую чашку, стоящую на крае стола. Чашка взлетела в воздух, стукнулась о твердый, покрытый жестким линолеумом пол и разбилась вдребезги.

- Ой! - вскрикнула Матильда Семеновна. - Как же это я! Моя любимая чашка! Из чего же я сегодня чай буду пить?

Валя подбежала к ней, стала помогать собирать осколки.

- Не волнуйтесь, Матильда Семеновна! У меня есть запасная чашка. Я вам дам ее, - сказала Валя.

- Спасибо, детка! - ответила Матильда Семеновна и села за стол.

А Валя вернулась на свое рабочее место и продолжала изучать какую-то скучную, длинную инструкцию.

В обеденный перерыв она принесла Матильде Семеновне синюю, с золотым ободком чашку.

- Матильда Семеновна! - предложила Валя. - А давайте вместе чай пить за моим столом. Приходите! Я конфеты шоколадные принесла. «Мишка на севере».

- Спасибо, - сказала Матильда Семеновна. - Я приду, - и великодушно кивнула головой.

В обеденный перерыв они сидели за Валиным столом, и Матильда Семеновна внимательно разглядывала Валю. Потом

заговорила тихим, таинственным голосом, почему-то все время оглядываясь по сторонам:

- Знаете, детка, что я вам скажу. Перед тем, как принимать душ, намажьте лицо жирным кремом. Он хорошо впитывается от горячего пара, а вода увлажняет кожу. А на ночь всегда смазывайте нижние и верхние веки питательным кремом. Кожа на веках очень нежная, быстро стареет, ее нужно поддерживать. О шее тоже не забывайте. Уход за ней очень важен. А то женщины о лице заботятся, а о шее забывают. А она как раз возраст и выдает. И руки. Крем для рук должен лежать в каждой комнате. Как чувствуете сухость - сразу кремом их, кремом. Руки это любят! - и она мило улыбнулась, довольная, что Валя с интересом ее слушает.

- Спасибо за советы, Матильда Семеновна! - сказала Валя, убирая со стола. - Давайте я вашу чашку сполосну. Все равно мне свою мыть.

- Нет, нет! Что вы, что вы, детка! Я сама. И потом - движение полезно!

С этого дня Матильда Семеновна в обеденный перерыв всегда приходила к Вале, и они пили чай и разговаривали, как старые приятельницы. Больше говорила, конечно, Матильда Семеновна. У нее за плечами была длинная жизнь, и повидала она много на своем нелегком пути.

Однажды, присев на стул возле Вали, она достала из сумочки маленькую фотокарточку. На снимке, около небольшого легкокрылого самолета стояла красивая, стройная молодая женщина в кожаном шлеме, кожаной куртке и узких брюках, заправленных в высокие сапожки.

- А вы почти не изменились, - сказала Валя искренне.

Матильда Семеновна благодарно улыбнулась.

- Я вошла в число первых советских летчиц! Была членом ДОСААФ. Потом меня учиться в институт послали. Там я с профессором Якубовским, своим будущим мужем познакомилась. Он был старше меня намного. Историю преподавал. Шесть языков иностранных знал! Среди них - китайский. Когда мы поженились, его направили на работу в посольство, в Китай. А я осталась доучиваться. Только он недолго там про-

работал. Вскорости его вызвали в Москву и арестовали. И больше я его никогда не видела... А они все еще здесь - эти червяки! – Матильда Семеновна наклонилась к Вале и крепко сжала ее руку. - Живут, спят, едят! А его - великого ученого, историка, давно нет в живых! - она встала, с грохотом отодвинула стул, и, не оглядываясь, ушла на свое место.

Как-то, во время производственной гимнастики Матильда Семеновна подошла поближе к Вале и стала строго внушать:

- Гимнастику обязательно нужно делать! Чтобы осанку хорошую сохранить. И руки поднимать - вверх и в стороны. Чтобы мышцы груди укреплять. Тогда она всегда красивая будет, не обвиснет! И ноги! Высоко колени поднимать! На цыпочках вытянуться! Вот так! - и она бодро шагала на месте под звуки музыки, доносящейся из приемника.

Во время обеда Валя не выдержала и спросила:

- Матильда Семеновна, а вас тоже арестовали?

- Он мне прямо так и сказал, - Матильда Семеновна устремила на Валу жестокий, ненавидящий взгляд. Так, наверное, когда-то смотрели на нее. - Или пойдешь со мной прямо сейчас в соседнюю комнату, или сгинешь в болотах на Колыме!

- И что же вы?!

- Я? - Матильда Семеновна рассмеялась, но как-то глухо, невесело. – Я влепила ему такую пощечину, что чуть руку себе не сломала, а ему - скулу! - она замолчала. - Он умер давно от злой болезни... Я знаю... А мне квартиру однокомнатную дали. Компенсацию выплатили. Только вот рабочего стажа мне до пенсии не хватает. Не засчитали нам за стаж, когда мы в ледяных болотах загибались! Вот и приходится мне в нашей конторе стаж дорабатывать. Бумажки перекладывать с места на место!- Матильда Семеновна замолчала и больше не проронила ни слова.

Случилось так, что спустя короткое время после этого разговора, Валя заболела. Схватила ангину и неделю провалялась в постели.

Выйдя на работу, она узнала, что часть помещений уже отремонтировали, и она со своим столом переезжает в соседнюю комнату.

Рабочие попросили ее вынуть ящики из стола, чтобы его легче было переносить. Она вытащила заполненный бумагами ящик и поставила рядом, на пол.

В это время в комнату вбежала Матильда Семеновна. Она пронеслась мимо Вали и, не заметив ящика, споткнулась и чуть не упала.

Обернувшись, она посмотрела на Валу холодными, чужими глазами и проговорила сквозь зубы:

- Вот они, эти бериевские штучки!

- Извините, пожалуйста, Матильда Семеновна! - растерянно пробормотала Валя.

Матильда Семеновна, прищурилась и еще раз внимательно взглянула на нее:

- А вы тут ни при чем, детка. Это все - они! - И она кивнула головой куда-то вверх, в потолок. - Затаились и ждут, чтобы снова все начать! Только напрасно! - она усмехнулась. - Никогда это не повторится. Никогда! - Матильда Семеновна решительно дернула плечом и прошла на свое рабочее место.

СТРАННЫЙ РОМАН

Все произошло внезапно. Как гром среди ясного неба. Правда, небо не было таким уж ясным. Довольно густые облака гуляли по нему временами. Но что за небо - без облаков! Лишь бы они не превращались в черные, грозовые тучи. А так - налетит переменчивый ветер, развеет облака. Выглянет ласковое солнышко, согреет всякое живое существо своей любовью - и снова все в порядке, все хорошо.

Жизнь Лены была наполнена до предела - интересная работа, внимательный муж, сын - отличник. Что еще нужно женщине? Она не ощущала недостатка ни в чем. Времени свободного только маловато. Но что роптать на это - у всех так.

И вот в один прекрасный день Лене позвонила ее бывшая однокурсница - Маша Семенова и сказала, что в этом году исполняется пятнадцать лет со времени окончания института, и

их группа собирается отметить это замечательное событие в одном из ресторанов в центре города. Маша спросила, не хочет ли Лена присоединиться.

- Конечно, хочу! Что за вопрос? - ответила Лена.

- Тогда на этой неделе привези мне деньги на работу, - сказала Маша и дала Лене свой адрес и телефон.

Лена, не откладывая, на следующий же день в обеденный перерыв отнесла Маше нужную сумму. Благо, как оказалось, они работали совсем близко друг от друга - минут десять пешком. Они поболтали несколько минут. Лена похвалила Машу за то, что она взялась за такое хлопотное дело - организовать встречу однокурсников.

- Мне не привыкать, - сказала Маша. - Я и в институте была почетная активистка. Помнишь?

- А как же! Прекрасно помню, как ты меня, бывало, чуть ли не за уши затаскивала на всякие там мероприятия.

- Да, - сказала Маша. - Ты была общественно - пассивный товарищ.

- Такая и осталась, - подтвердила Маша, обняла свою бывшую однокурсницу и побежала обратно на работу - обеденный перерыв уже заканчивался.

Чем ближе была дата юбилейной встречи, тем больше волновалась Лена. Ведь многих своих однокурсников она не видела целых пятнадцать лет!

Она стала часто подходить к зеркалу и пристально вглядываться в свое отражение. Не так, как обычно, мельком, спеша на работу - лишь бы были аккуратно причесаны волосы и подкрашены губы. И все.

Сейчас Лена внимательно рассматривала каждую черточку своего лица. Огорченно заметила легкие морщинки в уголках глаз, складку на лбу между бровями, побледневшие щеки. И, особенно взгляд - какой-то усталый, напряженный. Она себе явно не нравилась.

«А мне ведь уже скоро сорок лет! - с ужасом подумала она. - Как быстро пролетело время!»

В день встречи - это был выходной, Лена постаралась привести себя в порядок и выглядеть, как можно лучше. Муж удивленно поглядывал на нее из-за газеты, наблюдая, как она носится по квартире с бигуди в волосах, толстым слоем крема на лице и темно-красным платьем на вешалке, которое развевалось от ее быстрых движений подобно первомайскому стягу.

Взглянув на себя напоследок придирчиво в зеркало в прихожей, Лена осталась довольна. Она была еще очень мила! Не красавица, конечно. Но дама вполне привлекательная.

В ресторане было шумно, весело. Объятия, дружеские похлопывания по спине, расспросы о личной жизни, работе. «Девочки», слегка пополневшие, «повзрослевшие», но умело подкрашенные, выглядели великолепно. «Мальчики», заматеревшие, солидные, говорили басом и важно кивали головами.

Но, постепенно, прошедшие пятнадцать лет куда-то испарились, и Лена начала видеть своих однокурсников такими, какими они были давным-давно в институтские годы, когда веселой стайкой перебегали из одного утопающего в зелени учебного корпуса к другому. Они шутили, смеялись, острили совсем, как беззаботные студенты-первокурсники.

Лена под села к Наташе Орловой, с которой была близка на старших курсах, но потом их пути разошлись, и Лена ничего не знала о жизни подруги. Они оживленно болтали, перебивая друг друга, спрашивая и отвечая одновременно. Как вдруг, кто-то тронул Лену за плечо. Она обернулась:

- Алеша! Привет! - обрадовано воскликнула Лена.

Это был Алеша Грановский. «Душа» их группы. Заводила и вожак, способный поднять ребят на любое дело - хорошее или плохое - все равно. Сбежать с лекций в кино или поехать всем вместе в колхоз на картошку.

К тому же, он прекрасно играл на гитаре и пел приятным баритоном студенческие песни, которых знал великое множество. Все девчонки по очереди влюблялись в Алешу. Но он замечал только одну девочку - Киру Голубеву, с их же курса, но из другой группы. Они дружили еще со школы, с восьмого класса и тогда еще ходили на переменах по коридору, держась за руки. Кто-то сказал Лене, что сразу после окончания института они поженились.

Алеша относился к тому счастливому типу людей, которые притягивают к себе, как магнит. Он был крепкого сложения, мускулистый, но тонкий в талии. Большие, красивые руки. Русые волосы, непокорно торчащие во все стороны, и светло-карие глаза, озорные и смешливые. Он умело ладил со всеми и так же умело и незаметно всеми командовал.

- Извини, Наташа, можно я с Леной поговорю немного. А то, я уже со всеми пообщался. Ты одна осталась, - сказал он, обратившись к Лене.

- Значит, на закуску, - сказала Лена, улыбаясь.

Наташу кто-то пригласил танцевать, а Алеша с Леной стали разговаривать, близко склонившись друг к другу. Шум оркестра заглушал голоса.

У Алеша с Кирой было двое детей.

- А у меня один, сын, - сказала Лена, а потом, сама не зная почему, добавила: - Ты знаешь, Алеша, как я любила, когда ты играл на гитаре и пел те чудесные песни! Я многие и сейчас помню и даже напеваю иногда.

Лена принялась перечислять песни, которые часто исполнял Алеша в те далекие студенческие годы. И чем больше она перечисляла, тем внимательнее он смотрел на нее.

- Послушай, Ленка, а ты и правда их любила, если помнишь так хорошо! - Она, молча, кивнула в ответ. - А мне казалось, что все уже забыли! - Лена отрицательно покачала головой. - Пойдем, Лен, потанцуем! - потянул Алеша Лену за руку. - Вспомним былое! Как говорили в наше время: танцы-шманцы -обжиманцы!

Они танцевали все танцы подряд - и быстрые, ритмичные, и медленные, тягучие. Двигаясь по залу, они то весело болтали, то молчали, задумавшись, каждый о своем. В перерывах Алеша держал Лену за руку, не отпуская от себя. Разговаривая, дотрагивался до ее руки, плеча, и даже поправлял волосы, спадающие на лоб. Когда кто-то из бывших однокурсников подошел к Лене и пригласил ее на танец, он ответил за нее, слегка кривляясь:

- Видите ли, мы не танцу-у-ем! У нас но-о-жки болят!

Было уже далеко за полночь, когда все, постепенно, стали расходиться.

- Я тебя провожу, - сказал Алеша.

Они молча ехали в пустом вагоне метро. Лена заметила, что Алеша смотрит, не отрываясь, на ее отражение в стекле на противоположной стене вагона. Она вздохнула и опустила глаза, чтобы не встречаться с ним взглядами.

Когда они вышли из метро, асфальт был мокрый. Видимо, прошел дождь. Огни одиноких фонарей отражались неяркими бликами в мелких лужицах. Стало прохладно. Алеша снял пиджак и накинул Лене на плечи.

На остановке автобуса не было ни души. Лена сказала:

- Спасибо, Алеша. Дальше провожать не надо. Я сама.

Он промолчал. И вдруг обнял ее железной, медвежьей хваткой и впился в губы таким страстным, отчаянным поцелуем, что Лена чуть не задохнулась.

- Ты что, Алеша, с ума сошел! Прекрати немедленно! - возмутилась Лена, безуспешно пытаясь высвободиться из стальных объятий.

Но он не отпускал ее, и она опять почувствовала на своих губах его жгучие, острые, как укусы, поцелуи.

- А ну, перестань! Пить надо меньше! - с негодованием в голосе проговорила она, рванулась изо всех сил, но он продолжал крепко держать ее за плечи.

Внезапно Алеша отпустил ее. В это время подъехал автобус. Лена впрыгнула в него, не оглядываясь, прошла вперед, опустилась на свободное сиденье и перевела дух. Вдруг она услышала, что кто-то стучит в окно автобуса. Она повернула голову и увидела Алешу. Он смотрел на нее виновато и улыбался от уха до уха. Потом наставил себе рожки, скосил глаза и показал язык. Лена не выдержала и улыбнулась в ответ, покачав головой. «Выпил лишнее мужик - вот и все», - подумала она.

Автобус тронулся, и все исчезло в темноте летней ночи.

Без промедления жизнь Лены вернулась в привычное русло: работа - семья, семья - работа. Но иногда, склоняясь над рабочими чертежами, она вспоминала происшедшее, и щеки ее пылали огнем: «Ну и животное! Ну и зверь! Какой напор!

Такому в руки лучше не попадаться! Не успеешь глазом моргнуть, как...»

Прошла неделя после празднования юбилея их институтского выпуска.

Однажды вечером раздался телефонный звонок. Лена взяла трубку. Это был Алеша. Она очень удивилась. Своего номера телефона она ему не давала.

- Лен, привет! Мы можем встретиться? - взял он сразу быка за рога.

- Нет, - ответила Лена, смотря в упор на сидящего на диване с книгой в руках мужа.

- Ну, пожа-а-луйста! - просящим голосом протянул он. - Мне так нужно тебя увидеть!

- Нет, - ответила Лена. - Я не могу.

- Ты не можешь или не хочешь? - продолжал спрашивать он.

- И то, и другое, - ответила она.

- Ты совсем не хочешь меня видеть? - спросил он.

- Да нет, просто все это ни к чему!

- Почему ты так говоришь? Пока мы не встретились, ты не можешь этого знать, - настаивал он.

Лена увидела, как муж встал с дивана и вышел на кухню. Она плотно прикрыла за ним дверь.

- Алеша! Как ты можешь такое мне предлагать! Мы же однокурсники, друзья - ты, я и твоя жена! - закрыв трубку рукой, тихо проговорила Лена. - Прощай! - и она, уже не слушая, что он ей отвечает, повесила трубку.

Она была возмущена и рассержена «Кто дал ему номер моего телефона?» - думала она.

Ответа на этот вопрос ей не пришлось ждать долго. На следующий же день Лене позвонила Маша Семенова и сказала, что Алеша Грановский позвонил ей на работу и сказал, что ему нужен телефон Лены. Она не хотела давать, но он упрашивал очень настойчиво, объясняя, что дело важное и не терпит отлагательств, и связано с какими-то документами.

- Да, - соврала Лена. - Он мне вчера звонил. - Кажется, он потерял пропуск на работу. Или еще какие-то бумаги... Я не поняла... Спрашивал, не нашла ли я их, случайно, в ресторане.

- А, ну хорошо, а то я переживала, что дала ему твой телефон без разрешения. И это все, что его интересовало? - спросила Маша.

- Это все. Но я была удивлена, что он позвонил. Я ему свой номер не давала - ответила Лена. Она поняла, что Маше поведение Алеши показалось подозрительным, и постаралась успокоить ее. Не объяснять же ей, что произошло!

- Уронил где-то под пьяную лавочку! - холодно сказала она. - Так и голову можно потерять, не то что документы. А потом переполох устроить по всему свету! - сухо закончила разговор Лена.

- Да, да, конечно! Ну, извини, Леночка, за беспокойство, - сказала Маша, и они распрощались.

«Еще и перед Машей мне пришлось выкручиваться!» - недовольно подумала Лена и поспешила на кухню готовить ужин.

В обязанности Лены входило после окончания рабочего дня закрывать помещение, в котором располагался их отдел.

Спустя несколько дней после взволновавших ее разговоров и, по мнению Лены, нарушивших ее душевный покой, она осталась на работе одна и собиралась домой, складывая в пакет купленные в обеденный перерыв апельсины.

Потом она накинула плащ - день был ненастный, дождливый, вышла на улицу и двумя поворотами ключа закрыла входную дверь. Положив ключ в сумочку, она вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, она увидела на противоположной стороне узкой, тихой улочки Алешу. Он стоял на тротуаре у невысокого старинного особнячка и смотрел на Лenu.

Поймав ее взгляд, он улыбнулся, но не сделал ни шага навстречу.

Лена, подхватила пакет с апельсинами и поспешила по длинной, изогнутой дугой улице к ближайшей станции метро. Пройдя примерно половину пути, она не выдержала и оглянулась. Редкие прохожие торопились по своим делам, но Алеши не было видно.

На следующий день все повторилось. И так каждый день. В

течение двух или трех недель после работы Лена видела Алешу, стоящего на противоположной стороне улицы. Он никогда не подходил к ней и не говорил ни слова.

Незаметно для себя, она привыкла к повторяющемуся ритуалу. И когда в один прекрасный день Алеша у стены старинного особняка не оказалось, она была очень удивлена и невольно стала теряться в догадках. Что с ним случилось? Не заболел ли? А может быть, в командировке?

Его не было два или три дня. За это время мысли Лены, независимо от нее, сосредоточились только на одном: «Где он, и почему его нет?»

Когда он снова появился, она очень обрадовалась, но, скрыв улыбку, все также быстрой походкой зашагала к метро.

С этого времени он стал то исчезать на несколько дней, то появляться вновь.

Лена уже ощущала себя пленницей этих необычных встреч. Когда она видела Алешу, настроение у нее хорошее, приподнятое, и она даже напевала что-то веселое по дороге домой. Когда нет - она, озадаченная, уныло плелась к метро с тяжелыми сумками в руках и грустными мыслями в голове.

Однажды, когда Алеша не приходил почти месяц, Лена совершенно потеряла покой и поняла, наконец, что она каким-то непостижимым образом влюбилась.

Мысли ее были заняты только им одним. Ночью она металась в постели без сна, воображая их с Алешей встречи, слова, которые они бы говорили друг другу, поцелуи, объятия.

Ей мучительно хотелось увидеть его, побежать к нему без оглядки, броситься на шею, прижаться изо всех сил, чтобы спастись у него на груди и от него, и от себя.

Ей стало казаться, что она чувствует, когда он тоже думает о ней. В эти минуты она вдруг начинала дышать тяжело, и кровь глухо стучала в висках. Она постепенно слилась с ним в единое существо, связанное тонкой ниточкой его появлений на противоположной стороне улицы.

По его появлениям и исчезновениям, она гадала о его жизни. Все было таинственно, туманно и поэтому необыкновенно привлекательно и интригующе.

Муж, занятый работой и диссертацией не замечал, что с ней творится что-то неладное, и Лена беспомощно, с головой погружалась в пучину странной любви.

Уже более полугода продолжалась череда несостоявшихся встреч и расставаний.

А между тем, в жизни Лены назревали крутые перемены. Мужу предложили работу в одном из университетов Америки, и они, наконец, решились на то, что откладывали уже в течение нескольких лет - перебраться за океан навсегда. Так будет лучше для всех - и для мужа, и для сына и для Лены. В последние месяцы ее конструкторское бюро буквально трещало по швам, угрожая в любую минуту развалиться.

Дел было невпроворот. Надо продавать мебель, книги, посуду, готовить документы. Они с мужем решили, что Лене нужно уйти с работы, чтобы заняться подготовкой к отъезду. А мужу придется работать до самого конца, чтобы содержать семью. Да и зарабатывал он почти в два раза больше Лены.

Лена со всем соглашалась. Но расстаться с Алешей, с тем, что наполнило ее душу мучениями и радостью... Пусть наполовину придуманными... Даже мысль об этом казалась ей невыносимой!

Поразительно, но в это самое время Алеша стал появляться регулярно, каждый день.

А Лене осталось доработать всего одну неделю.

Она решилась, наконец, поговорить с ним. Но когда Лена вышла из помещения, Алеши у дома не было, и она даже обрадовалась, что ничего не надо предпринимать. И вот, хмурым осенним вечером, под холодным, морозящим дождем, она негнущимися от волнения пальцами пыталась закрыть на ключ входную дверь. Резкие порывы ветра снова и снова распахивали дверь, и Лене пришлось придерживать ее ногой. Наконец, ей удалось справиться с дверью и закрыть ее, повернув ключом в замочной скважине, как обычно, два раза. Закончив муки с дверью, она снова взглянула на противоположную сторону улицы и увидела там Алешу.

Он стоял, подняв воротник куртки и засунув руки в карманы.

Она сошла с тротуара и сделала шаг ему навстречу. Он,

счастливо улыбаясь, подбежал к ней, взял ее холодную руку и поднес губам.

Лена, не поздоровавшись, а как бы продолжая разговор, который никогда и не прерывался, сказала:

- Ты знаешь, я уезжаю в Америку. Навсегда. Да, навсегда, - повторила она, убеждая в этом его и себя.

На мгновение лицо Алеши исказилось гримасой. Лена даже не успела понять - то ли гнева, то ли отчаяния.

- Нет! Ты куда не уедешь от меня! - твердо произнес он. - Мы не можем друг без друга жить!

Она молчала. Но слезы навернулись на глаза, и она крепко сжала губы.

Заметив это, он взял ее за локоть.

- Поедем ко мне, - сказал он.

Лена взглянула на него недоуменно.

- У меня квартира есть, - объяснил он. - От бабушки досталась. - Да ты не думай, Ленка, что мне только ЭТО от тебя и нужно. Просто сейчас я хочу, чтобы между нами произошло что-то настоящее, не воображаемое, чтобы было, что вспоминать по разные стороны океана. Все равно это должно было произойти, рано или поздно. Ты сама знаешь.

«Как он догадался о воображаемом?» - подумала она.

Она шла быстрым шагом, полностью покорившись его воле, чувствуя его железные пальцы, впившиеся в ее локоть.

Но, видимо, он не был вполне уверен в том, ЧТО она решила, и у самого входа в метро остановился и, заглядывая ей в глаза, сказал, как бы угадав обычные женские мысли:

- Не бойся, я все сделаю, чтобы ты никогда не пожалела об этом. Поверь мне.

Краска бросилась Лене в лицо.

Ни говоря ни слова, они спустились по эскалатору в вестибюль. Остановившись в центре зала, он повернул ее к себе лицом и кивнул в сторону платформы, противоположной направлению, где жила Лена.

«Наверное, там его квартира», - подумала она.

- Мне... в другую... сторону... - с трудом выдавливая из себя слова, проговорила она.

Он вздохнул тяжело и, отпустив ее руку, побрел за ней следом к платформе. Они, молча, проехали весь путь. Вместе вышли из метро и подошли к остановке автобуса. Той самой. Подъехал автобус, обдав ожидающих его пассажиров осенней, жидкой грязью.

- Ты не забудешь меня? - спросил он.

- Никогда! - ответила она. - Я уже привыкла думать о тебе каждую минуту.

Он кивнул, как будто знал об этом давно.

Лена вошла в автобус и села на переднее сидение. Услышав стук в окно, обернулась. Алеша стоял на мокром тротуаре, нахохлившись, как воробей, и неотрывно, и строго смотрел на нее. Потом махнул рукой, как-то безнадежно, и скрылся в толпе людей, спешащих в метро.

«ОСЕННИЙ СОН»

Аня прислушалась. Оркестр играл вальс. Это был ее любимый - «Осенний сон». Грустная и светлая мелодия неудержимо влекла к себе. Аня огляделась, пытаясь отыскать глазами мужа. Он сидел на противоположном конце стола, окруженный коллегами по университету, и они о чем-то увлеченно спорили. Он не почувствовал ее взгляда.

Аня встала и вышла из банкетного зала ресторана, где они праздновали защиту диссертации одного из друзей мужа, в общий зал - туда, откуда доносились звуки вальса. Она остановилась в дверях и оглянулась. Муж продолжал разговаривать, и кто-то, наливая в бокалы шампанское, загородил от Ани его лицо.

Она шагнула в зал и увидела, как навстречу к ней, обходя танцующие пары, стремительной походкой идет высокий, черноволосый и черноглазый молодой человек. Он пристально смотрел на нее и, остановившись, проговорил, не отрывая взгляда от ее глаз:

- Позвольте пригласить вас на танец?

Аня кивнула. Потом еще раз оглянулась и посмотрела в бан-

кетный зал, как бы спрашивая разрешения, но ничего не увидела за спинами людей, сидящих за столом.

Молодой человек обнял ее за талию, держа далеко от себя - на расстоянии вытянутой руки, и они начали вальсировать по залу, делая широкие круги, каждый раз почти касаясь ресторанных столиков, расставленных вокруг танцевальной площадки.

Сначала Аня танцевала не очень хорошо, ошибалась, иногда путалась. Но ее партнер каким-то непостижимым образом сумел помочь ей найти правильный ритм движений, и они закружились во все убыстряющемся темпе музыки. Все замелькало у нее перед глазами и слилось в шумный, сверкающий калейдоскоп.

Они танцевали в лад - легко и плавно. Вокруг - танцующие пары. Женские яркие, разлетающиеся юбки захлестывали в неистовом кружении строгие мужские костюмы. В упоении движения, Аня закрыла глаза и открыла их только тогда, когда музыка смолкла. Она остановилась, улыбаясь и дыша тяжело.

- Спасибо, - сказал ее партнер, не выпуская ее руки.

Оркестр заиграл медленное танго и молодой человек спросил Аню:

- Давайте еще потанцуем? Хорошо?

Аня молча кивнула. Он обнял ее за талию и сильным движением привлек к себе. Другой рукой взял ее руку и переплел ее пальцы своими.

Они танцевали в строгом, размеренном ритме танго, медленно двигаясь по кругу.

Вдруг Аня услышала, как гулко стучит его сердце совсем рядом с ней. До этого оно билось тихо. Она знала точно. А сейчас стучало сильно и тяжело, как бы задыхаясь.

За три года замужества первый раз Аню обнимал так крепко, и прижимал так близко к себе другой мужчина - не ее муж. Она подумала, что, наверное, это нехорошо. Но с другой стороны - она ведь уже взрослая, и это всего лишь танец! Танго все так танцуют. И она взглянула на движущиеся в неторопливом, тягучем темпе пары.

Некоторые женщины танцевали, прильнув щекой к груди партнера, другие - обвив его шею руками. Особо галантные

кавалеры касались спины своей дамы только одним большим пальцем руки, отстранив ладонь в сторону, растопырив пальцы и выдвывая ногами замысловатые па.

Но большинство пар топтались на месте, тесно прижавшись друг к другу. Молодой человек каким-то шестым чувством понял ее сомнения, слегка отстранился и начал тихо говорить, наклонившись к ней и почти касаясь губами ее волос. Голос его звучал печально.

- Мне двадцать восемь лет. И, если бы кто-нибудь сказал мне, что со мной может такое случиться, я бы никогда не поверил. Я вас вижу в первый раз, но мне кажется, я знаю вас много лет. Я даже знаю ваше имя. Вас зовут Аня. Правда?

Аня изумленно посмотрела на него.

- Вот видите, я так и знал! Необъяснимым, загадочным образом я знаю о вас так много! - продолжал он. - Вы любите сидеть на диване, читая книгу и поджав под себя ноги. И еще - покусывать кончик карандаша. И спать вы ложитесь поздно, а вставать рано утром для вас - сушая мука.

Он улыбнулся, замолчал и снова прижал ее к себе так сильно, что ей стало трудно дышать.

Теперь уже у нее кровь застучала в висках. «Откуда он меня знает?» - думала она. Она мучительно старалась вспомнить, где она могла его видеть. Но нет - он был ей совершенно незнаком.

-А когда вы волнуетесь, то начинаете всплескивать руками и сжимать кулачки. А смеясь, запрокидываете голову, и голубая жилка бьется на шее.

Он замолчал. Танец кончился. Он не отпускал ее, пока она сама не высвободилась из его рук. Но он не позволил ей отойти от себя, склонил голову и спросил:

- Разрешите мне пригласить вас еще на один танец?

Аня ничего не ответила, положила руку ему на плечо, и он широким, уверенным движением повел ее за собой. Она не знала, что это был за танец. Кажется, вальс-бостон. Аня почувствовала, что ноги у нее вот-вот начнут заплетаться, и она упадет. «Вот ужас!» - испугалась она.

Внезапно ее партнер прекратил кружить ее по залу, они остановились и стали просто переступать ногами в такт му-

зыки, почти не двигаясь с места.

Отыскав пальцами у нее на руке обручальное кольцо, он слегка сжал его и сказал:

- Все это абсолютно безнадежно! Вы любите своего мужа. И будете любить его еще долго. Мы с вами никогда больше не увидим друг друга, но будем помнить всегда. Я не слышал ваш голос. Это хорошо. Так мне будет легче. Голос тоже остается в памяти - и ранит.

Он наклонил голову, и его теплое дыхание шевелило ее волосы.

На сцене седой саксофонист играл соло. Саксофон плакал безутешно. Его протяжный голос срывался в тоскливые перемены. Саксофонист как будто слился со своим инструментом и поверял залу о своей несостоявшейся любви.

Ане казалось, что ее завораживает эта музыка, этот танец и этот человек. И в следующий раз, когда оркестр смолкнет, она и не подумает высвободиться из его объятий. И конца этому сну не будет.

Наступила тишина. Публика бешено аплодировала саксофонисту. Раздавались крики: «Браво!» и «Бис!»

Аня почувствовала на себе взгляд, как магнит притягивающий ее. Она повернула голову и увидела мужа, который стоял у дверей банкетного зала и смотрел на нее. Он звал ее. Она поняла это по движению его губ.

Медленно высвобождаясь, она отдалялась от того, кто так крепко держал ее. Она отходила все дальше и дальше, и скоро только их пальцы оставались сплетенными. Тогда он сказал едва слышно:

- Прощайте! Благодарю вас за танец. А знаете? «Осенний сон» - это тоже мой любимый вальс.

Аня молча кивнула ему и направилась к мужу. Он взял ее под руку, и они вошли в банкетный зал, плотно закрыв за собой двери. В последнее мгновение Аня оглянулась и успела увидеть горящие черные глаза так близко, как это было, когда они танцевали.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ

Катя хорошо помнила эту странную и великую весну. Но не потому, что важные мировые события происходили вокруг, а дома царило таинственное возбуждение - взрослые перешептывались о чем-то по углам, у мамы щеки горели, а на глазах поблескивали слезинки. Но Кате никто ничего не говорил, а она не знала, о чем спрашивать.

Нет! Главное для Кати было то, что ее любимая тетя, Нина, вдруг решила срочно заиметь кота. Она не объяснила Кате, почему, собственно, такая поспешность, но Катя решила, что это как-то связано с внезапным волнением, охватившим родных и близких.

Нина была большая любительница кошек. Одна знакомая недавно предлагала ей взять симпатичного полосатого котенка. Но, к удивлению Кати, тетя отказалась, сославшись на внезапно возникшие «особые обстоятельства».

Нина, конечно знала, что Катя тоже относится равнодушно к этому притягательному и загадочному домашнему животному. Но принимать такие важные решения Катя, конечно, не могла.

Было уже начало апреля, но весна в этом году тянулась какая-то слабенькая, нерешительная. То наступала на зиму, и тогда снег чернел, и из-под сугробов бежали мелкие ручейки, то отступала – тогда снова холодало, ручьи затягивались прозрачным хрупким льдом, а сугробы деревенели и становились похожими на сероватые ледяные избушки.

И вот, однажды, ранним воскресным утром Катю отвезли на квартиру на Красной Пресне, где жили Катина бабушка и тетя Нина. Нина напоила Катю горячим кофе с молоком и, уговорив племянницу-малоежку, съесть огромных размеров бутерброд с маслом и питательным костромским сыром, Нина сказала:

- Одевайся, Катюша, пойдем на Ваганьковское кладбище!

Катя очень удивилась, не понимая, какое отношение имеют пушистые зеленоглазые коты к такому печальному месту, как кладбище, куда грустные процессии провожают уже совсем неживых людей.

Но она всегда и во всем доверяла тете и поэтому, не расспрашивая ни о чем, одела пятнистую шубку и пуховую шапку и стала ждать, когда Нина соберется в дорогу. Нина быстро оделась, взяла с собой зачем-то огромную хозяйственную сумку на железной молнии, толстые ватные варежки и какой-то сверток, пахнувший колбасой.

- Ну, пошли, Катюша! – строгим голосом проговорила она.

Ваганьковское кладбище было совсем близко от Нининой квартиры. Они вошли в широкие кладбищенские ворота, торопливо прошагали мимо продавцов разноцветных бумажных цветов, букетов, венков.

- Стой! – вдруг вскрикнула Нина, - Знаешь, что! Давай-ка веночек небольшой купим. А то как-то неудобно мимо могилки проходить и венки не положить!

Она купила нарядный венок из розовых, белых и голубых цветов, и они зашагали по аллее в глубь кладбища. Эту дорожку Катя хорошо знала. Не ней располагался маленький семейный участок, куда Нина водила ее по праздникам положить на могилы родственников цветы, покрошить крашенных яиц. А вот и любимый памятник Есенину. Такой красивый, мраморный, белоснежный. Нина всегда останавливалась возле него и говорила Кате:

- Сергей Есенин - любимый поэт твоего папы.

Вот и сегодня они остановились, постояли минутку.

- Уже рядом, недолго осталось идти, – вздохнув, сказала тетя и прошептала что-то не совсем понятное: - Кто знает, все может быть... Должны бы оправдать...

Потом взяла Катю за руку и повернула на узкую боковую тропинку.

Всюду между могилами еще лежал не растаявший черный, печальный снег.

- Стой здесь, Катюша! - сказала Нина. – Я сейчас посмотрю и приду за тобой.

Катя встала возле ограды чьей-то могилы и провожала взглядом Нину.

- Боже ты мой! - услышала она изумленный Нинин голос. – Опять сидит! Вот чудеса! Иди сюда, Катюнчик!

Катя подошла поближе и удивленная замерла на месте. На свеженасыпанном могильном холмике сидел огромный лохматый пепельно-серый котиче. Большие круглые желто-зеленые глаза с узкими черными зрачками злобно сверкали, неподвижно уставившись на Нину. Уши тревожно дергались, когтистые лапы впивались в бурую, еще не затвердевшую землю. Кот весь напряжился, но с места не двигался.

- Ты только посмотри, Катя! Сколько раз я его уже видела на Нюриной могилке! Как ни приду, он все сидит! Может, он у нее жил? А после ее смерти на могилку переместился. Хочу его к нам домой взять. Что он, бездомный, как дикий зверь, на кладбище околачивается! Нюра, наверно, на том свете беспокоится о нем...

Но лохматый кот, видно, здорово одичал и привык к вольной бездомной жизни. Он не убежал, но услышав Нинин голос, весь ошетинился, растопоршил усы и грозно зашипел.

Нину это совершенно не смутило.

- Ничего! – уверенно проговорила она. – Колбасу почует – угомонится. Я колбасу купила хорошую, полукопченую, сильно ароматную.

Нина отдала Кате венок:

- Держи, Катюша! Стой смирно! Я с ним сама разберусь!

- Ниночка, здравствуй! - окликнула тетю издалека какая-то женщина в синем пальто.

Нина оглянулась:

- Ой, здравствуй, Акимовна! – крикнула она, а, повернувшись к Кате, быстро проговорила:

- Это Дуся Акимовна! Мы с ней работали вместе в отделе технического контроля на заводе. Акимовна меня многому научила. Теперь она на пенсии. Хорошая женщина! – закончила Нина своими любимыми словами.

Акимовна подошла поближе, и они с Ниной крепко обнялись.

- Что же ты здесь делаешь, Ниночка? – спросила Акимовна. – Это, вроде, не ваше место.

- Верно, не наше! – сказала Нина. – У нас с моей племянницей, Катюшей, дельце небольшое есть!

- Как же, как же! Я твою племянницу помню! Часто вас вме-

сте с ней видела! – ласково взглянув на Катю, проговорила Акимовна. – А я смотрю, могилка свежая, и ты возле нее! Душаю, уж не случилось ли что?

- Случилось! – вздохнув, сказала Нина. – Только не у нас. Давай отойдем немного в сторонку, я тебе расскажу.

- Катя! Я сейчас вернусь! – крикнула она.

Катя осталась стоять у ограды, посматривая на кота, который тоже не тронулся с места и сидел на могилке в позе «лежачей копилки».

Нина говорила негромко. Но до Кати почему-то долетало каждое слово, хотя она не старалась прислушиваться. А то, что рассказала Нина, она запомнила навсегда. Катя отломилась от ограды сосульку и стала рассматривать ее на свет. Сосулька переливалась на солнышке всеми цветами радуги.

- История печальная, – доносился до Кати Нинин голос. Девушка совсем молоденькая была – лет восемнадцать – девятнадцать. Она из Смоленщины, из нашей деревни. Звали ее Нюра Егорова. Нина помолчала. Работала она на нашем заводе, сказать прямо, ударно, в техникуме училась на мастера, - продолжала Нина. – Когда Сталин умер - на похороны собралась. Все ее отговаривали: «Не ходи, Нюра, мороз страшный, хоть и март. Народу - толпы - раздавят!» «Нет! Пойду! - упрямо твердила она. - Как же не пойти? Не отдать последний долг? Товарищ Сталин о нас заботился, ночей не спал, думал, как жизнь народную улучшить. Вот я - из деревни приехала, на завод устроилась, в техникуме учусь. Общежитие мне дали. Премии выписывают. Я матери в деревню деньги посылаю. Товарищ Сталин мне, как отец родной!» Вот и пошла, - Нина горестно покачала головой. - А пальтишко-то у нее плохонькое, ботиночки - тонкие. Валенки она одевать не захотела. «На похороны такого человека - и в валенках - разве можно!?» - сказала она. А давка-то какая в тот день была - страшная! Толпа сбросила Нюру в подвальную яму... Кто-то решетки все снимал... Так она несколько часов в ледяной воде простояла - выбраться не могла. Домой пришла и свалилась в жару. Всего неделю-то проболела. Почки отказали. Металась в бреду, и все просила таким жалобным голоском: «Нюра хочет селедоч-

ки! Нюра хочет селедочки!» Так хотелось ей дать хоть маленький кусочек! Но врачи говорили: «Соленое - нельзя!» Так и не дали... – Нина замолчала, проглотив подступивший к горлу комок. Потом достала платок и вытерла набежавшие слезы.

- Ой, Ниночка! Какое несчастье! – запричитала Акимовна.- Совсем ведь молоденькая девушка была! Пожить-то совсем не успела!

Замолчала и Нина, и они с Дусей долго стояли и смотрели друг на друга, пока Катя, соскучившись, не позвала тетю тихонько:

- Нина, Нина!

- Ой! - вскрикнула Нина - Ты меня извини, Акимовна, я должна идти. Доделать кое-что надо, веночек на могилку положить, а то вон Катюша заждалась. Помянуть Нюру, царствие ей небесное, добрым словом по русскому обычаю... Летом памятник директор завода обещал поставить. Весной-то нельзя – земля оттает, памятник осядет, перекосится.

- Да, да, конечно, Ниночка, иди! Рада была тебя видеть, дай тебе Бог здоровья за твою доброту, – и они распрощались на кладбищенской дороге, и каждая поспешила в свою сторону.

Нина вернулась к Кате и проговорила тихонько, оглядываясь на кота:

- А кот-то все сидит! Сейчас мы его приманим колбаской...

Нина вытащила из сумки колбасу и аппетитный запах распространился по всему кладбищу. Кот сел на задние лапы и смотрел на Нину сверкающими как искры глазами. Он явно был голодный. Усы возбужденно шевелились, он весь напрягся, вдыхая запах колбасы.

Нина развернула сверток, бросила коту кусок колбасы и в это время сделала шаг к могиле. Кот глухо заворчал, сердито вытянул лохматую лапу, схватил колбасу и с сердитым ворчанием принялся за еду, бросая на Нину настороженные взгляды. Одного куска колбасы было явно недостаточно, кусок был недостаточно велик, чтобы утолить голод.

Нина, с видом хирурга, готовящегося к серьезной операции, натянула варежки, вытащила второй кусок и бросила коту. Как только он с жадностью вонзил свои зубы в колбасу, Нина, не

медля ни минуты, схватила его под брюхо и сунула в сумку. Испуганный и ошеломленный кот изогнул спину горбом, зашипел от бешенства, и пронзительно взвизгнув, забарахтался, пытаясь вырваться из сумки, но Нина успела быстро застегнуть молнию. Кот продолжал беспорядочно биться и скрести сумку железными когтями, но было уже поздно.

Нина облегченно вздохнула и выпрямившись, сказала Кате с улыбкой:

- Ну и здоровенный, котище! Еле удержала его! Ты вот что, Катюш, возьми веночек и аккуратно положи на Нюрину могилку.

Катя сделала все, как просила ее тетя – положила веночек, расправила цветочки и вокруг посветлело, будто настоящая весна пришла на кладбище.

Нина взяла в одну руку сумку с котом, в другую – Катю за руку, и они не спеша направились к выходу.

Растерявшись от бесплодных усилий освободиться, кот постепенно перестал биться, затих, затаился, и они благополучно донесли его до дома.

Нина позже узнала на работе, что кот, действительно, был Нюрин и звали его Васька. Он сбежал из дома во время похоронной суматохи. Но приручить его, к огромному сожалению и разочарованию Нины, не удалось, несмотря на обильную и сытную еду - колбасу, сметану, сливки. Нрав Васьки оказался мрачным, недоверчивым и мстительным.

Он сразу же забрался глубоко под кровать и вытащить его оттуда оказалось невозможным. Он гневно фыркал, глаза сверкали злобным огнем. Кот исцарапал Нине руки, искусал пальцы и, наконец, ее терпение лопнуло, и она решила отнести Ваську обратно на кладбище. Нина вытолкала его шваброй из-под кровати. Кот расшвирился, вырывался, шипел, но Нине все-таки, правда, с огромным трудом удалось запихнуть его в сумку. Она для быстроты до кладбища проехала одну остановку на трамвае и выпустила кота возле Нюриной могилы. Васька на прощание сердито стукнул хвостом о землю, высоко подпрыгнул и скрылся в кустах. Нина положила на землю кусок колбасы.

- Пусть бежит! – сказала она тихо. - Видно ему возле хозяйки хочется быть!

Спустя короткое время, Нина взяла на кладбище Катю. День был ясный и чистый. Возле Нюриной могилы чьей-то заботливой рукой были посажены анютины глазки и астры, а на могильном холмике зеленели густые заросли ландыша, кое-где уже распустившего свои маленькие белые колокольчики.

- Ландыши- то хорошо прижились! – довольно сказала Нина.- Надо бы полить!

Она нашла у ограды пустую стеклянную банку, и они с Катей направились к воротам кладбища за водой.

СЫРНИКИ

Да, именно сырники - обыкновенные сырники, приготовленные из творога, муки и яиц, послужили причиной случившегося.

Терпение пассажиров парохода лопнуло, когда на завтрак официантки подали «нечто», и объяснили непонятливым, что это - сырники.

«Нечто» было покрыто обуглившейся коркой, из-под которой выползала странная желто-белая масса и растекалась по тарелке бледным, сырым блином. Кто-то на кухне, стараясь придать загадочному блюду более приглядный вид, засыпал «нечто» толстым слоем сахарного песка. Но это не помогло - песок почернел, съезжился, застыл и своей неровной бугристостью только усилил отталкивающее впечатление.

- Тьфу! Какая гадость! - громко проговорил заслуженный артист, через старомодное пенсне разглядывая «нечто». - Это уже чересчур!

Он возмущенно поднял палец вверх и провозгласил решительным тоном:

- Надо идти жаловаться капитану!

Публика, сидящая за столами в обеденном зале, дружными восклицаниями, типа: «Какое безобразие! Они хотят нас уморить! и - Среди нас есть дети!» - поддержала заслуженного артиста.

За первые несколько дней плавания пассажиры успели познакомиться друг с другом. Особенно их сблизили вечерние концерты, которые устраивались в музыкальном салоне корабля.

Все полюбили заслуженного артиста и его жену, исполнявших для своих собратьев-отдыхающих старинные дореволюционные куплеты. Артист пел, а его жена аккомпанировала ему на рояле. Куплеты были смешные, с пикантными намеками и, порой, двусмысленными жестами. Публика веселилась от души, оглушительными аплодисментами приветствуя талантливую супружескую пару.

После окончания концерта никто не расходился, глаза у всех блестели, то тут, то там раздавался дружный хохот. Кто-то умело и как будто небрежно рассказывал анекдоты, остроумно шутил.

Но постепенно, дух веселья выдохся, как воздух из надутного шарика, особенно после того, как одна нарядная дама, звучным голосом обсуждая со своей новой знакомой преимущества путешествий на пароходе, затронула тему «питания».

Все замолчали, и в салоне воцарилась ничего хорошего не предвещающая тишина. Спустя мгновение, возмущенный хор отдыхающих уже перечислял все обиды, нанесенные им работниками столовой и портившие такую прекрасную поездку по Волге и Оке.

«Куры вчера были совершенно сырые!», «Суп пересаливают!», «В компоте вместо сахара мухи плавают!» - раздавались сердитые голоса. - «Питание отвратительное!»

- Мой ребенок похудел! - высоким голосом пожаловалась молодая мамаша, поднимая над толпой маленькую девочку в розовом платье с большим белым бантом на голове.

Было уже поздно, глаза у девочки слипались, головка бесильно падала на грудь.

- Ребенок совсем ослаб! - строго сказала седая старушка в очках, похожая на учительницу.

- Поваров на мыло! - радостно предложил круглый, как мяч, футбольный болельщик.

И публика заплодировала ему почти так же громко, как заслуженному артисту.

И вот сегодня утром - последняя капля, переполнившая чашу - несъедобные сырники.

Следуя примеру заслуженного артиста, пассажиры встали со своих мест и, взяв тарелки с вещественным доказательством непригодности поваров к несению такой важной на корабле службы, гуськом направились к каюте капитана.

Мамаши и папаши захватили своих больших и малых чад, которые болтали, не закрывая рта, или капризно хныкали. Озвученное тонкими детскими голосами, шествие производило особенно жалостное впечатление.

Заслуженный артист вызвал капитана, и он явился перед возмущенным народом - высокий, голубоглазый красавец-капитан в фуражке, в белоснежной, с иголки формы, с пуговицами, начищенными до такой степени, что они светились, как маленькие электрические лампочки.

Он явно смутился, оглядывая недовольную толпу, собравшуюся у его каюты, а особенно тарелки, которые держали в руках разгневанные пассажиры, доверившие свою жизнь и здоровье на эти десять дней ему - одному из лучших капитанов речного пароходства.

Лежащее на тарелках «нечто» сплющилось, расплылось и уже напоминало подгоревшую медузу, студенистые края которой свисали с тарелок.

Лариса стояла с края толпы, держа в одной руке тарелку, а другой - за руку своего шестилетнего сынишку, Андрея.

- Мама, а можно я потрогаю это? - спросил Андрей.

Лариса наклонила тарелку, и он ткнул пальцем в чугунно-черную корку. Корка сломалась, и в образовавшуюся дырку забулькала водянисто-белая пена. Лариса вытерла ему палец захваченной со стола салфеткой и выпрямилась, чтобы рассмотреть происходящее у каюты действие.

Заслуженный артист протянул капитану тарелку и любезно предложил:

- Не хотите ли попробовать ЭТО?!

- Спасибо, я уже завтракал, - вежливо отказался капитан.

- А вот мы не завтракали! Мы голодные! Даже дети! - голос

заслуженного артиста зазвенел, как натянутая струна, и в нем появились угрожающие нотки. - Ваши повара никуда не годятся! Так дальше продолжаться не может! Они испортят нам все путешествие!

Капитан тяжело вздохнул и попытался разъяснить ситуацию:

- Уважаемые граждане пассажиры! Дело в том, что перед самым отплытием случилась большая неприятность - наш замечательный повар тяжело заболел. Найти равнозначную замену ему не смогли. И вот пришлось взять двух практикантов - студентов кулинарного техникума, - капитан обвел глазами, внимающую ему угрюмую аудиторию. - Они люди молодые, неопытные, но стараются. Я с ними обязательно проведу беседу. Все будет хорошо! - успокаивал он пассажиров.

- Я в кулинарных техникумах не учился и других поварских академий тоже не кончал, - не сдавался заслуженный артист, - но тем не менее, в состоянии отличить сырое от готового и горелое от жареного! Пожалуйста, разберитесь! Иначе я обещаю вам большие неприятности! Мы напишем коллективную жалобу вашему руководству! И все пассажиры подпишутся!

- Конечно! Обязательно подпишемся! - загудела, стоящая с тарелками в руках, толпа.

- Успокойтесь! Я все улажу! - заверил капитан. - А теперь прошу всех пройти в обеденный зал. Там вас ждут сосиски с жареной картошкой и кофе.

- Картошка горелая, а кофе холодный! - мрачно предрек кто-то басом.

- Я сосиски не люблю! - тихо, но твердо сказал Андрей.

- А тебя никто и не заставляет, - успокоила его Лариса. - Выпьешь кофе с бутербродом. Хорошо?

Отдыхающие направились в обеденный зал, и Лариса услышала, как идущий сзади заслуженный артист, провозгласил окончательный приговор:

- Посмотрим, что будет с обедом и ужином. Если не исправятся, вечером соберемся в музыкальном зале и напишем жалобу!

Обед был так себе. На первое - овощной суп, на второе - кот-

леты с макаронами. Поначалу в душах отдыхающих забрезжила надежда - суп не был пересолен! Но котлеты оказались деревянными, а макароны - недоваренными.

Напуганные гробовым молчанием хмурых пассажиров, официантки носились по залу, как угорелые, стараясь после доставки очередной тарелки как можно быстрее скрыться за дверью, ведущей в кухню, и уж, конечно, не расспрашивать недовольных едоков об их настроении и о впечатлениях о поездке.

Андрей макароны есть не стал, но чтобы не сердить маму, перевалил котлету в суп, размял ее там вилкой и кое-как схлеббал получившуюся смесь первого со вторым.

После обеда они не возвратились, как обычно, в свою каюту, а вышли на палубу. Лариса нетерпеливо вглядывалась в проплывающие мимо волжские берега. Сегодня по расписанию место стоянки парохода - Плес.

- Скоро Плес! - сказала она сыну, сжимая его маленькую ручку в своей. - Мне говорили, что он очень красивый! Ты рад, Андрюша?

- Рад, - ответил Андрей, взглянув на мамино веселое лицо.

Лариса влюбилась в этот город уже давно, слушая восторженные рассказы подруг и знакомых, которым посчастливилось здесь побывать. И конечно, мечтала посетить музей Левитана – своего любимого художника. И вот, мечта, кажется, сбывается. Пароход медленно огибал излучину реки и внезапно из-за поворота показался Плес. Лариса не могла оторвать взгляд от открывшегося ее глазам пейзажа.

Город поднимался террасами вверх по высоким холмам, поросшим густым лесом, разрезанным глубокими оврагами и крутыми обрывами. Белокаменные дома и церкви по самые маковки утопали в пышной зелени. Узкие, мощеные улочки, словно горные ручьи, спускались со склонов холмов к набережной. Добротные кирпичные особняки, плотно примыкая друг другу, тянулись далеко по обе стороны пристани, обрамляя ее белой крепостной стеной.

Но, взглянув на часы, Лариса поняла, что с мечтой посетить музей Левитана придется расстаться. Скорее всего, он уже закрыт.

- Ну, ничего, побродим по городу, - вздохнув, сказала она сама себе и Андрею.

Взяла сына за руку, и они спустились на нижнюю палубу, поближе к выходу с корабля. Уже начали спускать трап, когда по громкоговорителю объявили: «Стоянка теплохода один час»

- Так мало! - удивилась Лариса. – В расписании написано - два часа!

- Ночью на заправке задержались, - вот с графика и сбились, - объяснил матрос, помогающий пассажирам сойти на берег.

- А сколько нужно времени, чтобы до музея добраться? - на всякий случай спросила его Лариса.

- Минут пятнадцать.

- А как до него добраться?

- А очень просто. Идите напрямик по пристани, вот в эту сторону, - он махнул рукой. – а там увидите. Он приметный - не ошибетесь! Но музей уже закрыт!

- Как жаль!

Тогда она решила погулять с Андреем по городу, а в оставшееся время, хотя бы взглянуть на дом Левитана. До самого отплытия они бродили по бесконечной набережной, поднимались к величественному, построенному из белого камня, Успенскому собору. По старой деревянной лестнице забрались на высокую гору Левитана и смотрели вниз на мерно текущую реку, рыбацьи лодки, покачивающиеся у пристани, и песочный пляж, золотившийся под теплыми лучами заходящего солнца.

И самое главное – им удалось побывать возле музея Левитана. Лариса навсегда запомнила белый дом с мезонином. Подошла близко, приникла к окнам, пытаясь разглядеть внутреннее убранство, а может быть, даже картины. Но было уже темно, а внутри горел лишь слабый дежурный свет. Зато ей удалось внимательно рассмотреть скульптурный портрет Левитана, установленный рядом с музеем и она долго вглядывалась в знакомое лицо художника. Голос Андрея вернул ее к действительности:

- Мама, пойдем обратно, а то наш пароход уплывет!

Лариса на прощание провела рукой по шершавым каменным

стенам дома, потрогала ручку тяжелой двери темного дерева. Посмотрела на часы:

- Да, идем скорее, Андрюша! Времени до отплытия, действительно, осталось мало! - сказала она взволнованно.

Они поспешили по набережной к стоянке теплохода и, слегка запыхавшись, поднялись по трапу вместе с последними пассажирами, завершившими прогулку по Плесу.

Но как же расстаться с чудесным городом, не взглянув на него еще раз! Они поднялись на верхнюю палубу, Лариса – полюбоваться Плесом, а Андрей - с восторгом понаблюдать как ловко отдают концы матросы.

Трап убрали. Их белоснежный корабль, басовито прогудел и, грузно покачиваясь на волнах, начал медленно отходить от причала.

И вдруг с пристани раздались отчаянные крики. Двое пассажиров опоздали на пароход и метались по пирсу! Ларисе были слышны их горестные вопли: «Не уплывайте! Подождите нас! Спустите трап! Нас забыли!»

Они в мольбе простирали вверх руки, обращаясь то ли к небесам, то ли к капитану.

«Да это же наши горе-повара!» - раздались возбужденные голоса.

И что тут сразу началось! «Не брать их! Пусть останутся! Без них обойдемся! Сами по очереди будем готовить!» - кричали отдыхающие, нагнувшись через перила.

Матросы побежали к капитану доложить о создавшейся нештатной ситуации.

А пассажиры, столпившиеся на нижней палубе, продолжали отводить душу злыми насмешками: «Двоечники! Второгодники! Неумехи!»

Вернулись матросы и зычными боцманскими голосами разъяснили поварам, что капитан приказал трап не опускать, и что в наказание за плохую работу, опоздание и разгильдяйство велел окунуться в матушку - Волгу и самим доплыть до корабля.

- Как же так?! - разинув рты и растопырив руки замерли на месте студенты кулинарного техникума.

- А сроку вам дается десять минут! - отрапортовали матросы.

Практиканты переглянулись и кинулись бежать в сторону от пирса, одновременно стаскивая штаны и рубашки. Завязав их в узелки, они еще раз посмотрели друг на друга, сосчитали: раз, два, три и бросились в воду. Они неумело барахтались, высоко подняв над водой свое барахлишко.

- Э-эх! Недотепы! - раздался чей-то досадливый голос. - А еще корабельные повара называются! Ни готовить, ни плавать как следует не умеют!

Но другой, добрее, примирительно сказал:

- Да, ладно тебе! Они уже получили свой наряд вне очереди! - и добавил озабоченно: - Где тут у них спасательные круги висят?

Но все обошлось. Злополучные работники столовой доплыли до парохода, и матросы помогли им забраться на палубу.

Постепенно пассажиры, довольные зрелищем наказания не-радивых поваров, разошлись по каютам, чтобы отдохнуть и приготовиться к ужину.

Вечерние сумерки спускались на водную гладь и темнеющие берега. Лариса с Андреем еще долго стояли на палубе, провожая глазами Плес - маленькие домики с горящими огоньками, забирающиеся высоко на холмы, белокаменную набережную и знакомый дом с мезонином под зеленой крышей, пока его еще можно было различить в быстро надвигающейся темноте.

Ужин был не хороший и не плохой, и заслуженный артист отпустил всех с миром, таинственно объявив: «Утро вечера мудренее!»

На следующее утро отдыхающие собрались на завтрак и расселись по своим столам, застеленным белоснежными скатертями. Приветливые официантки в накрахмаленных фартучках и кружевных кокошниках разносили приготовленные к завтраку блюда.

Ко всеобщему удивлению, это были сырники! Но какие! Круглые, пышные, горячие, покрытые золотисто-шоколадной корочкой! Они благоухали ванилью, а по кремовым бокам проглядывали коричневые изюминки. Сверху каждый сырник

был украшен фигурной пирамидкой из густой сметаны, присыпанной сверху сахарным песком, искрящимся, как снег на вершине айсберга.

Пассажиры улыбались друг другу. И вдруг раздались аплодисменты, и они звучали все громче и громче.

В стеклянной двери обеденного зала появились раскрасневшиеся лица практикантов. Они решили, что отходчивые пассажиры простили их, и теперь радуются вкусно и красиво приготовленной еде.

Но, увы! Аплодисменты предназначались не им, а заслуженному артисту.

Он поднялся и раскланивался во все стороны, как после удачного выступления на концерте. Такие горячие аплодисменты даже в лучшие времена ему приходилось слышать нечасто.

- Мама, а почему мы ему хлопаем? - спросил Андрей. - Разве он приготовил эти сырники?

- В какой-то степени - да! - ответила ему мама, улыбаясь.

МГНОВЕНИЯ ЖИЗНИ

Мгновения жизни. Не остановить. Не поймать. Не вернуть. Они пролетают не мимо, а через нас. И ни одно - бесследно. Они - наше прошлое и будущее, но никогда - настоящее. Мы не замечаем их - бежим по жизни, торопимся. И только в конце останавливаемся, запыхавшись, и начинаем прислушиваться к их мерному, неумолимому стуку. Как врач твердой рукой прощупывает пульс больного, а внимательным взглядом сверяет его со стрелками часов. Так и мы смотрим назад, в прошлое и мучительно пытаемся сверить нашу жизнь с тем, что было задумано давным-давно. И вот тогда, в беспощадной памяти, они возвращаются к нам - мгновения нашей жизни.

И радостные, спокойно-счастливые, и горькие, порой постыдные, одно лишь воспоминание о которых бросает в дрожь, и горячие волны раскаяния и тайного восторга захлестывают душу.

Мгновения жизни - словно следы на камне, лежащем на бе-

регу моря. Мягкие, ласковые волны окатывают его, разбиваются на мельчайшие брызги и исчезают в песке навсегда. И теплый ветер обвевает легким дуновением.

Но только острые, злые песчинки, ударяясь о камень, оставляют на нем несмываемые отметины, колючими укусами избороздив когда-то гладкую поверхность.

И если исчезнут мягкие волны и ласковый ветер - изгрызут песчинки камень дотла, до самого основания и нечем будет защититься ему от их разрушительной силы.

Они, как пощечины, полученные по заслугам. Острая боль от удара уже прошла, но щека еще долго горит жгучим огнем. А внутри - странная, обманная радость. Как будто ты уже расплатился за все - болью за боль. И боли стало меньше, и вины твоей тоже.

Они вошли в номер гостиницы. Она зажгла свет, закрыла дверь на ключ. Сумка полетела в угол, за ней - пальто.

Он снял плащ и растерянно оглядывался по сторонам, не зная, куда его пристроить. Повесил на спинку стула.

Она, улыбаясь, смотрела на него. Что означает эта улыбка? Он не знал. Скорее бы обнять, почувствовать ее.

Он бросился к ней, сжал ее в объятиях так сильно, что она вскрикнула от боли.

Целуя глаза, лоб, щеки, стал непослушными пальцами расстегивать кофточку. Все так же улыбаясь, она помогала ему.

Запутавшись в пуговицах, кнопочках, крючках и, не желая больше терять ни минуты, он поднял ее на руки. Не отрываясь от смеющегося, дразнящего рта, нетерпеливо отбросил ногой стоящий на пути стул и бережно опустил ее на узкую кровать, стоящую в углу.

Погасил свет. Только уличный фонарь желтоватым светом освещал темноту комнаты. Нагнув круглую голову, он как бы подсматривал в щель между занавесками.

Все произошло быстро, второпях, наспех. Он боялся потерять ее. Ему казалось, что все это сон, и она может исчезнуть в любую минуту.

Разжав объятия, он откинулся на спину и виновато косился на нее, стараясь сдержать тяжелое дыхание.

- Когда тыходишь в отдел, сердце у меня начинает бешено колотиться, ноги подкашиваются и мне кажется, что я вот-вот потеряю сознание и свалюсь под чертежную доску, - вдруг сказала она.

- А я утром мчусь на работу, только чтобы быстрее тебя увидеть. А когда вижу, гложу, как глухарь на току. Перестану соображать, только смотрю на тебя и улыбаюсь, как дурак, - проговорил он, обрадованный, что она не сердится на него за нечаянную поспешность.

Он обнял ее снова и ласкал, ощущая ладонями мягкие изгибы тела.

- Я не могу безнаказанно даже дотронуться до тебя, - сказал он.

Она повернулась к нему.

- Я хочу тебя, - прошептал он.

И наступила тишина, ни звука, ни шепота. Только фонарь за окном иступленно качал головой под резкими порывами ветра.

Она почувствовала, как он взял в ладони ее ступни.

- Какие у тебя маленькие ножки! - сказал он. - Как у китайской принцессы!

И он принялся целовать - сначала каждый пальчик, потом колени, бедра, живот.

Дрожь пробежала по ее телу. Она обняла его за шею. Охватила его губы своими, приникла к ним пересохшим ртом.

- Почему ты не ласкаешь, не трогаешь меня? - спросил он тихо. - Я тебе неприятен?

- Я еще не привыкла к тебе, - сказала она. - До сегодняшнего дня ты был для меня чужой.

- А ты никогда не была мне чужая. С первого взгляда я понял, что у нас все будет. Ты узнаешь меня ближе и перестанешь дичиться, правда?

- Наверное. Я не знаю. Наберись терпения. Со мной нужно адское терпение, - она улыбнулась.

- Ну что же, я готов! - сказал он, целуя ее в коротко стриженный затылок.

Натянув простыню до подбородка, она затихла и скоро усну-

ла. Он прислушивался к ее легкому, едва слышному дыханию. Иногда она сладко посапывала носом и смешно причмокивала губами.

Он лежал смирно, стараясь не шевелиться, боясь, что она проснется и прогонит его домой.

Вдруг во сне она повернулась на бок. Голова ее оказалась на его плече, а рукой она обвила его шею. Прижалась, уткнувшись носом ему в щеку.

«Вот так она спит каждый день со своим мужем,» - бессильная ревность обожгла его жарким пламенем, и на скулах заходили желваки.

Он нашел губами ее влажный, слегка приоткрытый рот и впился в него отчаянным, почти злым поцелуем. Ощутил языком ее упругий, гладкий язычок. Он почувствовал, что она ответила ему. Губы ее ожили, зашевелились.

Он с силой сжал ее в своих объятиях. Ее острые ноготки вонзились в его шею и она постанывала тонким, жалобным голоском.

Ее лицо было запрокинуто. Глаза закрыты. Она изогнулась навстречу его движениям.

Он скрипел зубами в тщетном, неистовом желании слиться с ней в единое существо.

Яркая, ослепляющая молния ударила в него. Мир закружилась в бешеном вихре. Он закричал громко, не слыша себя. Она закрыла ему ладонью рот. А он покрывал ее ладонь, лицо мелкими, благодарными поцелуями.

Он долго не выпускал ее из своих рук, пока она осторожно не высвободилась сама. Он услышал ее тихий смех.

- Почему ты смеешься? - слегка обиженно спросил он.

- Ты своим криком переполошил всю гостиницу. Дежурная, наверное, решила, что где-то пожар. Бегает по коридору и гремит ведрами.

Он удивился и даже немного огорчился, что внешний мир не исчез для нее, как для него, а живет рядом, со своими движениями, звуками, суетой.

Но она тут же успокоила его тревоги, нежно целуя в шею и плечи.

- Уже глубокая ночь. Тебе давно пора возвращаться домой, - сказала она немного погодя.

- Я не могу оторваться от тебя! - говорил он обреченно.

- Что же ты скажешь, когда вернешься?

- А-а - придумаю что-нибудь! Семь бед - один ответ!

- Мы же с тобой решили не создавать проблемы друг другу.

- Да, - подтвердил он. - Семья священна.

- И ничего менять мы не собираемся, - продолжала она.

- И все это чистая правда! И никаких сомнений! - сказал он, заботливо укутал ее простыней и крепко прижал к себе.

- Когда ты к нам приедешь в командировку в следующий раз? - спросил он.

- Скоро. Через два месяца, - ответила она.

- Целых! Два! Месяца! - почти прокричал он. - Придется мне выхлопотать командировку в Москву где-нибудь посредине этого срока. Ты хочешь, чтобы я приехал? - спросил он.

Она молчала.

- Ты боишься, что на работе догадаются, сплетничать начнут, да?

Она кивнула.

- Не бойся. Я не приеду. Буду ждать тебя.

Она стояла на платформе одной из станций московского метро. Вдали показался поезд, громыхая на рельсах и стуча колесами. Мелькали вагоны.

«Народу немного. Почти пустой, - удовлетворенно подумала она. - Значит, можно будет сесть».

Поезд остановился. Дрогнув, открылись тугие двери. Она вошла и села на свободное место рядом с выходом. Вдохнула и поставила тяжелую сумку себе на колени.

Устало-равнодушным взглядом осмотрелась вокруг и погрузилась в свои мысли, жадно ловя минуты, когда можно ничего не делать, ни о чем не беспокоиться, а просто ехать, отдавая себя на волю машиниста и стремительно, но ровно бегущего поезда.

Внезапно непонятное волнение охватило ее. Она почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Повернула голову и

увидела на скамейке напротив мужчину, напряженно, неотрывно смотрящего на нее.

Ее ошпарило как кипятком, и кровь в висках бешено застучала.

Это был он. Кажется, он. Каштановые волосы с сильной проседью. Толстые стекла очков. «Тогда он не носил очков», - подумала она.

Он поймал ее взгляд. Как собака, брошенная хозяином - так он смотрел на нее. Она не могла это вынести. В ту же минуту она увидела краем глаза, что он подался вперед.

«Сейчас он встанет и подойдет ко мне, - в паническом страхе думала она. - Я этого не хочу!»

Она резко поднялась с сиденья и повернулась лицом к двери, спиной к нему.

«Он поймет, что я не хочу беречь прошлое. Для меня все давно кончилось. Мне необходимо сохранить свою жизнь - спокойную, размеренную, пусть не очень счастливую. Но на другую у меня нет сил. На счастье ведь нужно очень много сил! Зачем он только встретился мне!... Ноги подкашиваются. Того и гляди грохнусь в обморок, как десять лет тому назад... Я не думала, что для него все это было так серьезно... Он так смотрит на меня, будто я в чем-то виновата... «Помнишь, что мы решили когда-то: главное - не создавать друг другу проблемы...»»

Поезд остановился. Открылась дверь. Она вышла и, не оборачиваясь, торопливо зашагала по платформе.

«Осторожно! Двери закрываются!» - услышала она металлический голос. Двери пружинисто стукнулись друг о друга.

Она оглянулась. Платформа была пуста. Набирая скорость, поезд исчезал в тоннеле.

В одно мгновение жалость к себе, грусть и сожаление до боли сжали ее сердце.

В это время последний вагон протарахтел мимо и скрылся в темноте тоннеля.

ПРАЗДНИК

Это произошло между двумя Рождественскими праздниками. Сначала моя американская подруга Мэй несколько огорчилась, узнав, что в Америке и России Рождество празднуют в разные дни.

Мэй, как и большинство американцев, считала Рождество самым главным праздником.

«Это довольно огорчительно - говорила Мэй, когда я объяснила ей причину несовпадения. - Календари - календарями, но этот прекрасный праздник должен всех объединять! Он общий для всех - бедных и богатых, детей и взрослых!»

Я пожимала плечами и разводила руками, дескать: «Что делать, так уж сложилось! Приходится с этим мириться!»

Мириться Мэй очень любила и здорово это умела.

И вообще, Мэй считала, что все люди - братья. И нет различия между белыми и черными, русскими и американцами. И все должны жить в мире и дружбе.

И это не были пустые слова. Предки Мэй - итальянцы, приехали в Америку в начале прошлого века, и, казалось бы, никакого отношения к трагической судьбе американских индейцев не имели.

Но, тем не менее, чувство вины за жестокость белых по отношению к индейцам мучило Мэй. И чтобы загладить эту вину и как-то примирить индейцев с белым человеком, Мэй регулярно, несколько раз в год посещала резервацию одного из индейских племен, расположенную в соседнем штате.

Чтобы материально поддержать индейцев, она накупала у них целый мешок различных сувениров, поделок из камня и кожи. Потом Мэй приглашала меня в гости и высыпала на стол, в общем-то, совсем не нужные ей бусы и браслеты. Она показывала их мне и восхищалась мастерством индейских умельцев. А я, рассматривая милые безделушки, в душе восхищалась ее добрым сердцем.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что очень скоро Мэй нашла много хороших моментов в празднике двойного Рождества.

Готовилась Мэй к торжеству заранее и очень серьезно. Я начинала получать ее поздравления и наилучшие пожелания еще в начале декабря. Сначала по электронной почте. Потом обычная почта приносила серию красочных открыток с разными рождественскими сюжетами.

Но перед самым Рождеством Мэй обычно исчезала из моего поля зрения. И я знала, что под этой весьма спокойной и неслышной поверхностью идет бурная подготовка к важному событию и праздничному обеду.

Наряжается елка, конечно натуральная, обязательно высокая и пышная - на полгостиной. Далее - неперемные подарки для родных и близких. Если она и звонила мне в этот период, то я слышала от нее только одну фразу, произносимую едва слышным, измученным голосом: «I hate shopping!» - «Ненавижу ходить по магазинам!»

Потом продукты. A lot of! – много. Ведь надо было приготовить к столу и традиционные американские блюда - индейку, клюквенный соус, картофельное пюре, и, конечно, - итальянские, рецепты которых передавались из поколения в поколение.

А гостей будет множество - из ближних и отдаленных штатов - сестры, братья, племянники и племянницы, дяди и тети.

«You don't wanna know!» - «Лучше тебе не знать!» - говорила Мэй, когда я ненароком спросила ее о количестве гостей. И я поняла, что Мэй не хочет травмировать меня той огромной работой, хлопотами и суетой, что предстоит ей в этот замечательный праздник.

Но вот праздник закончился. Подарки раздарены. Гости накормлены. Все волнения позади. И теперь можно вздохнуть свободно и, не торопясь, подготовиться и назначить встречу для празднования второго Рождества.

Елка украшена. Гости немного. Всего-то два человека. Да и кое-что из приготовленного к прошлому празднику может пойти в ход - соусы, подливы, печенье и сладкие пудинги. Неспешный праздник души. Вот и все.

Я тоже старалась не отставать от гостеприимства Мэй и пополнить праздничный стол кое-чем своего собственного приготовления.

Заранее 마리новала грибы с луком, чесноком и укропом и пекла накануне свой знаменитый и любимый всеми гостями яблочный пирог.

И вот мы, облачившись в нарядные одежды, я - с пирогом и грибами, муж - с букетом зимних хризантем, торжественно приближались к небольшому двухэтажному дому, украшенному гирляндами ярких огней.

Кроме всего перечисленного, у меня в сумочке лежал маленький подарок-сюрприз для Мэй и ее мужа, Антонио. Скорее, даже для Антонио.

Как истинный итальянец, Антонио был страстный меломан, и дом был полон записями великих итальянских и неитальянских певцов. Особым почтением у Антонио пользовался знаменитый итальянский тенор, Франко Корелли.

«Непревзойденный Корелли!» - восклицал Антонио, включал запись и гостиная наполнялась волшебными звуками, высокого, чистого, и вместе с тем, мощного голоса.

С большим интересом относился Антонио и к русским певцам, в основном, тем, кто имел международную известность, пел в Метрополитен Опера, или приезжал на гастроли в Америку.

Я старалась в этом смысле расширить кругозор Антонио и рассказала ему однажды о замечательном русском певце - Максиме Дормидонтовиче Михайлове. О его уникальном по тембру голосе и не менее примечательном характере.

Обладая великолепным басом, он был солистом Большого театра. И в то же время пел в храме. Желающих послушать его низкий, бархатный голос было так много, что церковь не вмещала всех, и люди заполняли не только паперть, но и тротуары близлежащих улиц.

Как ревностный католик, Антонио был восхищен непреклонной верой знаменитого певца и тут же попросил меня написать на бумажке латинскими буквами его имя и фамилию. Он постарается обязательно найти его записи.

Кстати, Антонио сам был человек необыкновенный, а, имея в виду среднего американца, можно сказать - уникальный.

Это случилось в самом начале нашего знакомства. Мы сиде-

ли за столом в гостиной дома Мэй, проводя приятное время за чаепитием и дружеской беседой.

Внезапно Антонио повернулся ко мне и, предварительно извинившись, что он отрывает меня от такого важного занятия, как поедание имбирного пряника, с милой улыбкой спросил:

- А вы, случайно, не помните, кто командовал Воронежским фронтом во время битвы на Курской дуге в июле сорок третьего года? Как фамилия этого генерала? Что-то я запомнил - Батутин или Ватутин?

От неожиданности я поперхнулась имбирным пряником.

- Извините, Антонио, я не помню, - пролепетала я.

Но Антонио не успокаивался.

- А на левом фланге занимали оборону войска генерала Батова, не так ли? - допытывался любознательный американец.

- Кажется, - только и могла произнести я, стыдясь в душе своего невежества.

- Да ты не удивляйся! - старалась успокоить меня Мэй. - Антонио историю Второй мировой войны знает наизусть. И он даже считает, что русские могли победить и без помощи Америки! Представляешь?!

- Да, я так полагаю, - спокойно подтвердил Антонио эту странную в среде американцев мысль.

Я промолчала.

И вот, прижимая к себе сумочку с заветной кассетой-сюрпризом для моих американских друзей, я нажала на кнопку звонка. Дверь отворилась и на пороге, лучезарно улыбаясь, появились Мэй и Антонио. А между ними - знакомое жизнерадостное, бровастое существо, типа терьера, по кличке Зоро, с огненными, желтыми глазами и весело виляющим обручком рыжего хвоста.

Не спеша, с остановками на объятия, поздравления и поцелуи, мы прошли в гостиную.

В углу, упираясь вершиной в потолок, возвышалась пушистая, густая елка. Ее ветви отяжелели от многочисленных, сверкающих украшений.

Я заметила, что елка огорожена довольно высоким белым забором.

- Зачем эта загородка? - спросила я Мэй.

- Да это от Зоро, - Мэй махнула рукой в сторону притихшего рыжего весельчака. - Ему нравится стаскивать игрушки с веток. В прошлом году он повалил елку, и довольно много игрушек разбилось, - пояснила Мэй. - Вот мы и решили поставить заборчик. На всякий случай.

- А-а, - протянула я.

А Зоро виновато потупил желтые глаза.

- Посреди гостиной был накрыт праздничный стол. Разные бутылочки и многочисленные закуски.

- Прошу к столу! - гостеприимно пригласила нас Мэй начать рождественскую трапезу.

Но я стояла возле елки, рассматривая блестящие украшения, в основном, разного размера шары, и что-то странное показалось мне в елочном убранстве.

- Мэй, - спросила я удивленно. - Мне кажется, что на елке нет красных шаров и вообще ничего красного.

- Да, - подтвердила Мэй. - Ничего красного нет. Это идея Антонио. - Мэй кивнула в сторону мужа. - Как принципиальный демократ, он решил впредь ничем красным елку не украшать. Правда, Антонио?

Антонио важно кивнул головой, подтверждая, что этот цвет, который выбрала для себя Республиканская партия у него не в чести.

- А также, ты не поверишь! Unbelievable! «Невероятно!» - Мэй всплеснула руками. - Отдыхать мы теперь будем только в северных штатах! В южных - никогда! Вот! - заключила Мэй.

Антонио все продолжал убедительно кивать головой.

- Ничего себе!!! - протянула я, не узнавая дом, в котором совсем недавно разговоры о политике были запрещены. - Невероятно! - повторила я так подходящее к этому случаю слово.

Все еще под впечатлением бушевавших, видимо, здесь политических страстей, мы уселись за стол.

Но вскоре, разнообразные горячительные напитки и аппетитные закуски увели нас с опасной тропы разговоров о поли-

тике на более мирные дорожки.

Антонио, задумчиво разглядывая этикетку на очередной бутылке, размеренно вещал:

- У Огнивцева удивительный голос! Похож на Шаляпина. Вы не находите?

- Находим! - соглашались мы, не решаясь спорить с авторитетным знатоком оперного искусства.

Зоро во время обеда тихо сидел под столом. Иногда, правда, он вылезал и посматривал с тоской на быстро уменьшающийся ассортимент блюд.

Дело незаметно подошло к чаю, и я решила, что настало время музыкального сюрприза.

Я попросила Мэй принести магнитофон и, загадочно улыбаясь, поставила принесенную кассету. Запись была не очень хорошего качества. Но ее несовершенство не могло затмить красоту нежного, можно сказать, ангельского мальчишеского голоса, трогательно выводящего знаменитую мелодию: «Аве, Мария».

Тонкие черты лица Антонио вытянулись и стали еще тоньше, выразительные черные глаза увлажнились. Зоро вылез из-под стола, положил голову на ботинок хозяина и притворился, что внимает каждому звуку. Хлопотунья Мэй притихла и слушала, затаив дыхание.

- Кто это? Кто это? - наперебой спрашивали мои американские друзья.

- Робертино Лоретти! - радостно провозгласила я, очень довольная, что сюрприз удался.

Никто не знал имя итальянского мальчика, много лет назад покоровившего своим голосом сердца советских людей.

- Робертино Лоретти?! - переспрашивал Антонио. - Мы ничего не слышали о нем! Удивительный голос! Когда он пел? Что с ним сейчас? Откуда вы его знаете? - вопросы посыпались, как из рога изобилия.

Я, было, с энтузиазмом принялась рассказывать все, что я знала о Робертино Лоретти. Но Антонио вдруг приложил палец к губам и прошептал:

- Ш-шш!

Я замолчала, и в абсолютной тишине мы прослушали все записи талантливого мальчика. Я протянула руку, чтобы выключить магнитофон, но Антонио жестом остановил меня: «Давайте дослушаем кассету до конца». Я покорно опустилась на стул. Я прекрасно знала, что сейчас последует. Слегка дребезжащий, знакомый с детства, высокий голос затянет: «Утро туманное, утро седое...». Так и произошло. Но то, что последовало за этим, до сих пор не укладывается в моей голове.

Какое-то время Антонио внимательно прислушивался к мелодии старинного русского романса. Внезапно, глаза его расширились, рот приоткрылся, и даже уши, как мне показалось, зашевелились. Совсем, как у чутко спящего кота. Антонио подпрыгнул на стуле. Зоро испуганно шархнул от своего хозяина и засунул голову под диван.

- Козлоски! Козлоски! - кричал Антонио, тыкая пальцем в магнитофон. - Great Russian tenor – «Великий русский тенор» Козлоски!

Наконец, я поняла:

- Да, да, Антонио! - я радостно трясла головой. - Это Козловский! Иван Козловский!

Антонио взял себя в руки, и внимательно вслушиваясь в то, что я говорила, старался повторить фамилию певца, как можно правильное:

- Коз-лов-ский. Козловский.

- Антонио! - я не могла поверить своим ушам. Эрудиция Антонио не имела границ. - Откуда вы знаете Ивана Козловского? Он, кажется, не был очень известен за рубежом. Никогда не выезжал за границу.

Но Антонио не слушал меня:

- О-о-о! - он поднял вверх указательный палец. - Он обладал превосходной техникой! Никто не мог брать открытым голосом такие высокие ноты! Никто! Ни Карузо! Ни Тибальди! Ни даже Корелли! Только Козлоски! Только Козлоски! - голос Антонио тоже, кажется, подобрался к этим самым высоким нотам.

- Козловский, - машинально, по слогам повторила я. - Кассета с записями Робертино Лоретти и Козловского - это наш подарок вам на Рождество! - обратилась я к Мэй и Антонио.

Антонио растроганно тряс мне руку, а Мэй обняла за плечи, чмокнула в щеку и сказала:

- Я же говорила тебе, Антонио, что это великолепно – дважды праздновать Рождество!

ПЕРВЫЙ ЗАРАБОТОК

Мише было двенадцать лет, когда он с родителями приехал в Америку. Такой крутой поворот судьбы был трудным для всех. Родители Миши были уже не молоды, и он видел, что им особенно тяжело.

В школе Мише тоже было нелегко. Знаний языка, полученных в Москве, явно не хватало. Наталья Сигизмундовна, с которой Миша занимался английским более двух лет, не зря, видно, называла его лентяем. Она с шумом вваливалась в прихожую, бросала сумки с продуктами на пол и говорила притихшему Мише: «Ну, здравствуй, мальчик - лентяй!»

И вот теперь ему на собственной шкуре пришлось убедиться в справедливости ее слов! За первые тесты по всем предметам он больше тройки не получал. И это после московских пятерок! Даже по любимой математике! Не разобравшись из-за незнания языка с заданием - делал все неправильно.

Миша понимал, что родители будут переживать его неудачи, и, как последний двоечник, скрывал от них полученные отметки. Когда мать спрашивала его: «Ну, какие оценки ты получил, сынок?», Миша отговаривался: «Да, никакие! Не было еще тестов, мам!» В то же время он изо всех сил старался наверстать пробелы в языке.

Постепенно, учеба его налаживалась, он освоился в школе. Учителя начали хвалить его и частенько ставили в пример другим ученикам - коренным американцам.

У родителей же все двигалось туго, со скрипом. Они приехали в плохое время. С работой было трудно, а с языком - еще хуже, чем у Миши. Он, по крайней мере, каждый день проводил в американской среде. А родители после занятий на курсах английского сидели дома - смотрели друг на друга. Было

ясно, что им, как воздух, необходимо общение на языке.

И вот, спустя пару месяцев после приезда, раздался телефонный звонок, и приятный женский голос сообщил, что семья известного в городе адвоката изъявила желание взять над ними шефство, и что этот самый адвокат приедет сегодня к ним домой, чтобы познакомиться.

Спустя какое-то время раздался стук в дверь. Отец пошел открывать, и в гостиную быстрой походкой, буквально влетел невысокий, очень подвижный, рыжеватый мужчина лет сорока.

В руках он держал огромную, красиво упакованную корзину с фруктами и какими-то сладостями. Не говоря ни слова, он водрузил корзину на стол и затем представился:

- Карл Маркс.

Мать с отцом не смогли сдержаться и приснули от смеха. Но адвокат ничуть не смутился. Он, видимо, знал, что является тезкой такой известной в Советском Союзе личности. Он тоже весело рассмеялся, поблескивая небольшими голубыми глазками.

Отец протянул руку:

- Борис Фиш.

- Анна Фиш, - сказала мать.

- А тебя как зовут? - спросил мистер Карл Маркс Мишу.

- Майкл, - ответил Миша, представившись уже своим новым, переделанным на американский лад именем.

- Очень хорошо! - довольно воскликнул Карл Маркс и разразился длинной, яркой речью.

Говорил он очень быстро, глотал слова, часто улыбался и постоянно тыкал пальцем в корзину с фруктами. Закончил Карл Маркс свою речь теми же двумя словами:

- Очень хорошо!

Внезапно, как и появился, он исчез, предварительно попрощавшись с отцом, матерью и похлопав Мишу дружески-покровительственно по плечу. Перед уходом бросил зоркий взгляд на более, чем скромную, обстановку гостиной и скрылся за дверью - только его и видели.

Родители Миши, слегка ошеломленные внезапным визитом, стояли посреди комнаты. Отец недоуменно пожимал плечами.

Было ясно, что они не поняли почти ни слова из яркой речи, произнесенной перед ними мистером Карлом Марксом.

Мать огорченно вздохнула, подумав про себя, что вот они с мужем занимаются на курсах каждый день, занимаются - а толку никакого нет. Как же они работу будут искать?

- Что он говорил, Миша, ты понял? - спросила мать.

Миша уже привык к своей новой, не совсем обычной роли - помогать родителям с английским. Он видел беспомощность родителей, и ему было их жалко. В Москве они всегда были беспрекословным авторитетом для Миши, особенно отец. А здесь все наоборот, все перевернулось с ног на голову. Теперь родители часто зависели от сына.

Миша перевел вкратце, что Карл Маркс с семьей - женой и двумя детьми приглашает их к себе на празднование еврейской Пасхи - Пассовера. И еще Карл Маркс сказал, что фрукты в корзине очень вкусные, из лучшего магазина. А сладости - кошерные.

Миша смутно себе представлял, что такое Пассовер. Живя в Москве, он знал только, что на еврейскую Пасху отец откуда-то приносил хрустящую мацу.

Мать отбирала несколько золотистых квадратиков и относила на работу. Она говорила, что ее русские сотрудницы ждут - не дождутся еврейской Пасхи, чтобы полакомиться вкусной мацой. А так, никакого особого праздника по этому случаю дома у них не справляли.

Поэтому, когда Карл Маркс пригласил их в гости, Миша решил, что это будет обычное праздничное угощение - вкусные салаты, пирог или торт к чаю - как на Новый год или день рождения.

Вот почему, когда мать предложила немного перекусить перед выходом, он опрометчиво отказался. Нет нужды отметить, сколько раз Миша об этом пожалел в доме у Карла Маркса.

В назначенное время супруга адвоката заехала за семейством Фишей, и вскоре они прибыли к шикарному трехэтажному особняку, живописно расположенному на берегу небольшого озера.

Они вошли в дом. Такого великолепия Фиши в жизни сво-

ей не видели! Высоченный, как в соборе, стеклянный потолок, хрустальная люстра, по размерам напоминающая ту, что видел Миша в Большом театре, светлая мебель, до которой было страшно дотронуться и огромный стол, сервированный тонким фарфором и серебром. К удивлению Миши, никаких особенных угощений на столе не было. Крутые яйца, зелень и маца, и все.

Правда, откуда-то доносился приятный аромат, и Миша подумал, что просто хозяйева не успели еще все приготовить, и скоро угощение появится.

Но не тут - то было! Вместо того, чтобы как следует подкрепиться, и гости и хозяйева принялись читать по очереди какую-то книгу на незнакомом языке, и даже Мишу попросили тоже почитать.

Он с трудом произносил трудные слова, а сидящий с ним рядом Карл Маркс тихонько на ухо пытался объяснить ему значение непонятного текста.

В животе у Миши бурчало, от голода он побледнел. Заметив это, мать сердито прошептала ему: «Я говорила тебе, что нужно было поесть!»

Наконец, чтение закончилось, и начался настоящий праздник. Взрослые оживленно разговаривали друг с другом, стараясь втянуть в разговор родителей Миши. Отец с матерью стеснялись своего английского, и потому отвечали на вопросы односложно, или отделялись приветливыми улыбками и кивками.

Замечательно вкусные блюда чередовались одно за другим. Никаких особенных салатов, правда, не было, но зато наваристый куриный бульон с фрикадельками из мацы, и жареная индейка - пальчики оближешь! А к чаю - превосходные пирожные. «Тоже из мацы!» - шепнула Мише мать.

После угощения Карл Маркс пригласил детей поиграть в бейсбол на просторном, хорошо освещенном участке возле дома.

Дети Карла Маркса были почти ровесниками Миши: мальчик - на год младше, девочка - на год старше. Карл Маркс, хитро поглядывая на Мишу, объявил, что за каждый точный удар

по мячу будет награда - пять долларов. У Миши от нетерпения даже руки зачесались. Играя, заработать такие деньги! Да он умрет, но попадет по мячу!

Дети Карла Маркса отнеслись к предложению как-то вяло, играли неохотно, и оба промазали. Видно, сумма в пять долларов их не очень воодушевила.

Подошла очередь Миши. Карл Маркс сделал стойку и, легонько размахнувшись, бросил мяч в сторону Миши. Миша сосредоточился, прицелился и точным ударом отбил мяч.

Радости его не было предела.

- Ура! Ура! Ура! - кричал Миша по-русски.

- Молодец! - похвалил его Карл Маркс.

Миша, от нетерпения притоптывая на месте, ждал второго броска. Карл Маркс снова встал в стойку, размахнулся уже как следует, и с силой швырнул мяч.

Миша, видел, как мяч, словно круглая пуля, со свистом летит по направлению к нему. От напряжения Миша прикусил губу и почувствовал, что ладони его покрылись испариной. Но он еще крепче вцепился в биту, изловчился и опять отбил мяч! Потом еще и еще. Целых четыре раза!

- Достаточно, - сказал Карл Маркс, достал из бумажника новую, хрустящую купюру в двадцать долларов и протянул Мише.

- Это тебе плата за отличную работу! - и он довольно похлопал Мишу по плечу. - Учитесь! - обратился он к своим детям.

- ОК, dad, - «Хорошо, папа». - отозвались дети, без особого энтузиазма, правда.

Они вернулись в дом. Миша сразу же побежал к отцу и, возбужденно дергая его за рукав, говорил, радостно улыбаясь:

- Папа, я заработал целых двадцать долларов! Я четыре раза попал бейсбольной битой по мячу! И Карл Маркс дал мне за это двадцать долларов! А я ведь никогда в бейсбол не играл!

- Очень хорошо, - сказал отец, но вид у него почему-то был несколько смущенный.

Он не привык, чтобы детям за игру платили деньги, но потом догадался, что Карл Маркс таким образом решил им помочь и еще - показать Мише, что упорством и настойчивостью в Америке вполне можно кое-чего добиться.

Когда они вернулись домой, отец достал из кошелька заработанную Мишей купюру и положил ее в привезенную из Москвы деревянную, резную шкатулку.

- Сохраним на память твой первый заработок. Не возражаешь? - спросил отец. - Ну, а если ты хочешь себе что-нибудь купить - бери, не стесняйся, это - твои деньги.

- Пусть лежат, - ответил сын солидным басом.

ВТОРАЯ ПОКУПКА

Никогда в своей жизни профессор Левин не испытывал такого чувства унижительной беспомощности, как в ту минуту, когда стоял перед прилавком магазина «Купи и Сэкономь» в южном американском городе.

- Магнитофон не работает. Он сломался. Мы его купили два дня назад. Я хочу сдать его обратно и получить свои деньги. «I want my money back!» - говорил профессор на хорошем, по его мнению, английском языке.

Молодой, румяный клерк смотрел на профессора светлыми, оловянными глазами и повторял одно и то же:

- I don't understand you. «Я вас не понимаю».

Левин, тщательно выговаривая каждое слово, пересказал свои нехитрые фразы, особенно ударяя на последнюю:

- I want my money back!

Клерк раздвинул губы в ничего не значащей улыбке и, наклонившись к профессору, произнес отдельно:

- I do not understand you!

Не в силах далее продолжать мучительный диалог, Левин взял с прилавка коробку с магнитофоном и направился к ожидавшим его у двери жене и дочери.

- Они не хотят принимать его обратно, - только и сказал профессор.

Жена и дочь промолчали. Елена Игнатьевна все видела, и унижительная ситуация, в которой оказался муж, была для нее невыносима.

А Маше было просто жалко родителей. «У папы ведь сердце

барахлит, а у мамы давление высокое», - с тревогой подумала она.

Не говоря ни слова, они направились к недавно купленной, старенькой, подержанной машине. Голубая крошка «Шевроле» была их первая покупка после приезда в Америку, всего три месяца назад.

Не найдя пока работы, Левины экономно расходовали привезенные небольшие средства, рассчитывая каждый цент и внимательно продумывая каждую покупку.

Магнитофон для Маши - была их вторая покупка. Родители видели, что Маше трудно, что она скучает о своих подругах, учителях. Она много и усердно занималась в школе, стараясь заполнить пробелы в языке, приспособиться к американской системе обучения. Но вечерами грустила и часто уходила в свою комнату, плотно прикрыв за собой дверь. Из комнаты не было слышно ни звука. Ни шелеста бумаги, ни грохота переключаемых книг.

Однажды, Елена Игнатьевна, случайно заглянув в Машину комнату, увидела, что дочка сидит за столом и перебирает привезенные магнитофонные кассеты с «Наутилусом Помпилиусом», Виктором Цоем, «Аквариумом».

Елена Игнатьевна вернулась на кухню и сказала мужу:

- Надо купить Маше магнитофон. Срочно!

По тону жены, Илья Матвеевич понял, что возражать бесполезно, и сказал:

- Да-да, конечно! Завтра же купим!

В единственном, как они считали, доступном по своим ценам магазине, с подходящим названием «Купи и Сэкономь», они купили Маше магнитофон. Два дня из ее комнаты раздавались то протяжно грустные, то веселые мелодии. Родители улыбались друг другу. Настроение у ребенка улучшилось. Маша подпевала знакомым записям, пританцовывая по квартире с магнитофоном в руках.

Но на третий день магнитофон вдруг зашипел, как сердитая змея - и перестал работать. И вот теперь - ни магнитофона, ни денег - целых сорок долларов!

Вечером в дверь квартиры Левиных раздался стук, и в гостиную, наклонившись, чтобы не задеть притолоку, вошел

Джо Шорт, - Низенький Джо. Но ничего низенького или маленького не было в его двухметровой фигуре. Он сделал шаг в комнату - и оказался посередине гостиной, с размаху бухнулся на диван - и полдивана, как не бывало.

- Good evening, Pia, good evening, Elen! «Добрый вечер Илья, добрый вечер Элен!» - приговаривал он, доставая из портфеля, приготовленные для чтения журнальные статьи и вырезки из газет. - How are you doing? «Как поживаете?» - машинально спрашивал Джо, ожидая, видимо, обычный отклик, что-то вроде «We are fine, thank you!» «У нас все нормально, спасибо!»

Но, услышав в ответ произнесенное профессором Левиным мрачное «so- so - так себе», удивленно поднял синие глаза и оглядел пригорюнившееся семейство.

- How is Masha? «Как Маша?» - спросил Джо Шорт, пытаюсь докопаться до причины неведомых ему печалей.

- She is so-so, too. «Она тоже так себе» - уверил Джо Шорта профессор.

Решив, что дело серьезное и требует его незамедлительного вмешательства, Джо Шорт задал простой и ясный вопрос:

- What's up, Pia? «Что случилось, Илья?»

Вопрос предполагал короткий и ясный ответ. Но ничего в новой американской жизни семейства Левиных еще не было ни ясным, ни определенным.

Профессор задумался, погрузившись взглядом в бездонную синеву глаз Джо Шорта.

Вот здесь следует пояснить, кем был Джо Шорт для пяти-шести семей русских иммигрантов, прибывших в раскинувшийся на осушенных болотах южный американский город.

Ветеран вьетнамской войны, летчик, еще не старый, но уже на военной пенсии, Джо Шорт был для них всем: и защитником, и помощником, и попечителем - этакой добровольной скорой помощью.

Учил водить машину. С теми, кто не умел пользоваться компьютером, часами сидел рядом, терпеливо и словами и знаками растолковывая, для чего какая клавиша существует, и что может случиться, если, сгоряча, нажмешь не ту.

Если ломался холодильник, звонил в офис, громовым голо-

сом требуя механика. Объяснял, что при жаре сто градусов продукты быстро портятся, жильцы могут отравиться и попасть в госпиталь, или еще хуже... И виноваты во всем этом будут, конечно, бюрократы, не желающие ничего предпринимать.

Помогал с английским, предварительно признавшись, что в грамматике он не очень силен и многих правил не знает, но читать умеет и с произношением у него тоже, вроде бы, все в порядке.

Вот для таких занятий и приходил Джо Шорт несколько раз в неделю к Левиным. Своих детей у Джо не было, но он быстро подружился с Машей, особенно, понаблюдав, однажды, за тем, как она ловко и умело заделывает в рамки привезенные из Москвы бабушкины акварели.

К профессору Левину Джо Шорт относился очень почти-тельно и приносил ему для чтения статьи из газет и журналов «научного» направления - об открытиях в области физики и химии, о достижениях в освоении космоса.

О вьетнамской войне Джо Шорт распространяться не любил. И когда при знакомстве Илья Матвеевич спросил его не-нароком, Джо Шорт проговорил угрюмо, нахмутив брови:

- Война - дело грязных политиков.

И больше никто никогда его о войне не расспрашивал.

Не так давно организация, которая приняла иммигрантов из бывшего Союза, подарила семьям, имеющим детей, новые велосипеды. Левины тоже получили для Маши велосипед, разобранный на части и упакованный в плоскую картонную коробку.

Собрать велосипед Левиным не представлялось никакой возможности - инструментов у них и в помине не было. А даже, если бы и были - профессор Левин был небольшой специалист по сборке металлических деталей.

Вечером Джо пришел заниматься с Левиными языком и заметил картонную коробку с велосипедом, прислоненную к стене гостиной, но ничего не сказал, А Левины просить Джо об очередном одолжении постеснялись.

Но на следующий день утром, это был выходной, в дверях появился Джо Шорт. Хитро улыбаясь, он, как фокусник-кудесник, достал из-за спины черный кожаный чемоданчик с инструментами и сказал:

- Here is everything we need. Let's roll! «Здесь есть все, что нам нужно. Давай начнем!»

До самого обеда Джо собирал велосипед, тщательно прилаживал детали друг к другу и туго закручивал гайки. Маша сидела рядом с ним на полу и помогала, чем могла - подавала инструмент, поддерживала колеса в нужном положении.

Илья Матвеевич и Елена Игнатъевна, пристроившись на диване, с интересом наблюдали за работой маленькой международной бригады.

И вот, наконец, счастливая Маша, лихо крутя педалями, носилась на велосипеде вокруг корпуса. А довольный Джо Шорт, вместе с родителями стоял около подъезда и каждый раз, видя приближающуюся Машу, показывал ей, в знак одобрения внушительно поднятый вверх большой палец.

- What's up, Pii? «Так все же, что же случилось?» - повторил Джо Шорт свой простой вопрос.

И тут уж Левиных прорвало. Наперебой, то прерывая друг друга, то помогая друг другу, мешая русские и английские фразы, лихорадочно роясь в словаре, в поисках нужного слова, Левины рассказали Джо Шорту все: про то, как грустит Маша вечерами, как перебирает магнитофонные ленты с записями своих любимых песен, как решили они, наконец, купить ей магнитофон, и как он через два дня сломался.

Джо внимательно слушал и кивал круглой, коротко постриженной головой.

Перед тем, как начать рассказывать эпизод со сдачей магнитофона обратно в магазин, профессор Левин помолчал минуту, как бы собираясь с духом.

По мере того, как Илья Матвеевич рисовал картину происшедшего, стараясь не давать волю эмоциям и говорить, как можно сдержанней и спокойней, лицо Джо Шорта все сильнее и сильнее наливалось кровью и в конце рассказа приобрело багровый оттенок. Синие глаза потемнели, и от гнева он дышал тяжело и шумно.

- Где магнитофон? Поедем немедленно в магазин! - прика-

зал Джо. - They will have a bad time! – «Я им покажу!» - пригрозил кому-то отставной летчик.

В магазине Джо Шорт поставил растерянных Левиных у стенки.

- Everything will be fine! «Все будет хорошо!» - уверил он их и направился к прилавку, неся наперевес коробку с магнитофоном.

Что говорил Джо Шорт оловянноглазому клерку, Левины не слышали. Они только видели, как он тычет пальцем в инструкцию, висящую за спиной клерка.

Затем Джо, горой возмездия, наклонился над клерком, и что-то сказал негромко. Румяное лицо молодого человека залилось краской и стало напоминать цветом вареного рака.

Джо выпрямился и, как бы ставя точку в разговоре, легонько стукнул по стойке своей огромной ладонью. Стоящие на стойке рекламки испуганно подпрыгнули.

В мгновение ока клерк схватил коробку с магнитофоном, небрежно бросил куда-то вниз, под прилавок, дал Джо расписаться на желтой бумажке, отсчитал деньги, вручил Джо и тут же скрылся за дверью подсобного помещения.

И больше Левины ничего не видели. Потому что всю картину закрыла направлявшаяся к ним величественная фигура Джо Шорта. Он улыбался. Глаза его сверкали. Весь вид говорил: война закончилась, мы победили!

По совету Джо Шорта Левины заехали в другой магазин и купили магнитофон известной японской фирмы. Им здорово повезло. Магнитофоны были на распродаже и денег, вырученных от сдачи сломанного магнитофона, вполне хватило на покупку нового.

- Маша будет довольна! - всю дорогу в машине повторял Джо, нежно поглаживая коробку с магнитофоном, привольно расположившуюся на его мощных коленях.

Но, видимо, он не считал, что душевные раны, полученные профессором Левиным от столкновения с неприглядной стороной действительности, залечены полностью.

В очередной раз, когда Джо Шорт, широко распахнув дверь, появился на пороге квартиры Левиных, он внутрь не вошел.

Поманил рукой Илью Матвеевича и проговорил заговорщицким тоном и даже, как будто, подмигнул профессору синим глазом:

- Pia, come here, I've got to show you something! – «Пойдем, Илья, я должен показать тебе кое-что!» - и затем обратился к Елене Игнатьевне: - Don't worry, Elen! We will be back in hour! «Не волнуйся, Элен! Мы вернемся через час!»

Как впоследствии рассказал жене Илья Матвеевич, Джо Шорт повез его к себе домой, и чтобы окончательно развесялить, поведал о своем маленьком бизнесе, которым он с женой Катрин занимался в свободное время.

Жена Джо Шорта работала. Служба ее была, мягко говоря, нелегкая и ответственная. Она была заместителем директора дома для престарелых по разрешению конфликтных ситуаций. «Очень нервная работа!» - часто повторял Джо и сочувственно качал головой.

Вероятно для того, чтобы Джо побыстрее забыл тяготы войны, а Катрин отдыхала от нескончаемых конфликтных ситуаций, они открыли маленькую фотостудию очень специального назначения. Студия предоставляла услуги женщинам, желающим сделать своим возлюбленным, женихам и мужьям миниатюрный подарок - напоминание о себе, который те могли бы всегда носить с собой в бумажнике, будучи уверены, что, в отличие от обычной фотографии, он не помнется, не погнется и не порвется.

Это были глянцеви́то поблескивающие, твердые, пластиковые визитные карточки, на лицевой стороне которых помещалось фото. На нем, желающая оставить о себе приятную и долгую память дама, в легкой одежде и соблазнительной позе, дарила своему поклоннику нежную улыбку.

Карточки пользовались большой популярностью среди солдатских жен и невест. Молоденькие супруги занятых бизнесменов, часто бывающих в отлучке, также были постоянными посетительницами студии.

Обязанности в маленьком фото предприятии распределялись следующим образом: Джо был мастер-фотограф, а Катрин делала макияж и выполняла работу по художественному

воплощению задуманной клиенткой картины.

Продемонстрировав достаточное, по его мнению, для поднятия настроения Ильи Матвеевича количество блестящих прямоугольничков с завлекательными изображениями, Джо Шорт ушел в соседнюю комнату и долго рылся в специальном ящичке, где хранились копии карточек.

Потом явился и с игривой улыбкой протянул Левину одну из карточек. На ней клиентка показывала во всей красе своему возлюбленному, видимо, лучшее, что у нее было - стройные ножки в кружевных, белых чулочках. Сама же обладательница прелестных ножек оставалась за кадром.

- Когда Маше исполнится восемнадцать лет, я обязательно сделаю ей такую карточку, - пообещал Джо Шорт.

Маша, разглядывала привезенный Ильей Матвеевичем образец и, давясь от смеха, выговаривала:

- Эй, родители! Послушайте! А зачем четыре года ждать?! Такую карточку можно и сейчас сделать: лица то не видно! А я в школе подружкам ее покажу - пусть завидуют и еще кое-кому, может быть...

- Мы тебе покажем! - пригрозили родители хором. - Иди лучше занимайся! Сама говорила, что завтра тест трудный по физике.

- А чего учиться, стараться, - ворчала Маша по дороге в свою комнату. - Когда такой бизнес можно на ножках сделать!

Прошло какое-то время, и маленькое русскоязычное сообщество облетела печальная весть. Джо Шорт покидал их. Его жена получила прекрасную, высокооплачиваемую работу директора дома престарелых в городке недалеко от мыса Канаверал, и они должны были срочно туда переехать.

Но грустили не только «русские». Непривычно понурый Джо ходил из дома в дом и с надеждой спрашивал у каждого, не знают ли они какую-нибудь семью недавно прибывших русских иммигрантов, поселившуюся в тех краях. Даже, если это будет в пределах двух часов езды - он готов приехать.

Видимо, Джо тоже уже не представлял жизни без заботы о

своих подопечных, и без их благодарной любви к нему, Джо Шорту, бывшему летчику, ветерану вьетнамской войны. Он был нужен им. Но оказалось, что не меньше они были нужны ему!

Накануне отъезда, Джо Шорт пришел попрощаться с Левиными. Елена Игнатьевна вручила ему сувенир, привезенный из Москвы - украшенный яркой эмалью металлический брелок для ключей. На нем был изображен силуэт Кремля, Красной площади и собора Василия Блаженного.

А Джо Шорт подарил Левиным две фотографии. На одной - бравый, синеглазый Джо, в защитного цвета, летной военной форме. Молодой, улыбающийся.

На другой - серебристый самолет. Он, как сильная птица, широко распахнул крылья и летел сквозь голубое, безоблачное небо в невидимые глазу дальние дали.

УЧЕНИК

Новый ученик по имени Майкл Стюарт появился у Ады совершенно случайно. Ольга, дочь Ады, студентка второго курса, позвонила как-то из университета и объявила:

- Мам! У меня для тебя есть ученик. Русский язык желает поглубже изучить. Хочешь?

- Конечно! Что за вопрос? Желающих сейчас не так уж много. Кто же отказывается? И деньги, как известно, лишними никогда не бывают. А кто он? - поинтересовалась Ада.

- Студент. Не нашего университета, а другого. Здесь, недалеко, тоже в центре города. Он русский изучает и хочет дополнительно позаниматься. Так смешно! - Оля хихикнула. - Представляешь! Он считает, что в нашем университете студенты умнее. Поэтому он вошел в нашу компьютерную систему и стал искать русских, которые здесь учатся. Вот, нашел меня! Он почему-то был уверен, что имя Ольга может принадлежать только русской девушке. Угадал, как видишь! Позвонил мне и попросил помочь с языком. А разве у меня есть время? Ты же знаешь - учусь с утра до ночи, тесты, контрольные. Некогда мне совершенно! Я ему все это популярно объяснила. Он тог-

да попросил порекомендовать кого-нибудь посвободнее. Вот я ему тебя и порекомендовала. Сказала, что ты в Москве занималась преподавательской работой. И здесь, в Америке у тебя ученики были, так что опыт есть.

- Ну, а он что?

- Обрадовался. Thank you, thank you! - говорит. Я ему твой телефон дала. Сегодня вечером должен позвонить. Ну, пока, мам! Мне пора бежать! У меня лекция через десять минут начинается!

- До свидания, Олечка! - сказала Ада и положила трубку.

Заниматься русским языком с учениками Ада любила. Просто испытывала истинное наслаждение! Всегда приятно сознавать, что какие бы трудные вопросы тебе не задавали, ты всегда можешь на них ответить. Потому что ни один американец не знает русский язык лучше, чем человек, который родился в России и прожил там большую часть жизни.

Ада с энтузиазмом рылась в учебниках и пособиях, стараясь подыскать для каждого ученика особый подход в соответствии с его уровнем знаний, подготовкой и потребностями.

Потребности были самые разные, но на первый взгляд могли показаться странными.

Так, одна дама, собирающаяся поехать в Москву, где она никогда в своей жизни не бывала, принесла Аде список слов и выражений, которые она хотела бы выучить прежде всего.

Когда Ада взяла листок бумаги, на котором столбиком перечислялись слова «первой необходимости» и стала читать, то с удивлением обнаружила, что возглавляют этот список не «Здравствуйте» и «До свидания», а - «Помогите!» и «Где туалет?».

Но поразмыслив, она решила, что все правильно, так и должно быть. Если ты едешь в неизвестную страну со «сложной социальной обстановкой», то в этой ситуации слово «Помогите!» может оказаться не только полезным, но и спасительным!

Вечером позвонил Майкл, и они договорились встретиться, не откладывая, на следующий же день.

И вот раздался звонок в дверь. Ада пошла открывать. На пороге стоял, застенчиво улыбаясь, высокий, худощавый паренек в легкой куртке и с огромным туристским рюкзаком за плечами.

Ада пригласила его в дом и проводила в кабинет, по дороге с недоумением косясь на рюкзак.

Все так же застенчиво улыбаясь, Майкл поставил рюкзак на пол, расстегнул и, предварительно вежливо попросив разрешения у Ады, стал выкладывать на письменный стол содержимое рюкзака. Это были книги. Много книг. На русском языке. Учебники. Разговорники. Кажется, даже собрание сочинений Льва Толстого.

Опустошив рюкзак, Майкл обратился к Аде и смущенно спросил:

- Можно эти книги у вас останутся? А по мере изучения я буду их относить домой. Хорошо?

- Конечно, конечно, - с деланным радушием проговорила Ада, шаря глазами по заполненным книгами стеллажам и полкам, и тщетно пытаясь отыскать какое-нибудь свободное местечко.

Ее взгляд остановился на картонной коробке, которую она приготовила для посылки родственникам. Размер был подходящий. И Ада вместе с Майклом аккуратно сложили книги во вместительную коробку, оставив на столе только необходимые учебные пособия.

Закончив, они сели за стол друг против друга. И задавая обычные для первого знакомства вопросы, Ада незаметно разглядывала своего нового ученика.

Лицо молодого человека было очень привлекательным, милым, если можно так выразиться о мужской внешности.

Постоянная смущенная улыбка не сходила с его губ. Большие карие глаза лучились мягким светом. Густые темные волосы спадали на лоб, и он часто поправлял их неловким движением руки.

Русский язык и журналистика - такие специальности выбрал для себя Майкл Стюарт для учебы в университете.

«Не самые практичные специальности в настоящее время!» - подумала Ада.

Но чем дальше и непринужденнее текла беседа и чем больше Ада узнавала о Майкле, тем менее случайным казался ей его выбор.

К примеру, Майкл Стюарт смотрел только советские мульт-

фильмы, которые доставал где-то в университете, и прекрасно выговаривал такое, казалось, непривычное для иностранца слово - «Чебурашка»!

Он восхищался Есениным, и когда говорил о поэте, то нежно, нараспев повторял: «Чю-ю-десные стихи, чю-ю-десные!»

Вообще, русское слово «чудесный» в словарном запасе Майкла стояло на первом месте. Он употреблял его в отношении всего, что было как-то связано с Россией: Москва - чудесный город, русские мультфильмы - чудесные, русские девушки - тоже чудесные!

Ада попыталась выяснить, чем объясняется такая горячая любовь Майкла к России. Может быть, его предки приехали когда-то из России или Украины. Но нет. Майкл Стюарт был стопроцентный англосакс. Он сам тщательно изучил свое генеалогическое дерево. Все его родственники со стороны отца и со стороны матери прибыли в Америку с берегов далекой Британии.

В конце урока, потупив глаза и коротко улыбнувшись, Майкл поведал Аде еще об одной вещи, которую он считает «чудесной», а именно, - русские пельмени. Он так и сказал: «Я покупаю каждую неделю в русском магазине чудесные пельмени».

- И ты каждую неделю с противоположного конца города приезжаешь в магазин за пельменями?! - пораженная, спросила Ада.

- Да, - ответил Майкл. - Я покупаю их много. Разные - с грибами, мясом, курицей и ем всю неделю. Сам. Больше никто в семье их не ест. Не нравятся, наверное. Не знаю, почему. Они ведь такие чудесные!

Так Ада приступила к занятиям русским языком с не совсем обычным американским студентом Майклом Стюартом.

Он пришелся ей по душе, и Ада постепенно стала относиться к Майклу не просто, как учительница, а дружески-покровительно, по-матерински.

Его хитрость несколько расстраивала Аду, и она начала незаметно подкармливать Майкла, оправдывая себя тем, что параллельно с выполнением университетских домашних заданий, Майкл знакомится с русской кулинарией, к которой он проявлял несомненный интерес.

Изучение русской кухни началось с конфет «Мишка косолапый». Угостив Майкла конфетами, Ада развернула фантик, и пока Майкл жевал конфету, знаками показывая, как она ему нравится, Ада объясняла содержание картины знаменитого русского художника Шишкина. При этом она отметила, что имя - Майкл, русское имя Миша, а также прозвище косолапого медведя - «Мишка» - одно и то же.

Майкл от удивления широко открыл круглые и темные, как американская черешня глаза и произнес, с некоторым сомнением:

- Майкл - Миша - Мишка...

- Косолапый, - уточнила Ада.

На следующее занятие Майкл прибыл немного раньше назначенного времени и, войдя в гостиную, весело поздоровался со своей учительницей:

- Пришел косолапый Мишка!

Ада смеялась, а Майкл выглядел очень довольным.

В этот день Ада приготовила винегрет и предложила Майклу отведать это популярное русское блюдо. Ада указывала вилкой на поедаемые ингредиенты и четко произносила:

- Свек-ла, лук, мор-ковь.

Тщательно прожевав и проглотив пищу, Майкл старательно повторял:

- Свек-ла, лук, мор-ков...

Потом Ада с выражением читала стихотворение Есенина «Собаке Качалова»:

«Дай, Джим, на счастье лапу мне...».

Майкл слушал, и глаза его увлажнились. Он сказал, что у него есть собака - Тони – доберман-пинчер, и он ее очень любит.

Узнав, что порода собаки по имени Джим из стихотворения Есенина - тоже доберман-пинчер, Майкл страшно обрадовался и пообещал Аде к следующему уроку выучить стихотворение наизусть.

Спектр интересов Майкла, касающихся России, был необычайно широк. Однажды он принес на занятия «Литературную газету» со статьей о русских философах и попросил Аду объяснить разницу между философскими мировоззрениями Бердяева и Соловьева.

Ада не была готова к этому вопросу и несколько растерялась, но тут же вспомнила, что вчера она специально для Майкла приготовила по бабушкиному рецепту форшмак. Она поставила тарелку на стол, и урок вернулся в свое обычное русло.

Объяснив Майклу, что такое форшмак и какие продукты используются для его приготовления, Ада придвинула ему деревянную доску, на которой лежала буханка свежего черного хлеба, нарезанная ровными ломтями, и предложила намазать форшмак на хлеб. Что Майкл тут же и сделал. Он с аппетитом уплетал кусок хлеба, покрытый толстым слоем форшмака, а Ада тем временем проверяла его домашнее задание.

Несмотря на несколько «кулинарный» уклон занятий, в основное время урока они успевали сделать очень много, и Майкл получал по тестам отличные оценки.

Спустя какое-то время, Майкл стал спрашивать Аду, робко оглядывая пустынную гостиную: «А где Ольга?» Причем, к удовольствию Ады, он произносил имя дочери не по-американски холодно – остро: «Олга», а мягко, как и полагается по-русски – Ольга.

- Ольга в университете. Она живет в общежитии, - объяснила Ада.

После нескольких подобных вопросов Ада поняла, что Майкл хочет познакомиться с ее дочерью.

Поговорив с Олей, она посоветовала Майклу позвонить в общежитие университета.

Вскоре Оля известила маму, что на днях она с Майклом идет в кафе.

Потом она позвонила домой и на вопрос Ады: «Ну, как?» ответила, что «мальчик хороший, но очень застенчивый. И что вся разговорная нагрузка за полтора часа встречи была на ней, а Майкл произнес за все время только три фразы: «Здравствуй, Ольга!», «Как дела?» и «До свидания, Ольга!».

На следующий урок Майкл явился грустный и несколько расстроенный и опять повторил свой вопрос:

- А где Ольга?

- В университете, - удивленно ответила Ада.

После окончания занятия Майкл спросил Аду, не может ли

он в следующий раз прийти в выходной - в субботу или воскресенье.

- Конечно, Майкл! Приходи! - сказала Ада, ни о чем не догадываясь.

В субботу во время урока Майкл сидел мрачный, и уходя, спросил:

- А что, Ольга не приезжает на выходные домой?

- Приезжает, но очень редко, - ответила Ада. - У нее финальные экзамены, и сейчас мы с мужем посещаем ее в выходные дни.

- All right! - сказал Майкл и тяжело вздохнул.

В воскресенье родители приехали к Оле в университет, как обычно с полными сумками продуктов - сериалы, орехи, фрукты, соки. Разгружая пакеты, Ада рассказывала дочери о печальном Майкле.

- Да, он мне звонил несколько раз - приглашал в кафе, - сказала Ольга. - Но мне пришлось отказать. У меня абсолютно нет свободного времени! Ни минуты!

По дороге домой Ада с тревогой думала, что сердечная неудача больно ранит впечатлительную и тонкую «русскую» душу Майкла. «Он такой не приспособленный к американской жизни! Гораздо меньше, чем Ольга. Хотя она здесь прожила четыре года, а он - всю жизнь! Бердяев, Соловьев, поиски смысла жизни и духовного предназначения человека - кому это все здесь нужно! Уж денег за такие изыскания точно не платят! - Аду не на шутку беспокоило будущее ее любимого ученика. - Ну, с Ольгой, допустим, все ясно. Как говорится, насильно мил не будешь! Но где найти практическое применение столь глубоким душевным качествам Майкла - вот в чем вопрос?»

Поразмыслив немного, Ада решила на следующем занятии, наряду с философским учением Бердяева, обсудить со своим учеником насущные вопросы охраны окружающей среды.

Но жизнь рассудила по-своему и внезапно вырвала Майкла из заботливых рук учительницы. Он исчез, выпал, как неокрепший птенец из гнезда, и растворился в неизвестности стремительной и непрерывно меняющейся американской жизни. Это случилось так.

Майкл позвонил накануне очередного урока. Он сказал, что

«he is very sorry» - сломалась машина, и он приехать не может.

- Что поделаешь, Майкл! Бывает! Чини машину. И приезжай. Я приготовила для тебя интересные статьи Бердяева, - сказала Ада.

Через неделю Майкл позвонил снова. Он объяснил Аде, что ему придется покупать другую машину, так как старая никуда не годится. Он должен копить деньги и поэтому не может брать у Ады уроки.

- Пока! - сказал Майкл на прощание по-русски.

- Постой, Майкл! Не вешай трубку! - успела прокричать Ада.

- Я буду заниматься с тобой бесплатно! До лучших времен!

Но в трубке послышались короткие гудки.

Спустя год, Майкл неожиданно позвонил Ольге и сообщил, что он закончил университет и получил интересную работу в агенстве по охране окружающей среды.

УДАЧНОЕ ЗАМУЖЕСТВО

Не продержавшись и недели после приезда в Америку, Нина погрузилась в черную трясиину разочарования. Том, добрая душа, делал все, что в его понимании могло успокоить молодую русскую жену. Возил на необъятные торговые молы и в огромные продовольственные магазины. Ничто не радовало его «Ни-но-чку!» По ее мнению одежда была неинтересных фасонов, мешковатая. Продукты пресные, невкусные. Даже любимая клубника - внешне, как на подбор, а на вкус - совершенная деревяшка! С удрученным видом Нина бродила по магазинам, даже не пытаясь скрыть свое настроение от приунывшего Тома. А ведь он был уверен, что американские молы - лучшее утешение для женщин!

Маленький, захолустный городок, в котором они поселились втроем - Нина, ее восьмилетний сынишка Миша и Том, тоже нагонял беспросветную скуку. Где они - широкие московские проспекты, заполненные до отказа театры и концертные залы?! Здесь - спокойная, размеренная жизнь, съедавшая незаметно день за днем. Утром Том наскоро завтракал непри-

вычными сырниками со сметаной и уезжал на работу. Нина кормила Мишу, брала его за руку и провожала в школу.

- Good morning! «Доброе утро!» - приветствовали их вышедшие на прогулку старушки.

- Good morning! «Доброе утро!» - бойко отвечал Миша, а Нина только улыбалась и, молча, кивала головой.

Она стеснялась и рта открыть, чтобы не продемонстрировать всему свету свое «ужасное произношение». В Москве Нина закончила курсы английского и в общении с Томом у нее никаких трудностей не было. Что бы она ни говорила, Том с радостной улыбкой старательно выговаривал:

- Йе, Йе! Хо-ро-шо!

Но посторонних людей Нина понимала плохо, а сказать - тут уж все старания произнести членораздельные фразы были напрасны. Покраснев до ушей и надув от усердия щеки, Нина издавала только грустное, протяжное мычание.

Зато Миша учился прекрасно. Учителя удивлялись: «Мальчику только восемь лет, а он уже свободно умножает и делит!» Не мог же Миша объяснять, что все это они уже проходили во втором классе со строгой учительницей Еленой Леонидовной.

Единственное, что выводило Нину из угнетенного состояния - это разговоры по телефону с мамой. Нина часами обсуждала с ней каждое препятствие, встретившееся на, казалось, гладком и безоблачном пути по обеспеченной американской жизни. У мамы, должно быть, сердце кровью обливалось, когда она слушала жалобы дочери. Нина понимала, что надо бы пожалеть мать, но ничего поделать с собой не могла.

Том поглядывал на говорящую плачущим голосом по телефону жену и чувствовал, что с ней происходит что-то неладное. Зная, как Нина любила свою профессию официантки, Том деликатно предложил ей поискать работу на несколько часов в день в ресторане или кафе. Нина очень обрадовалась, ожила. Оделась понаряднее и отправилась на поиски работы. Но первая же беседа с нанимателем закончилась катастрофой. Послушав минут пять Нинино невнятное бормотание, хозяин кафе приблизил распаренное на кухне лицо и произнес четко и ясно, чтобы она поняла:

- No English – no job!!! «Нет английского – нет работы!»

Нина вспыхнула до корней волос и пулей выскочила за дверь. Вернулась домой, тяжело опустилась в кресло и, не вытирая льющихся из глаз слез, схватила телефон. С ожесточением тыкая в выпуклые кнопки, набрала мамин номер, и, всхлипывая, принялась изливаться ей свои беды.

Последняя капля, переполнившая чашу Нинино терпения, прибыла по почте вместе с толстым желтым конвертом. Том пробежал глазами письмо, и лицо его стало приобретать свежий оттенок.

- Что случилось, Том? - спросила Нина, отметив с гордостью про себя, как хорошо она произнесла такую полезную в жизни фразу.

- Они опять потеряли ваши отпечатки пальцев! - гневно проговорил Том. – Какие растяпы! Это безобразие!

Это, действительно, было безобразие! Уже два раза Тому пришлось отпрашиваться с работы и ехать далеко - в центр большого города для оформления «зеленой карты» для Нины и Миши.

- Растяпы и бюрократы! - по-русски возмутилась Нина. - Хуже, чем в России!

- Йе, Йе! Бюрократы! - с энтузиазмом подтвердил Том, удивленный тем, что такие плохие люди и на английском, и на русском имеют одинаковое название.

- Нет! Больше мы туда не поедим! - в негодовании воскликнула Нина, быстро подсчитав, во сколько им обойдется эта поездка.

Том работал менеджером в компании, занимающейся установкой отопительных систем. И поскольку они втроем жили на одну зарплату Тома, Нина болезненно относилась к каждому напрасно потраченному доллару. В довершении всех бед, Том и Миша вдруг стали ревновать ее друг к другу. И Нине приходилось буквально разрываться на части. Иногда она срывалась и начинала кричать, стуча маленьким кулачком по кухонному столу: «Какая же я идиотка! Какая идиотка!». К ее немалому удивлению, не очень способный к языкам Том, быстро освоил странное выражение. И однажды, пролив на ковер в гостиной клюквенный сок, завопил тонким голосом:

«Какая же я идиотка! Какая идиотка!» Нине стало его жалко. Она подошла к мужу и обняла его.

- Том, нам нужно уехать отсюда, - сказала она.

- Почему? - посерьезнев, спросил Том.

- Я не знаю, - ответила она. - Но нужно уехать и все! - потом, помолчав, сказала решительно: - Нет, Том! Забудь, о том, что я сказала. Женщины – сумасшедшие. Им нужно, чтобы мужчина ради них подвиги совершал, жертвовал чем-то...

Как ни удивительно, но Том, кажется, понял то, что говорила ему Нина. В знак согласия с тем, что женщины, действительно, немного «сгазу», Том яростно кивал головой.

Он родился и вырос в этом тихом городке и двадцать лет проработал в компании, где его ценили и уважали, и изменить без веской причины свою налаженную жизнь представлялось ему невыносимым.

Но идея «уехать» крепко засела у Нины в голове. Уехать - и решить все проблемы, которые навалились на нее в этой чужой стране. Уехать - и начать новую, счастливую жизнь! И она стала упорно находить все более веские причины для отъезда. Во-первых, ей нужно работать. А работать она хочет только в казино. В Москве несколько лет она проработала в шикарном казино. Это прекрасная работа! Зарплата небольшая, но зато чаевые - великолепные! Потом - надо купить дом. Как же так, жить в Америке и не иметь собственного дома?! Раньше Том снимал дом. Но теперь у него семья! Цены же домов в ближайшей округе были такие высокие, просто неприемлемые! Нина узнала, что в городе, куда она мечтает переехать, так называемой столице игорного бизнеса, дома стоят чуть ли ни в два раза дешевле.

И она принялась систематически «капать мужу на мозги», описывая существующие в ее воображении прелести далекого города. Том понимал ее состояние, и поэтому не отбрасывал идею переезда, как неосуществимую. Но в глубине души, как истинный американец, даже и вообразить не мог, что он бросит по собственной воле работу и сорвется с насиженного места. Без работы он не представлял себе и дня. Ведь он - мужчина, глава семьи и должен содержать жену и ребенка.

Но, постепенно, муж-голова, которая, как известно, держится на жене-шее, начала медленно поворачиваться в нужную этой шее сторону.

И вот Нина стала слышать от Тома, что начальство к нему придирается, а подчиненные выполняют задания недостаточно качественно и, как результат, участились жалобы клиентов. Да и работа стала не такая интересная. Нина втайне радовалась и уже запланировала поездку в город своей мечты, чтобы на месте убедиться во всех его прелестях. После окончания учебного года Том взял на работе отпуск. Они сели в машину и отправились на запад, чтобы посетить намеченное для новой жизни место.

В приподнятом настроении они прибыли в сверкающую огнями «столицу игорного бизнеса». И вот - первое разочарование. Нина сразу поняла - жить в этом городе и растить ребенка невозможно. Вдали от роскошных отелей и казино, в жилых районах было все убого и грязно, процветала преступность. Они двинулись дальше - в расположенный недалеко пригород. Пригород им понравился - школа рядом, близко остановка автобуса, несколько небольших казино местного значения. Они подыскали себе уютную, чистенькую квартиру.

Нина была в восторге, глаза ее сияли. Она с нетерпением ждала того времени, когда, наконец, навсегда распрощается с постылым тихим городком и переедет в оазис на краю пустыни. Возможно, у Тома и закрадывались в душу сомнения. Но, видя, как жена буквально ожила и светилась счастьем, он не проронил ни слова, а только поддакивал ей. В том, что муж найдет работу, Нина не сомневалась. Он ведь такой работающий и знающий! В дальнейшие рассуждения она не пускалась, надеясь, частично, на русское «авось».

Вернувшись домой, они принялись за сборы в дальнюю дорогу. Том с тяжелым сердцем оставил работу в компании. Он явно волновался и, когда зашел в школу, чтобы предупредить об отъезде, молоденькая учительница, мисс Дэвис, сделала круглые глаза и задала простой вопрос: «Why?» - «Почему?» Том замялся. Он не знал, что ответить, и пробормотал едва слышно, как провинившийся ученик:

- Нина чувствует себя здесь очень одиноко!

- Ну, что же, - вздохнула мисс Дэвис. - Жаль, что Миша уезжает. Очень способный мальчик. Желаю вам удачи на новом месте! - произнесла она дежурную фразу.

В горячке сборов Нина все-таки заметила состояние мужа. Но дело было решенное и обсуждению не подлежало. Они наняли грузовик и поместили в него свое имущество - мебель, посуду, одежду. А сами двинулись в далекий путь на своей машине.

Они благополучно добрались до новой квартиры. И все было прекрасно, за исключением одного - вместо обещанных пяти дней грузовик прибыл на место назначения через месяц! Где плутала набитая вещами машина - этого Тому, оборвавшему телефон в поисках пропавшего грузовика, выяснить так и не удалось. Пришлось начинать новую жизнь без стола, без стульев и без кровати.

Нина, закаленная жизнью в России, переносила неудобства с поистине русским терпением. Но Том! Том был в отчаянии, которое даже и не пытался скрыть. Без работы, телевизора и любимого дивана - этого он пережить не мог!

Целые дни Том проводил в поисках работы. То же делала и Нина. Первому удача улыбнулась Тому. Он пришел вечером домой и с улыбкой от уха до уха сообщил, что получил работу охранника одного из фешенебельных особняков в богатом пригороде. Дома принадлежали знаменитостям, которые приезжали развлечься в злых местах столицы игорного бизнеса. Нина радостно бросилась ему на шею. И хотя работа была на неполный рабочий день, но это было уже что-то! Их сбережения таяли быстро, как снег под жарким солнцем пустыни.

И вот после ежедневной суеты, вежливых и невежливых отказов Нине тоже повезло! Ее взяли на несколько часов в неделю на работу в ресторанчик маленького казино. Нина была счастлива. Это была ее первая собственная победа в новой жизни! Работа была не мед, но она старалась быть услужливой и исполнительной. И все-таки некоторые клиенты изрядно донимали Нину. Хотя ее английский значительно улучшился, но сильный акцент все-таки сохранился. Как раз этого и не переносили клиенты, никогда не имевшие дело с иммигрантами.

- Ты, ведь, не здешняя! Правда? – часто спрашивали они.

Одна неприятная особа - постоянная клиентка казино, заявляла Нине:

- Я тебя не понимаю! Ты не говоришь по-английски!

Наконец, Нина не выдержала и сказала тихо:

- А вы ПОСТАРАЙТЕСЬ меня понять. Это совсем нетрудно.

Клиентка изумленно подняла брови и состроила недовольную гримасу. Но от неожиданности онемела и ничего не сказала.

Однако настоящая удача пришла тогда, когда Том получил долгожданную работу на полный рабочий день. Сборщик неуплаченных налогов. Это была не очень хорошая работа. Порой, даже опасная. Ей было далеко до его прошлой профессиональной работы. Но он и не думал жаловаться на свою судьбу. Более того - он был просто счастлив! Теперь у них будет медицинская страховка! Только нужно продержаться испытательный срок - три месяца. Том рассказывал Нине о будущей работе, о трудностях, которые ему предстоит преодолеть. Он ведь никогда не занимался подобными вещами...

Нина внимательно слушала его. И потихоньку в ее сердце начала закрадываться слабая надежда. Вместе они обязательно справятся с невзгодами, преодолеют препятствия стоящие на их пути к счастью и благополучию, и все будет хорошо.

А рядом, молча, стоял Миша и теребил висевшую на длинной нитке пуговицу на рубашке. Он вспоминал далекий зеленый городок, молоденькую учительницу, мисс Дэвис, и знакомую старушку, каждое утро приветливо встречавшую его по дороге в школу, чем-то неуловимо похожую на его бабушку, оставшуюся там, в Москве...

ПОДРУГА

- Алло, Лиля?

- Я.

- Лилька, ты знаешь, я с Валеркой решила развестись! Окончательно!

- Катя! Ты что!!! Что случилось?!

- Я узнала, у него есть любовница! Деньги он сейчас лопатой гребет! Бизнес процветает! Так половину денег он этой... относит!

- Катя! У вас же ребенок! Ты что же сына, Мишу, будешь без отца растить?!

В трубке раздались сдавленные рыдания.

- Тебе... хорошо... рассуждать!... У тебя ни мужа, ни детей! Он все равно меня не любит! Он мне сам сказал: «Была любовь, а после женитьбы вся вышла».

- А что он много денег получил?

- Вагон! Только нам с Мишкой объедки достаются! Все с бабами проматывает! Как с цепи сорвался! Кидается от одной к другой! А эта, стерва, капитально вцепилась. Качает из него деньги, как насос!

- Подожди ты, Катерина, не кипятись! Перебесится, как миленький вернется!

- Не нужен он мне!

- Тебе - нет, а Мишке - да! Ну, хочешь, я с ним поговорю? Он мужик умный. Должен понимать. Разведетесь - даже сына повидать ему большая проблема будет! Только через суд! Да и ты ведь любишь его до сих пор!

- О-ох, Лилька! Не знаю я! От любви этой только несчастья! Лучше бы я за Ленку Зверева вышла! Ну и что, что некрасивый. Зато добрый, душевный! Да и как ты будешь говорить-то с ним? Вы виделись-то только один раз на свадьбе четыре года назад. А так все по телефону: «Подождите, Лилечка, минуточку! Катя на кухне. Сейчас я ее позову!». И весь разговор! А ты, Лиль, правильно делаешь, что замуж не выходишь!

Лиля вздохнула и ничего не сказала.

- Ну, так говорить мне с ним, или нет? - спросила она уже без всякого энтузиазма в голосе.

- Говори - хуже не будет! Запиши номер его селлфона. Да скажи ему, чтоб ребенку денег на образование оставил. А то ведь мне с моей зарплатой техника-лаборанта колледж ни за что не потянуть! А дом?! Как с домом-то быть? Он ведь на Валерке записан! Не на улице же нам с Мишенькой жить!

Лиля услышала в трубке тихое всхлипывание, потом громкое сморкание.

- Не волнуйся, Катюша! Все уладится! - успокаивала Лиля подругу ничего не значащими словами. - Я с ним обязательно обо всем поговорю!

Катя не произнесла ни слова, а в трубке раздались короткие гудки.

Лиля слонялась бесцельно по комнатам, перекладывая с места на место книги, журналы, которые она читала в свободное время. Она уже жалела, что предложила Кате свою помощь. В чужие семейные дела лучше не соваться. Но и безучастной к тому, что у подруги разваливается семья, она оставаться не могла.

Лиля договорилась о встрече с Валерием в маленьком кафе в центре города, напротив здания, в котором она работала.

Когда она вошла в кафе, Валерий уже ждал ее за столиком у окна. Это был красивый, видный мужчина. Широкоплечий, темноволосый. Внимательный взгляд карих глаз. Светлый пиджак небрежно расстегнут.

Увидев Лилю, он встал, несколько удивленно осмотрел ее с головы до ног и галантно подвинул ей стул.

- А я вас сразу вспомнил! Хотя мы виделись с вами всего один раз! - произнес он, улыбаясь.

- Да, - рассеянно подтвердила Лиля. - На вашей свадьбе.

- Какие же красавицы - подруги у моей жены! - Валерий, прищурившись, старался поймать ее взгляд. - Вам не кажется, Лилечка, что наши встречи носят судьбоносный характер. Сначала - свадьба. Потом развод.

Лиля пропустила все мимо ушей и сказала строгим тоном:

- Вот об этом я и хочу с вами поговорить, Валерий, - и по-

смотрела на него осуждающе, как учительница на провинившегося ученика.

Потом отвела глаза и, стараясь не проявлять лишних эмоций, завела заранее подготовленную речь. Об ответственности перед семьей. О сыне и его образовании. О Кате и их общем доме.

Иногда она искоса бросала быстрый взгляд на Валерия. Он внимательно слушал Лилю. Или делал вид, а тем временем беззастенчиво разглядывал ее.

Она решила закончить разговор самым веским аргументом:

- Понимаете, Валерий, Катя так обижена на вас, что после развода может препятствовать вам видеться с сыном, Мишей.

- Да вы не беспокойтесь, Лилечка! - глаза Валерия сузились, и он усмехнулся. - Я ей с Мишкой такие бабки отвалю! Никаких проблем у меня не будет. Купить можно все. Даже любовь! Вы не согласны?

Лиля ничего не ответила, только помотала головой из стороны в сторону.

- Ну и напрасно вы сомневаетесь! - продолжил Валерий. - Вот вы, например, замужем?

- Нет, - ответила Лиля. - Но это к делу не относится.

- Раз вы не замужем у вас низкий социальный статус. Социальный статус женщины определяется ее отцом или мужем. Вам нужно выйти замуж за состоятельного, преуспевающего бизнесмена, такого, например, как я. - Лиля удивленно расширила глаза. - И тогда все у вас будет тип-топ.

- У меня и сейчас все тип-топ, - сказала Лиля и поднялась, чтобы уйти.

- Не совсем, поверьте мне, Лилечка! Зря вы со мной не соглашаетесь, - Валерий встал и протянул Лиле руку.

Она помедлила и явно неохотно протянула ему свою. Он долго держал ее руку. Потом отпустил и сказал, словно оправдываясь перед Лилей:

- Вы знаете, Лилечка, под каким стрессом я работаю! Катя не понимает! Мне временами просто необходимо расслабиться. Оттянуться как следует! А за деньги это сделать проще всего!

Лиля не произнесла ни слова в ответ. Она взяла сумочку и торопливо направилась к выходу.

- Лилечка! - услышала она за своей спиной. - Я вам позвоню в случае необходимости. Если Катя не пожелает со мной общаться. Хорошо? Я знаю ваш телефон. Вы же звонили мне на селлфон. Ваш номер в памяти остался.

Не оборачиваясь, Лиля согласно кивнула.

По дороге домой она занималась тем, что мысленно ругала себя за проявленную инициативу. Эти пошлые намеки! Деньги! Социальный статус! Чушь какая! В некоторых случаях деньги создают проблемы, а не решают их. Пример - семья Кати. Деньги есть, а счастья нет. Одно успокаивало ее - кажется, Катя с Мишей будут обеспечены материально. И дом Валерий обещал им оставить. Сам он кондоминиум собирается купить. Хочет откупиться от всех.

Личная же жизнь самой Лили полностью соответствовала поговорке: «Не родись красивой, а родись счастливой». Избыток красоты так же вреден, как и ее отсутствие. Мужчины, опасаясь измен, не спешат жениться на очень красивых женщинах.

У Лили было несколько бурных романов. Но все заканчивались неудачно. Для долгой совместной жизни ее возлюбленные выбирали не ее. Она постепенно к этому привыкла. Сосредоточилась на карьере и достигла в этом успеха. Деньги особо тратить было не на что. Путешествия были уже пройденным этапом. Побрякушки она не любила. Фирменные магазины уже все перебрала, и они навевали на нее тоску. На счету у нее накопилась довольно приличная сумма. Но женщина, видимо, не может не мечтать о замужестве.

С Митей Лиля познакомилась на концерте. Кто-то из российских бардов приехал на гастроли в их город. Лиля договорилась пойти на концерт с Катей. Концерт уже начинался, а Кати все не было. Лиля начала волноваться, не случилось ли что с ней по дороге. Было уже темно, а Лиля знала, что Катя не любит водить машину в темноте. «Надо было мне за ней заехать, как я хотела, - сокрушалась Лиля. - Не слушать ее. Подумаешь, получасовой крюк. Ничего страшного».

Она беспрестанно оборачивалась и смотрела в проход, не

идет ли Катя. Внезапно, сидящий рядом с Лилей молодой человек наклонился к ней и сказал тихо:

- Зачем вы так тревожитесь? Не тревожьтесь. Не надо. Почему сразу надо думать о самом плохом? Право, не стоит. Вот увидите, все будет просто и объяснимо.

Лиля посмотрела в глаза мужчины. Его слова тронули ее до глубины души. Неужели еще остались на земле отзывчивость и чуткость? Способность проникнуть в чувства другого, совершенно чужого человека. Его мягкий голос звучал уверенно, она вздохнула и успокоилась.

Спустя какое-то время Лиля обратилась к молодому человеку:

- Извините, пожалуйста, за беспокойство. Скажите, который час? Я часы забыла. А у селлфона батарейка села.

- Вы меня ничуть не беспокоите, - ответил ее сосед. - Я буду рад сообщать время, когда это вам будет нужно.

В действительности же, Лиле ничего и не надо было спрашивать. Стоило только посмотреть в сторону молодого человека, как он моментально поворачивался к ней и говорил, который час.

И вот, наконец, в проходе появилась запыхавшаяся Катя. Как оказалось, Валерий задержался на работе, а няня, как всегда, опоздала.

Вот видите! Что я говорил! - шепнул ей сосед и улыбнулся.

Митя, так звали внимательного молодого человека, был типичный, беспросветный неудачник. Отзывчивый, добрый, легко ранимый. Разве место в Америке с таким характером? Язык не пошел. Поэтому не смог учиться. Работал там-сям в «русском» бизнесе. Потом решил свой организовать и вылетел в трубу. Он был не акула, не щука и даже не ерш. В настоящее время вертелся, как белка, хватался за любое дело, чтобы заработать деньги и расплатиться с долгами.

Он жил в Бостоне. А в их город приехал на выходные навестить приятеля, у которого недавно родился ребенок. Приятель и купил ему билет на концерт. Они с женой были заняты с младенцем и в «свет» еще не выбирались.

В довершение всего, Лиля узнала, что Митя моложе ее на целых семь лет. Ему едва исполнилось тридцать. Она, ко-

нечно, выглядит моложе своих лет. Но ощущать себя рядом с мужчиной многоопытной, преуспевающей дамой Лиля не привыкла. Это было ей неприятно. Кроме того, Митя очень любил Бостон - «самый европейский город в Америке» и переезжать никуда не собирался.

Сам Митя к разнице в возрасте относился спокойно. Сказал Лиле однажды: «У женщины нет возраста. Она - или женщина, в полном смысле этого слова - или нет». Но различие в материальном положении его беспокоило очень сильно. «Без кола, без двора, без специальности и без денег, ну какой я, к черту, мужик!» - сказал он Лиле с горечью в самом начале их знакомства.

Но Лиля, засыхающая на работе в стальном панцире деловой женщины, отдыхала душой и телом в ласковых объятиях своего возлюбленного. Он обнимал ее крепко и прижимал к себе сильными руками. Поцелуи его были легкие, воздушные. «Ангельские» - говорила Лиля.

Если она не получала от их близости достаточно сильного удовольствия, он ужасно огорчался. И через какое-то время повторял попытку, совершенно одурманивая ее своими ласками. До тех пор, пока из ее губ не вырывался настоящий, а не поддельный стон.

Их редкие свидания продолжались уже почти год. И все было прекрасно. Бесперспективно, но прекрасно.

Вскоре после разговора в кафе Валерий позвонил Лиле для того, чтобы она помогла ему согласовать с Катей детали их визита к адвокату. В конце разговора он неожиданно поменял тему:

- Я, Лилечка, видел вашу машину. У вас Хонда, да притом еще не самой последней модели. Не престижно для такой красивой женщины! Я могу вам устроить отличную Ауди. Возьмем в обмен вашу Хонду и вам почти ничего не надо будет доплачивать. Подумайте и решайте! Хорошо? Звоните! Я всегда к вашим услугам!

Лиля пробормотала:

- До свидания, - и повесила трубку.

Через пару дней Валерий позвонил снова. Лиля уже узнала его телефон, когда он высветился на определителе номера. Она засомневалась, брать ли трубку. Но подумала, что это мо-

жет быть по делу, и ответила на звонок.

- Так вы, Лилечка, решили в отношении Ауди? Я пересчитал. Вам ничего не придется доплачивать. Машина новая. На гарантии. Так что не волнуйтесь. Качество гарантировано. Я вот недавно Мерседес купил! Отличная машина - разгоняется, как ракета!

Лиля молчала, а Валерий продолжал:

- Я предлагаю вам обсудить со мной эту покупку. Приглашаю вас завтра на обед во французский ресторан в центре города. В семь часов за вами заедет лимузин.

Завтра на выходные прилетал Митя из Бостона.

- Я не могу. Я занята, - ответила решительно Лиля. - И вообще, зачем мне Ауди? Я вполне довольна своей машиной.

- Напрасно, напрасно, Лилечка! - протянул Валерий и внезапно спросил раздраженно: - У вас что, свидание?

Лиле очень хотелось послать его куда подальше вместе с его Ауди. Но она сдержалась. Она обещала помочь Кате. Подруга очень ее просила. А сейчас еще Миша тяжело заболел, и Катя совсем потеряла голову.

- Я не могу больше говорить. У меня вторая линия, - сказала она быстро и повесила трубку.

На следующий день приехал Митя. Два дня пролетели в одно мгновение. Они не вылезали из постели. Отрывались друг от друга только для того, чтобы перехватить чего-нибудь на скорую руку.

Вечером в воскресенье, перед отъездом в аэропорт Лиля поила Митю чаем с вишневым вареньем.

- Ты знаешь, прекрасная Лилия, - обратился к ней Митя. - Мне еще немного подзаработать осталось, и я с долгами разделаюсь. Потом хочу взять деньги в кредит и пойти учиться в колледж. Постараюсь пробиться через язык, а потом и специальность приобрести. Например, по компьютерному черчению. Что ты об этом думаешь, Лиль? А?

Лиля подумала, что, вряд ли, Мите с его материальным положением дадут деньги в кредит. Скорее всего, ему нужен будет гарант. Но вслух сказала:

- Отличная идея!

Он подошел к ней, обнял. Целуя, взял на руки.

- Где же наша любимая мебельная принадлежность? - шепотом, касаясь ее уха, спросил он.

- Сумасшедший! Тебе через полчаса в аэропорт!

- Полчаса - это куча времени!

До середины недели все было тихо. Звонили только Митя и Катя. Голос Кати был измученный. Развод давался ей нелегко. Она привыкла жить размеренной жизнью, о деньгах не думать. А сейчас ей казалось, что она стоит перед пропастью. Впереди - полная неизвестность.

Она сказала Лиле, что Валерий - человек совершенно непредсказуемый, в любой момент может все поменять, и что доверять ему нельзя. Поэтому она каждый день сидит, как на вулкане, вся издерганная, готовая к любым неприятностям.

В среду позвонил Валерий. Сказал пару слов по делу, а потом, вылил на нее ушат холодной воды:

- Что же ты, Лилька, с таким лопухом связалась? С размазней? Нравится с младенцами нянчиться? Может, ты ему содержание платишь? - И он бросил трубку.

Лиля была совершенно ошарашена услышанным. Сердце ее колотилось. Кровь стучала в висках. Это «ты» и жуткий тон! Откуда он все знает о Мите? Следил за ними? Но Митя живет в Бостоне! Совершенно непонятно! Лиля взяла телефон и набрала Катин номер.

- Катюша, послушай! - произнесла она, как можно ласковее. - Ты знаешь, дорогая, я не могу больше быть посредником между тобой и Валерием. Не спрашивай, почему. Я потом, после развода тебе все объясню.

- Лилька! - плачущим голосом заговорила Катя. - Не бросай меня! Я прошу тебя! Я сама не справлюсь! Уже недолго осталось. Почти все оформлено. Но вдруг он все в последний момент изменит? Что я буду делать одна?! Я знаю, что он тяжелый человек! Но потерпи, пожалуйста! А? Лиль!

- Ну, хорошо, - медленно сказала Лиля, не в силах оттолкнуть подругу. - Я постараюсь.

Какое-то время Валерий не звонил. Лиля уже почти решила, что все это приснилось ей в страшном сне. И попыталась его

забыть. И тут снова раздался звонок:

- Лилечка! Продается очень хороший дом! Почти новый! Намного лучше вашего! Местоположение превосходное! Цена смехотворная за такие хоромы! Дело случая! Но решаться нужно немедленно! Очень рекомендую! Отличное вложение денег! Ваш-то дом стоит на пыльной обочине, и даже гаража и того нет!

Лиля просто онемела. Не знала, что сказать. Какой дом? И откуда Валерий знает о ее доме? Он ведь ни разу у нее не был! Она молчала. И в трубке тоже была тишина. И, наконец, тот же голос, но совсем другим тоном проговорил ехидно:

- А у твоего сопливого хахаля, между прочим, милашка в Бостоне имеется. Помоложе тебя! Имей в виду, красотка! - и вслед за этим раздались короткие гудки.

Лиля была совершенно раздавлена услышанным. Она верила Мите, его чувствам, но помимо нее, в душу заползали мерзкие подозрения.

Митя как будто почувствовал что-то неладное. Стал звонить еще чаще. Просил, чтобы Лиля перезванивала ему домой. Рассказывал в мельчайших подробностях о том, как он проводит время. Потом позвонил и сказал, что ужасно соскучился, отменяет воскресные подработки и на выходные прилетает к Лиле.

И тут же на следующий день позвонил Валерий. Дело по разводу подходило к концу.

- Кате нужно подписать дополнительные бумаги, - сказал он и добавил, смеясь: - А у меня для вас, Лилечка, есть очень приятная новость! Моя фирма проводила конкурс на звание «Лучший друг или подруга». Для людей, которые помогли своим друзьям в трудную минуту. Я вас поздравляю! Вы получили первую премию - тысячу долларов. Так давайте пообедаем вместе, отметим это событие!

Лиля на минуту потеряла дар речи. Она уже бросала трубку на рычаг, но успела услышать злое:

- Зря ты ломаешься...

В день приезда Мити Лиля решила отдохнуть от всех пе-

редряг и поехала в парк. Он протянулся зеленой полосой вдоль протекающей через весь город небольшой речки.

Она уютно устроилась на нагретой летним солнцем деревянной скамейке. Взяла в руки захваченный из дома журнал в яркой обложке. На ней поблескивал фотопортрет известного поэта.

Лиля задумчиво разглядывала его лицо. Оно выглядело усталым, утомленным. Глубокие морщины избороздили лоб и щеки. Казалось, за его спиной тяжелая жизнь рабочего или шахтера. «Почему у него такой измученный вид? - подумала Лиля. - Ведь большую часть своей жизни он прожил здесь, в Америке!». Ей показалось, что в его глазах она уловила отблеск былой упрямой нетерпимости. А может быть, это был мягкий свет приходящего с годами понимания?

Она полистала журнал, чтобы найти стихи и вчитаться в знакомые ритмы. Но передумала. «Потом», - решила она. Лиля положила журнал рядом с собой на скамейку. Солнечные блики забегали по лицу поэта, по плотно сжатым губам, искривленным скорее грустной, чем веселой улыбкой.

Лиля оторвала взгляд от обложки. Скамейка, на которой она сидела, стояла на высоком берегу быстрой, но бесшумной речки. Вода спешила куда-то, плавно струясь по перекатам, мимоходом ласкала и тянула за собой то, что принадлежало ей по праву. Лежащие на дне округлые светлые камни. Покрытые тиной стволы упавших в реку деревьев. Тонкие гибкие ветви, неосторожно опущенные в воду прибрежными кустами.

Немного впереди по течению река расширялась, образуя тихую заводь и, казалось, цепенела в усталой дреме. Заводь обрамляла узкая полоска мелкого речного песка.

Небольшая рыжая собачонка радостно носилась по мягкому песку. Иногда она останавливалась у самой воды, приподнималась на задних лапах и с размаху бухалась передними в воду. Брызги летели во все стороны. Собачка притворно пугалась, шарахалась в сторону и снова принималась носиться по песчаной полоске. Уши ее разлетались, а лапы заносило при поворотах.

Хозяин собачки - молодой мужчина лет тридцати подошел поближе к скамейке, где сидела Лиля, и проговорил, улыбаясь:

- She likes water! - «Она любит воду!»

Он обращался к Лиле, но не сводил восторженного взгляда со своей хвостатой питомицы.

- Nice doggy! - «Милая собачка!» - похвалила собачку Лиля.

- What's her name? - «Как ее зовут?»

- April, - «Эйприл», - ответил хозяин. - She was born in April,

- «Она родилась в апреле» - пояснил он.

Собачка подбежала к хозяину и уселась возле его ног. Ее пушистый хвостик непрерывно двигался. Она часто поднимала голову и преданно посматривала на хозяина из-под курчавой короткой челки. Круглые карие глаза ее были смышленные и ласковые.

Они стояли внизу, на песчаной полосе. Лиля вытянула шею и рассматривала веселую собачку

- She is very friendly! - «Она очень дружелюбная!» - сказал мужчина и, кажется, в первый раз бросил короткий взгляд на Лилю.

Ошеломленный, он сделал неловкий шаг в сторону и едва не наступил на Эйприл. Собачка тихо взвизгнула, но с места не сдвинулась.

- I'm sorry, darling! - «Прости, дорогая!» - смущенно пробормотал мужчина, обращаясь к собачке. Он нагнулся и виновато погладил ее по мягкой спинке.

Потом распрямился и как-то осторожно, искоса взглянул снова на Лилю. Красота сидящей на скамейке женщины поразила его.

Фиалкового цвета глаза ее были огромны и темны. Они, то сощуривались по-кошачьи томно, то распахивались широко и удивленно. Четкие дуги бровей почти сходились на переносице. Овал лица был нежный, слегка заостренный к подбородку. Кожа - такая белая, что, казалось, излучала мягкий свет. Каштановые волосы темными кольцами спускались на плечи.

В том, как она сидела, подперев щеку кулачком, в манере говорить - тихо, без напора, проглядывала мягкая женственность. В голосе слышались детские интонации, придававшие женщине щемящую незащищенность. Только возраст оставался полной загадкой. Ей могло быть и двадцать пять, и тридцать, и тридцать пять.

Лиля ответила на восхищенный взгляд мужчины понимающей улыбкой. Она привыкла к подобной реакции и воспринимала ее спокойно.

- She is very friendly! - «Она очень дружелюбная!» - вернувшись к разговору о собачке, проговорил мужчина.

Лиля, улыбаясь, молча кивнула головой.

Эйприл, слегка подпрыгнув, встала на задние лапы. Передними она уперлась в колени хозяина. Подняла голову и посмотрела на него так, как будто хотела что-то сказать. Потом отбежала на несколько шагов и застыла на месте, выжидательно поглядывая на хозяина.

- She wanna go! Probably, she is jealous! - «Она хочет уйти! По всей видимости, она ревнует!» - рассмеявшись, сказала Лиля.

- Sure, she is! No doubt about it! - «Это безусловно правда! Никаких сомнений!» - согласился мужчина, с сожалением оторвал взгляд от Лилиного лица и обратился к собачке. - OK! Let's go, April! - «ОК! Пойдем, Эйприл!» - он махнул Лиле рукой. - Bye! It was nice talking to you! - «Пока! Было приятно с вами поговорить!»

- Bye! - попрощалась Лиля и проводила глазами удаляющуюся пару. Маленькую рыжую собачку, бегущую вприпрыжку впереди. И ее хозяина - торопливо шагающего вслед за ней по вьющейся вдоль реки дорожке. У самого поворота мужчина оглянулся и еще раз махнул Лиле рукой.

Лиля взглянула на часы. Ей тоже было пора уходить. Свернув трубочкой журнал, она оставила позади уютную скамейку и поспешила к мосту. Она перебралась через вечно спешащую куда-то реку и свернула на дорогу, которая вела к выходу из парка.

Стоянка, где она оставила машину, находилась на противоположной стороне шумной городской улицы. Торопясь перейти дорогу, Лиля сделала шаг на проезжую часть и замерла на месте. Улица была перекрыта полицейскими машинами. «Скорая помощь», стремительно набирая скорость, удалялась в сторону городского экспрессвэя. Она непрерывно издавала пронзительные, тревожные сигналы.

Лиля повернула голову, и у нее перехватило дыхание. Со всем близко, на опушке лесопарка безжизненно лежали иско-

реженные до неузнаваемости, разбитые и продавленные остова двух легковых машин.

«Какая страшная авария! - сердце ее екнуло. - Вряд ли кто остался жив после такого столкновения!» - мелькнуло у нее в голове.

Но все-таки ей необходимо было каким-то образом добраться до своей машины. И Лиля принялась глазами искать место, где она могла бы перейти через улицу. Она топталась на дороге, нервно сжимая в руках свернутый журнал.

Внезапно в траве, у ее ног что-то блеснуло. Лиля наклонилась. Разорванная и помятая, глянцевая обложка журнала, словно стыдясь своего вида, пряталась среди спутанных зеленых стеблей. Внутренние страницы исчезли. Должно быть, пропали в обломках машин.

Лиля, сама не зная почему, подняла растерзанный кусок бумаги с земли. Это была обложка того же самого журнала, что она держала в руке. «Кто-то из наших, из «русских», разбился в катастрофе», - подумала она и положила раненую обложку в сумочку.

Вернувшись домой, Лиля прошла в гостиную и присела на кончик дивана. Она никак не могла выбросить из головы картину ужасной аварии, произошедшей у входа в парк. Наконец, она сделала над собой усилие, встряхнула головой, отбрасывая ненужные мысли, и прошла на кухню. Возможно, Митя прилетит сегодня вечером из Бостона, и она должна что-то приготовить поесть.

Холодильник был довольно пуст, но в морозилке она обнаружила куриные грудки и замороженные пироги с капустой. Она недавно купила их в «русском» магазине и, засунув в морозилку, сразу забыла о них. Лиля облегченно вздохнула. «Основа имеется, - подумала она. - А отварить рис и крошить салат - не проблема». Ехать в магазин ей не хотелось. Лиля решила, что отморозит продукты позже, когда позвонит Митя и скажет, когда он собирается прилететь. Она вернулась в гостиную. Бросила взгляд на висящий на телефонный аппарат. Телефон молчал.

Она взяла лежащую на стуле сумочку и, немного поколебав-

шись, открыла ее. Вынула мятую обложку журнала, разложила ее на столе и разгладила ладонью. Потом перевернула и сразу увидела на внутренней стороне обложки, поперек рекламы какой-то адвокатской фирмы написанный размашистым почерком номер телефона.

Лилю бросило в жар. Она хорошо помнила этот номер. Это был телефон Валерия. Она присела на кончик стула. Что же все-таки произошло? Кто был в машине? Что означает номер, написанный на обложке журнала. Вряд ли это был журнал Валерия. Зачем ему записывать свой собственный номер!

Внезапно раздался телефонный звонок. Лиля вздрогнула, посмотрела на высветившийся номер. Это был Митин телефон. Она подняла трубку.

- Я прилетел, Лилия - священный цветок! Возьму машину и примчусь! - кричал он радостно в трубку.

- Что же ты мне раньше не позвонил? Я бы заехала за тобой в аэропорт!

- Да зачем тебе по хайвеям мотаться? Лучше сообрази что-нибудь поесть! Я голодный, как волк!

Лиля, не теряя ни минуты, принялась за готовку. Разморозила в микроволновой печке куриные грудки. Поставила варить рис. Открыла банку клюквенного соуса. Митя, как и все мужчины, обожал сладкое. Над прозрачной, лиловой миской принялась разрывать на клочки листья зеленого салата.

Теперь она сосредоточила свои мысли на Мите и внезапно ей в голову пришла замечательная идея. Она должна это сделать. Деньги лежат мертвым грузом на счету. Ей они сейчас не нужны. А Митя сразу сможет пойти учиться. Время терять не следует. И так тридцать лет многовато для начала. «А что, если у него, действительно, кто-то есть?» - кольнуло ее. Нет. Этого не может быть. Он не похож на наглого вруна. Цинизма в нем нет ни капли. Она сделает это. Для него. Для Мити. Сам он не пробьется. Как только заставить его взять эти деньги?

Скоро раздался нетерпеливый звонок в дверь. Лиля с ложкой в руках пошла открывать. Митя ввалился. Бросил на пол дорожную сумку. Обнял Лилю, прижал к себе. Потом отстранил и, внимательно вглядываясь в ее лицо, спросил:

- Лиля, скажи мне, что стряслось?

- Ничего, ровным счетом ничего! - ответила она, отведя в глаза в сторону.

- Бостонский детектор лжи обмануть нельзя! Ты просто не хочешь мне говорить, да?

- Да.

- А я знаю. Ты думаешь, что у меня кто-то есть в Бостоне! Правда?

Лилия молчала, нисколько не удивляясь пронизательности Мити.

- Послушай, Лилия, а что ты думаешь о том, чтобы мы с тобой завтра обручились? Мы будем принадлежать друг другу. И ты будешь спокойна.

Лилия совершенно не ожидала такого поворота и изумленно уставилась на него. А Митя продолжал:

- Будешь прилетать ко мне в Бостон. Я уверен, ты его полюбишь. Океан, набережная, музеи. Он такой красивый! Никакая женщина перед ним не устоит! И работу достойную ты обязательно в Бостоне найдешь! Я уверен!

Последние слова о Бостоне Лилия не слышала. Она думала о своем.

- А ты знаешь, Митя, это ведь первое предложение, которое я получила за свою жизнь! - призналась она

- Они просто все боялись, а я нет! - рассмеялся Митя. - Но ты, Лилия не отлынивай от ответа! - он тревожно заглянул ей в глаза.

- Я не отлыниваю, - сказала она. - Я согласна.

Митя взял ее лицо в свои ладони и заглянул в фиалковые глаза. Они были темны и серьезны.

Лилия в душе была несколько удивлена своему такому внезапному решению. Возраст, неравенство в материальном положении, необходимость переезда в Бостон - все вдруг отошло на задний план. Выглядело ничтожным, мизерным.

А главными стали мало что значащие в реальной американской жизни понятия - внимание, душевная чуткость, желание помочь, уберечь от жизненных невзгод. Может быть, звонки Валерия подтолкнули ее на этот шаг? Кто знает? Или просто она

поняла, что для нее важно, а что - нет. Для нее самой, для Лили. И это не деньги, а - счастье. И это совершенно разные вещи.

За чаем, уплетая пироги с капустой, Митя постоянно смеялся по всякому пустяшному поводу, посматривал на Лилию счастливыми глазами.

- Между прочим, Митя, я хотела обсудить с тобой одну вещь, - Лиля старалась говорить спокойно, даже небрежно. Но она понятия не имела, правильно она делает или нет. - Ты понимаешь, Митя, у меня есть деньги, которые в данный момент мне не нужны. А тебе бы они оченьгодились. Ты мог бы, не откладывая, взяться за учебу. Дело в том, - Лиля старалась выговорить все побыстрее, - что тебе могут не дать кредит. У тебя доход недостаточный и кредитная история... хромает. Ты только не обижайся, Митя. Но это так. Ты не думай... Я и без обручения хотела, - Лиля подняла глаза и взглянула на Митю.

Он был бледный, лицо его вытянулось. Он смял салфетку, выскочил из-за стола и почти бегом скрылся в спальне.

Лиля сидела, низко опустив голову. Потом медленно поднялась и прошла в спальню. Митя стоял лицом к окну. Спина его ссутулилась. Из-под рубашки остро торчали лопатки. Услышав шаги Лили, он обернулся:

- Ты, что же хочешь, чтобы я совсем перестал себя уважать! И так мои успехи здесь ни к черту! Но все-таки я работаю. Мне зарплату недавно повысили. Еще подработку найду. Наскребу на учебу. Ты не волнуйся, Лиля! - он с видимым усилием взял себя в руки. - Я знаю, что ты от чистого сердца. Но для меня это унижительно, пойми!

Лиля молчала, не зная, что сказать. Наконец, лицо ее прояснилось.

- Ты знаешь, Митя, что я придумала? А давай мы эти деньги, как кредит оформим. А? Под самые высокие проценты! Ты же не будешь обижаться на банк? Правда?

Митя слегка улыбнулся.

- Ну, ладно, хватит о деньгах! - продолжала Лиля. - Хотя жить в Америке и не принимать их в расчет невозможно, ты же знаешь!

- Особенно, когда за твою никчемность приходится распла-

чиваться другим! - усмехнулся Митя.

Лиля ничего не сказала. Просто подошла и обняла его.

На следующий день Митя настоял, чтобы они поехали в ювелирный магазин посмотреть обручальные кольца. Он хотел знать, какой формы камни Лиле нравятся. Чтобы не попасть впросак и не купить то, что не в ее вкусе. По дороге они заехали в русский магазин. Накупили всякой еды, включая пироги с капустой, которые так понравились Мите. Лиля набрала русских газет, лежащих ровными стопками на подоконнике у выхода. Купила в киоске свой любимый журнал в яркой обложке.

Они сели в машину. Митя вел, поэтому руки и голова у Лили были свободны. Она открыла первую попавшуюся газету и вскрикнула: на первой странице в траурной рамке она увидела фотографию Валерия. Внизу, под ней крупными черными буквами было напечатано: «Такого - то числа в автомобильной катастрофе погиб известный бизнесмен, владелец фирмы... Валерий... Друзья выражают глубокие соболезнования...»

- Что случилось, Лиля? Что стряслось? - взволнованно спрашивал ее Митя.

- Моей... лучшей... подруги... бывший муж,... Валерий,... погиб в аварии, - говорила Лиля, лихорадочно перелистывая газету в поисках подробностей.

Наконец, она нашла маленькую заметку. Да это была та самая катастрофа на улице у парка. В машине у Валерия была пассажирка... Журналистка из Бостона... Корреспондентка журнала... В бессознательном состоянии доставлена в госпиталь... «Так вот чей журнал с номером телефона», - подумала Лиля и закрыла газету.

Она не произносила ни слова. Но мысли бешено крутились в ее голове.

- Митя, - спросила она тихо. - Ты ведь, кажется, подрабатывал в типографии в Бостоне?

- Да, - ответил он. - А в чем дело?

- Тебе знакомо имя...?

- Да. А что?

- У тебя с ней что-нибудь было? Или есть?

- Ничего у меня с ней не было!!! Скажи, наконец, в чем дело?

- Она была пассажиркой в машине, которую вел Валерий... Сейчас она в тяжелом состоянии в госпитале.

- Что ты говоришь?! Какая беда! - воскликнул Митя, свернул машину на ближайшую парковку и остановился. - Она была невестой моего лучшего друга, Бориса, - заговорил он медленно. - Перед самой свадьбой у них все разладилось. Я даже не знаю точно, почему. Кажется, ей кто-то сказал, что Борька ей изменяет. Но все это сплетни, конечно. Борька не такой мужик... Да и любил он ее сильно... Но она его просто возненавидела после этого... Не поверила... - Митя сокрушенно покачал головой. - Надо же, какое несчастье!

Лиля молча слушала. Круговерть совпадений, в которую она попала, казалась ей странной. Ей представлялось, что «русских» в Америке очень много. А может быть, на самом-то деле их очень мало. И вероятность подобных случайностей отнюдь не ничтожна?

Вся следующая неделя была абсолютно сумасшедшей. Катя билась в истерике. Лиле пришлось забрать Мишу к себе. Как всегда «очень во время» заболела няня, и Лиля взяла несколько больничных дней, чтобы сидеть с мальчиком. Потом похороны. Потом поминки. Наконец, все утихло, и наступила необычная тишина. Мишу увезли домой, к маме. В доме у Лили вдруг стало пусто и безжизненно.

Одно спасало Лилю от неведомого доселе одиночества. Митя обещал опять приехать на выходные. Счастье одних в этой жизни, как всегда, переплелось с несчастьем других.

Митя примчался веселый, возбужденный. Правда, он старался сдерживать себя, понимая, что Лиля переживает за подругу. Валерий, хотя и бывший Катин муж, но Мишеньке он отцом останется навсегда.

Однако, хранить от Лили секреты Митя был не в состоянии. И едва войдя в дом, радостно сообщил, что уже купил для Лили обручальное кольцо. «Вот с таким бриллиантом!» - и он соединил указательный и большой пальцы. Получился

кружок довольно внушительного размера. Лиля недоверчиво покачала головой. «Ну, не совсем, конечно, такой, - признался Митя. - Но здорово похож!» Лиля в свою очередь откровенно рассказала Мите, что в последнее время чувствует себя как-то потеряно, сиротливо.

В субботу, в полдень Лиля все еще нежилась в постели. Вставать не хотелось. Митя на кухне гремел сковородками, чашками, ложками. Вскоре он появился, сияющий:

- Вставай, вставай! Полюбуйся чудесами моего поваренного искусства! Английский завтрак! Как в лучших домах Лондона! Яичница с беконом! Поджаренный хлеб с джемом! Кофе или чай - на выбор!

Сидя за столиком на кухне, они улыбались друг другу.

- У меня грандиозная идея! - Митя заговорщицки подмигнул Лиле. - Ты кого больше любишь кошек или собак?

- Собак, - ответила Лиля, еще не понимая, к чему он клонит. - Собаки - верные, кошки - нет.

- А давай приобретем подходящее домашнее животное! Пусть сначала оно будет твое, а потом - наше. Живое существо будет нашим первым совместным приобретением! Что скажешь? А, Лиль? - Митя вопросительно взглянул на нее.

- Честно говоря, у меня была когда-то такая мысль. - Лиля усмехнулась. - Но я ее отвергла, как неприемлемую для себя. Пока.

- Это почему? - удивился Митя.

- По кочану! - рассмеялась Лиля. - Дама моих лет и собачка - слишком грустная пара.

- Глупая ты! - Митя встал из-за стола, подошел к Лиле и взлохматил копну ее волнистых волос. - И как только такая чепуха могла прийти тебе в голову? Ну, поехали, если не возражаешь! Кажется, приюты для животных работают по субботам. Сделаем доброе дело. Усыновим какую-нибудь сироту.

Приют для животных находился совсем недалеко от Лилиного дома. Они долго ходили вдоль клеток с собаками, заглядывая в грустные глаза одиноких бедолаг.

Лиля волновалась, сама не зная почему. Митя, как всегда, почувствовал это и взял ее за руку. В самой последней клетке, свернувшись клубочком, спала небольшая рыжая собачонка.

Лиля подошла вплотную к клетке, потянув за собой Митю.

Собачка внезапно проснулась, подняла голову и печально посмотрела на Лилю круглыми, коричневыми, смышленными глазами.

- Эйприл! - воскликнула Лиля. - Собачка вскочила и радостно завиляла пушистым хвостиком. Лиля прижалась к металлической решетке, и все повторяла и повторяла ласково: - Эйприл! Эйприл!

- Лиля! Ты что, ее знаешь?! - удивился Митя.

- Можно сказать - да! - сказала Лиля. - Давай ее возьмем, Митенька! Пожалуйста! Очень тебя прошу!

- Лиль, ну ты что? Конечно! Считаю, что она уже наша!

Заметив их интерес к рыжей собачке, к ним подошла служащая и сказала:

- She is very friendly! She needs a loving home. She misses her master very much! - «Она очень дружелюбная. Ей нужны теплота и забота. Она сильно тоскует о своем хозяине!»

- А что случилось с хозяином? - спросил Митя.

- Did you hear about tragic car accident by the park? He was killed in that accident, but this little dog miraculously stayed alive. - «Вы слышали о ужасной автомобильной аварии возле парка? Он погиб в этой аварии, а собачка чудом осталась жива» - ответила служащая...

ВСТРЕЧА

Самолет делал широкие круги и, казалось, медленно снижался над Шереметьевым. Вера обычно плохо переносила посадку - закладывало уши и тянуло под ложечкой - и поэтому никогда не смотрела вниз на стремительно приближающуюся посадочную полосу. Но сейчас она не могла оторвать взгляд от иллюминатора.

Была середина апреля, и городок под Вашингтоном, из которого она прилетела, был окутан нежной зеленью. Цветы азалии на солнечных местах уже начали раскрывать свои бутоны, готовясь украсить город тропическим буйством - почти

неестественно-яркими красками - сиреневыми, розовыми, малиновыми, белыми, красными и множеством других цветов и оттенков, которым даже и названия придумать трудно. Дома, опоясанные кустами азалии, как будто хвастались друг перед другом своими нарядами, и на каждом повороте дороги нужно было крепко держаться за руль, чтобы не выпустить его, поразившись какой-нибудь почти «гогеновской» палитрой.

В Вашингтоне наступила пора цветения японской вишни, и город покрыла белая воздушная пелена нежных лепестков, и даже стволы и ветки деревьев стали невидимыми под кружевными шапками цветов. И тысячи людей приезжали любоваться этим чудом.

А здесь через стекло иллюминатора не было видно ни единого зеленого листочка. Черная, хмурая земля, еще твердая, промерзшая, местами была покрыта черно-белым снегом, ожидающим своего неминуемого весеннего конца, и потому тоже угрюмого. Мелькали какие-то домишки, развалившиеся сараи. У Веры комок подступил к горлу. «А все равно прекрасная! Вот что значит родная земля!» - думала она.

Выйдя из самолета, Вера закружилась в суете таможни. Кое-как, торопясь, заполнила декларацию. Протянула ее служащей и приготовилась ждать, когда та начнет проверять багаж, но служащая устало махнула рукой - дескать, проходи! Вера, не понимая, продолжала топтаться у стойки.

- Проходите, гражданочка! - недовольно и громко проговорила служащая.

Услышав такое знакомое обращение, Вера подхватила вещи и вышла в зал ожидания. Она глазами искала родных. Шесть лет прошло с того дня, когда она в последний раз видела свою сестру Люду.

Вдруг сбоку кто-то бросился к Вере и стал обнимать и целовать ее.

- Вера! Верочка! Здравствуй! Наконец-то!

Это была Люда. Вера отстранилась и долго смотрела на сестру, разглядывая ее похудевшее лицо и морщинки, появившиеся в уголках глаз. Но рот ее улыбался радостно всеми тридцатью тремя белоснежными зубами, а глаза счастливо сияли.

И тут же, из-за чьих-то чужих спин возникла огромная фигура Андрея - мужа Люды. Он выхватил Веру из рук сестры, поднял над полом и стал трясти так, что у нее зубы застучали друг о друга.

- Верка! Американка наша приехала! - вопил он.

Люда останавливала его:

- Тише ты, Андрей! Ты же из нее всю душу вытрясешь! Человек только что перелетел через океан, устал! Отпусти ее!

Андрей бережно поставил Веру обратно на пол и подхватил огромными ручищами все ее вещи и даже ручную сумку - загнув ее подмышку.

- А то ты в растрепанных чувствах растеряешь все! - объяснил он.

В обнимку с сестрой Вера покинула здание аэровокзала и подошла к машине, крошечной, похожей на маленькую, зеленую божью коровку.

- Пожалуйте в наш «Мерседес»! - сказал Андрей, галантно распахнув перед Верой дверцу зеленого жучка.

Они ехали по Ленинградскому шоссе и Люда, не переставая, расспрашивала Веру о жизни в Америке, о муже и сыне. Вера говорила ей что-то в ответ, особо не вдумываясь в свои слова. Все мысли ее были не там, а здесь. Она посматривала на сестру, как бы заново узнавая ее, и почти также часто - в окно. За машинным стеклом мелькало еще не обустроенное шоссе, мусор на дороге и по обочинам. Невдалеке сиротливо стояла заброшенная стройка.

От щемящей любви к этому городу, который в душе она не покидала никогда, у нее снова сжало горло. Но видя, как грязные машины ловко и весело, не обращая ни на что внимание, бегут по шоссе, обгоняют друг друга, виляя немывтыми задками, протискиваются в свободное пространство, почти толкают друг друга - совсем, как люди, спешащие утром в метро, Вера успокоилась. Она начала постепенно вспоминать свою прежнюю жизнь здесь и привыкать к этой новой, изменившейся жизни, но все такой же суетной и неустроенной.

На следующий день Люда с мужем отправились по магазинам пополнять изрядно оскудевшие после вчерашнего застолья запасы продовольствия.

Вера осталась дома с племянником Максимкой. Она с интересом наблюдала, как Максимка увлеченно играл на полу с привезенным ему в подарок солдатом-роботом. Внушительных размеров робот со страшным грохотом и скрежетом шагал по комнате, высоко поднимая металлические колени, стрелял из автомата, рубил клинком, врезанным в рукав блестящего скафандра. Кроме того, грубым голосом хрипло выкрикивал на английском языке: «Руки вверх! Бросай оружие! Сейчас стрелять буду!» - при этом у него на лбу угрожающе вспыхивали разноцветные лампочки. В общем, вел себя довольно бесцеремонно, как и полагается, наверное, солдату могучей «сверхдержавы».

Вера достала из сумки подготовленную до отъезда записку - расписание всего, что ей предстояло сделать, с кем встретиться, кому позвонить. Под номером один было начертано жирными буквами и даже подчеркнуто красным карандашом: «Кладбища». И перечислены - целых пять!

«Да! «Любовь к родительским гробам» нас до добра не доведет! - подумала Вера. - За десять дней - пять кладбищ! Многовато! - она вздохнула. - Ну, что поделаешь - святое дело!»

Жизнь Веры будто вернулась в свое прежнее русло, какой она была шесть лет тому назад. Вера прыгала из троллейбуса - в метро, из метро - в автобус. Проталкивалась через толпу, задевала кого-то локтем, плечом и при этом не извинялась, как это принято в Америке, а в спешке продолжала свой путь. Передавая водителю деньги за билеты, потом обратно - билеты, соприкасалась с чьими-то руками. Ей хватило и дня, чтобы снова привыкнуть к живым людям вокруг, к их нечаянным прикосновениям.

Она с тайной радостью ловила взгляды, скрытые в Америке за стеклами машин. Взгляды любопытные, равнодушные,

усталые, раздраженные, задумчивые. Некоторые недовольно поглядывали на нее, дескать, что это она пялится на них. Вера в смущении отводила глаза. Но невольно она любовалась людьми. Как много красивых, одухотворенных лиц! Пусть даже утомленных, погруженных в свои заботы, но все равно - таких близких! Только сейчас Вера поняла, как она соскучилась по ним! По Москве - конечно! Но больше всего - по лицам людей - молодых и старых, простых и интеллигентных, детей и подростков.

Ее дни были заполнены до предела встречами - с родными, сослуживцами, школьными и институтскими друзьями.

Постепенно список необходимых дел укорачивался, и вот уже осталось два дня и одна строчка в записке - Елена Ивановна. Знакомая старушка - Фаина Марковна, попросила Веру передать в Москве письмо своей близкой подруге, Елене Ивановне. Вера позвонила ей и хотела договориться о встрече - где-нибудь на станции метро. Но Елена Ивановна оказалась нездорова и попросила Веру привезти письмо к ней домой. Она жила далеко - на противоположном конце Москвы - на Рязанском проспекте, и Вера было подумала оставить письмо сестре, чтобы та передала его позже, после ее отъезда в Америку. Но Елена Ивановна сказала, что очень хотела бы встретиться с Верой и порасспросить ее о Фаине Марковне. Вера пожалела старушку и, отложив намеченный поход за сувенирами, согласилась приехать.

Путь был далекий, со множеством пересадок, и она решила для экономии времени подхватить какую-нибудь частную машину. Положив в сумку приятно похрустывающий толстый конверт, Вера вышла к остановке автобуса и подняла руку. К ней тут же подъехала машина неизвестной марки и из-за толстого слоя грязи, покрывавшей ее от колес до крыши - непонятно какого цвета. Открылась дверца. Седовласый мужчина, взглянув на нее поверх очков, спросил:

- Вам куда?

- Рязанский проспект, - ответила Вера.

- Садитесь, - пригласил водитель.
- Сколько? - спросили Вера.
- Сто рублей, - ответил он.
- Сто долларов? – машинально переспросила Вера.
- Нет, мадам! Не сто долларов. Всего лишь сто рублей, - улыбаясь, сказал седовласый.
- Ой! Что это я говорю! - смутилась Вера. - Конечно - рублей! Я оговорилась! У всех сейчас доллары на уме! - сказала она, усаживаясь на место рядом с водителем.

Вера почему-то испугалась, что он догадается, откуда она приехала, и продолжала объяснять свою оговорку, кляня себя в душе за глупость.

Мужчина молчал, и улыбаясь, ждал, когда она успокоится. Наконец, Вера выдохлась и сосредоточилась на дороге. И тут одно беспокойство сразу же сменилось другим. У Веры появилось реальное чувство, что машина, в которой она едет, сейчас развалится на мелкие кусочки!

Привыкшая к бесшумному ходу своей «Тойоты», она со страхом прислушивалась к заунывному гулу мотора, подозрительному зловещему скрежетанию, и даже побулькиванию. Ей казалось, что все части машины собраны с какими-то зазорами, и при движении они лихо трутся друг о друга, издавая самые немислимые звуки. Вера в панике ухватилась руками за сиденье, как бы стараясь удержать машину от неминуемого распада на отдельные составляющие.

Но водитель беззаботно насвистывал веселую мелодию. Машина бесстрашно подпрыгивала на колдобинах и даже умудрялась обгонять каких-то, наверное, еще больших калек, тащившихся по шоссе. И все эти замызганные средства передвижения катились по дороге в странной гармонии, каждую минуту на грани аварии, наскакивая друг на друга, по-хулигански подрезая перед самым носом и неожиданно тормозя или прибавляя ход.

Мужчина за рулем заметил ее волнение, и с удивлением покосившись на Веру, завел разговор о погоде, что, дескать, только что был собачий холод, а теперь вот почти жара, даже без куртки ходить можно.

Вера разлепила пересохшие губы и постаралась кое-как поддержать разговор, не отрывая тревожных глаз от дороги и отмечая про себя, что, хотя в самой Москве снега уже нет, но листва все еще не распустилась, и только на пригретых солнцем бугорках у торчащих колючими венниками кустов уже набухли весенние почки.

Вера стеснялась расспрашивать мужчину и боялась показать свою неосведомленность о московской жизни, поэтому продолжила неистощимый разговор о погоде, стараясь избегать других тем.

Не торопясь, они доехали до нужной улицы. Седовласый повернулся к Вере и, улыбаясь, смотрел, как она отсчитывает деньги. Протянув купюры, Вера сказала:

- Вот сто рублей. Спасибо. До свидания.

Мужчина взял деньги и, задумчиво пошлепывая деньгами о колено, спросил:

- Вера, а ты давно в Америке живешь?

Вера, собравшаяся было выйти из машины, плюхнулась обратно на сиденье, и открыв рот от изумления, уставилась на водителя.

- А я тебя почти сразу узнал, - продолжал седовласый, - Особенно, когда ты струхнула, разволновалась и губу прикусила. Я тогда подумал: «Это точно Верочка Ильина!». Ну, что ты меня все еще не узнаешь? - рассмеялся он, разглядывая Верину растерянную физиономию, - Здорово же меня жизнь, видно, разукрасила!

Вера вглядывалась в его лицо и, постепенно, будто невидимым ластиком стиралось все привнесенное временем - седые волосы потемнели, глубокие продольные морщины на щеках превратились в задорные ямочки, вишневые круглые глаза заискрились.

- Мишка! Соснов! - радостно вскрикнула она. - Это ты! Вот так встреча!

- Я! Я! Ну, здравствуй, одноклассница!

Он схватил ее руки и крепко сжал в своих ладонях. Вера, смеясь, высвободилась:

- Ну и силища у тебя! - сказала она, встряхивая кисти рук.

- Ой, извини, не рассчитал! Это я от избытка чувств! - А ты совсем не изменилась! - говорил он, слегка отделившись и склонив голову на бок. Все такая же симпатяга!

- Ну, конечно! - с сомнением протянула Вера, покачав головой. - Да и как же я могла измениться? Ведь всего каких-то двадцать лет прошло с нашей последней встречи. Шутник ты, Мишка!

- А ты все такая же - «фома неверующий»! - вздохнул он.

Посерьезнел и спросил, внимательно посмотрев на Веру:

- Так когда же ты, пташка, через океан перелетела? И какими ветрами тебя занесло так далеко?

- Да уже больше шести лет. Муж попался выездной. И главное, как это не звучит фатально - волею судеб.

- Ну и как, нравится..., - начал было Миша.

- Только прошу, не спрашивай, нравится ли мне Америка! - прервала его Вера.

- А я как раз собрался... - признался Миша.

- Америка - не девушка. Страна неограниченных возможностей. Слышал о такой?

- Краем уха. Ну и как там с этими самыми возможностями?

- Используем по мере сил. Вот только нужна молодость и азарт. Сын один из лучших университетов закончил. Работает. Дальше учиться собирается. Ну а мы - его успехам радуемся. И сами стараемся Америку, которая нас приняла, не подводить и Россию не забывать. Ты лучше расскажи, как ты эту битву за демократию пережил? - спросила Вера.

- Без шрамов не обошлось, - отвечал Миша. - Работал инженером на заводе. Хороший завод был, нужную продукцию выпускал. Тут грянула гласность, а там - и перестройка с демократией. Все вдруг стали суверенными. Расселись по своим горшкам. И у нас поставщики в одном государстве оказались, а потребители - в другом. Связи порвались. Завод развалился. Теперь рынок на месте завода. Вот тогда меня инфарктом и тряхнуло. Ну, ничего, выкарабкался. Собрались мы небольшой группой - инженеры, конструкторы, рабочие. Что-то вроде кооператива. Стали работать и постепенно на ноги встали. Трудно было, конечно. Не привыкли мы к рыночной системе,

которая с советским воровством скрестилась. Но делать нечего. Осваиваемся потихоньку.

- А как дети? - спросила Вера.

- Дети нормально. Правильную дорогу выбрали - по финансовой части пошли - в банках работают. Зарабатывают хорошо. Не жалуются. Семьями обзавелись. Совсем самостоятельные стали. А ты помнишь, Вер? - Миша улыбнулся и таким знакомым жестом провел рукой по седой шевелюре. - Как я тебе записочки на уроках подбрасывал? Ух, меня тогда Александра Ивановна песочила! К директору школы водила! Родителей вызывала! Дескать, не имеешь право влюбляться, пока аттестат зрелости не получил!

- Да, нравы были строгие! - Вера вздохнула. - Как давно все это было! В прошлом веке!

- Эй! А ведь действительно - в прошлом! А помнишь, мы в поход ходили? И к вам в палатку ночью мышь забежала? Ты выскочила вон и всю ночь на пеньке просидела, а я вокруг пня ходил, как стражник, чтобы ни одна мышь, ни какая другая зверюга к тебе не подкралась.

- Вот это точно с прошлого века совершенно не изменилось! - сказала Вера. - Я бы и сейчас, увидев мышь, на пень забралась!

Они рассмеялись.

- А ты что, здесь на Рязанском проспекте остановилась? - спросил Миша.

- Да нет. Понимаешь, одна старушка другой через океан руку помощи протянула. Вот я эту помощь и доставляю.

- Молодец твоя старушка! - заочно похвалил Миша Фаину Марковну. - Тоже, наверное, пенсионерка - не лишние отдает. Они замолчали.

- Хорошо бы встретиться где-нибудь в подходящей обстановке - не на колесах, поговорить, - сказал Миша, вопросительно взглянув на Веру.

- Ты знаешь, Миша, я ведь послезавтра улетаю. С родными надо попрощаться, с сестрой.

- Все ясно. Я понял. Жаль, конечно!

И вдруг он оживился:

- Вера, ведь в будущем году будет круглый юбилей наше-

го выпуска! Помнишь? Может быть, приедешь? Опять соберемся в хорошем ресторане, как в прошлый раз. Двадцать лет тому назад. А? Приедешь?

- Я постараюсь, Миша. Здесь обещать легко! А перелетишь через океан, так оттуда выполнять обещанное будет намного труднее! Я знаю! Но я очень хочу приехать!

Вера достала из сумочки маленькую карточку.

- Вот мой адрес и телефон.

Миша вырвал из блокнота листок, написал на нем и отдал Вере.

- Пора прощаться, Миша! - сказала Вера.

Он повернулся к ней, обнял обеими руками и дружески похлопал по спине.

- Э-эх! В машине и обнимаешься как-то криво, наискосок! - посетовал он.

Вера потрепала его шевелюру, и открыв дверцу, вышла из машины.

- Ну, бывай! Не забывай! - крикнул ей вслед Миша.

Он газанул, и машина, громыхая, как консервная банка, лихо встроилась в движение. А Вера еще долго стояла на тротуаре и смотрела, как Миша издалека прощально подмигивает ей фарами.

Прошло больше полугода после возвращения Веры в Америку. Наступил Новый год, а за ним - и Старый. На Старый Новый год Вера всегда доставала потрепанную записную книжку и обзванивала своих друзей, большинство которых были там - в Москве.

Первой она позвонила своей школьной подруге Наташе. Та сообщила, что в канун Нового года опять стала бабушкой.

- Поздравляю, Наташа! Ты ведь уже трижды бабушка! Можно сказать, бабушка-героиня нашего класса!

- Спасибо, Вера! - ответила Наташа совсем близко, как будто за стеной. И, помедлив, неожиданно серьезным голосом добавила: - Ты знаешь, Вера, что случилось?

- Нет, а что? Говори, не тяни!

- У Миши Соснова второй инфаркт случился неделю назад. В тяжелом состоянии в реанимации лежит.

В трубке наступила тишина.

- Вера, ты слышишь меня? - кричала Наташа. - Алло, алло! Вера, Верочка! Скажи что-нибудь!

ВОЗРАСТ ОСЕНИ

Нет времени года в Америке прекраснее, чем осень. Особенно на севере восточного побережья, вблизи Новой Англии.

Нет в ней ничего грустного, унылого - ни нудных дождей, ни холодных ветров. Только синее небо над головой, слепящее белое солнце и земля, в таких нежных, бархатистых красках, какими и яркую весну затмить нетрудно.

Кажется, деревья с радостью расстались с надоевшими за длинное лето одинаковыми зелеными одеждами. И каждое дерево набросило на себя неповторимый, броский убор, чтобы затмить всех на прощальном осеннем балу.

Павел Ильич припарковал машину в дальнем углу пустой и огромной, как футбольное поле, стоянки. Было воскресенье, и приземистые, красно-кирпичные корпуса колледжа, протянувшиеся вдоль обширного лесопарка, казались необитаемыми.

Но выйдя из машины, Павел Ильич направился не к колледжу. Он свернул с широкой асфальтовой дороги на узкую, посыпанную щебнем тропинку.

Извилистая тропинка вела к зданию, проглядывающему за пестрой, желто-коричневой листвой высоких, раскидистых деревьев. Их мощные стволы покрыты старческими наростами и утолщениями, а искривленные ветви низко склонились к темному, мрачному строению.

Старинная усадьба, с толстыми каменными стенами и возвышающимися по бокам круглыми башнями, напоминала крепость. Серо-черные, неровно обтесанные куски горной

породы, из которых она была выстроена, придавали зданию угрюмый вид.

Павел Ильич обогнул усадьбу и вышел в сад, широкими террасами спускающийся к густому лесному массиву. В мгновение ока все преобразилось, и печальный мрак остался за его спиной. Осень легкой походкой прошла по саду и зажгла всюду свои мерцающие костры. Цветы увяли, но деревья, словно, расцвели. И снова наступило лето. Нежаркое лето листвы.

Живые, чистые краски осенних листьев - багряных, розовых, малиновых, темно-фиолетовых смешивались с неярким золотом и темной бронзой. И на фоне вечной зелени сосен и елей они казались еще милее, еще наряднее.

Веселили глаз. А душу наполняли непоколебимой уверенностью, что эта красота никуда не исчезнет, не сгинет под потоками проливных дождей и резкими порывами ледяных ветров. Останется навсегда. И согретое обманной надеждой сердце не желало даже думать о скорой зиме.

Павел Ильич стоял на верхней террасе и смотрел вниз на разлинованный ровными, светлыми дорожками сад. Он не раз приезжал сюда с женой, Нелей. Это было живописное, и в то же время укромное место на границе леса и загородного колледжа.

Но сейчас, посреди многоцветной осенней красоты, он чувствовал себя одиноким, никому не нужным и нелюбимым.

Два месяца назад, жена Павла Ильича, Неля, уехала в Питер. У нее тяжело заболела сестра. Узнав о случившемся, Неля лихорадочно принялась собираться в дорогу. Накупила целый мешок высококачественных витаминов, пищевых добавок, лекарственных трав.

- Там я нужна, а здесь - нет, - говорила она мужу. - А если будет острая необходимость, Лена за тобой присмотрит.

Дочь, Лена, жила в соседнем штате, довольно близко, не более часа езды на машине.

- В Америке мужик один не пропадет, - продолжала Неля, раскладывая пузырьки по картонным коробочкам. - Любой

супермаркет самую хорошую жену заменит. И стиральная машина все отмоеет, отчистит - без проблем. Да и в доме убраться за небольшие деньги всегда кто-нибудь найдется. Так что не горюй, Ильич! Пережил разруху там, переживешь и изобилие здесь! - и она рассмеялась громко, но взгляд, который она исподлобья бросила на мужа, был недобрый.

Павел Ильич старался пропускать мимо ушей колкости, которые постоянно сыпались на его голову в последнее время. Год назад Неля потеряла работу. И никаких перспектив найти новую у нее не было. Немало молодых специалистов, только что закончивших колледжи, были без работы. И Неле конкурировать с ними было трудно, почти невозможно.

- В пятьдесят лет в Америке ты - конченый человек, - часто повторяла она с горечью.

Павел Ильич не спорил. Многие их друзья и знакомые потеряли работу в эти трудные времена. Хорошо, что еще его фирма стояла на ногах крепко. Но даже и в его случае зарекаться было нельзя. «Ничего нет более постоянного в Америке, чем временное», - частенько подумывал он. Но в разговоре с женой в подобные рассуждения не пускался. Не хватало еще, чтобы она потеряла уверенность и в его будущем.

Неля готовилась в дальнюю дорогу суетливо и нервно. Но ничего необычного в этом не было. Перед любой поездкой она всегда волновалась или впадала в меланхолию. В этот раз, правда, все происходило более резко, на повышенных тонах. Но и это можно было объяснить тяжелыми обстоятельствами - болезнью сестры и потерей работы.

Но однажды, когда Павел Ильич вернулся с работы несколько раньше обычного, он застал жену за странным занятием. Она сидела за столом и разбирала папку с документами, которые они привезли из Питера. Он знал, что там лежали аккуратно сложенные свидетельства о рождении, трудовые книжки, институтские дипломы.

Неля бросила на мужа растерянный взгляд и тут же захлопнула папку.

- Что ты копаешься в этом старье? - спросил ничего еще не подозревающий Павел Ильич.

Неля вспыхнула и пробормотала, не смотря на мужа, куда-то в сторону:

- Сестра просила привезти мое свидетельство о рождении. Не знаю зачем...

Больше разговора о старых документах не было. Но Павел Ильич не мог забыть брошенный на него растерянный взгляд жены. И однажды, когда ее не было дома, достал из ящика стола злополучную папку и, тщательно пролистав ее, обнаружил, что из нее исчезли Нелин диплом об окончании института и трудовая книжка.

Сердце его упало. Он схватился за голову и прошептал: «Она хочет уехать навсегда! Значит, она простила, но не забыла!»

Все дни до отъезда Нели Павел Ильич молча и обреченно наблюдал, как жена бросает свои вещи в чемоданы. Шкафы постепенно пустели.

Сняв с вешалки свою любимую коричневую дубленку, она сказала, коротко взглянув на мужа:

- Я ведь еду на три месяца, а осень в Питере может быть очень холодная.

Павел Ильич кивнул, не проронив ни слова.

До отъезда осталась всего неделя. Павел Ильич не знал, что ему делать. Спросить жену прямо - бросает ли она его и уезжает навсегда, у него не хватало духа. А что, если она скажет: «Да!». Тогда уже обратного пути не будет и для надежды не останется места. И он тянул горькую лямку неизвестности и неопределенности.

Только ночью, лаская жену, он как бы просил у нее прощения и пощады. Она отвечала ему пылко, порывисто. Но не произносила ни слова. Ни единого ласкового слова. Губы ее были плотно сжаты. Глаза закрыты. Она искала наслаждения исступленно, теряя самообладание и бросаясь в крайности.

Он шел навстречу всем ее необузданным желанием, чтобы она насытилась и успокоилась. Когда она, обессиленная, засыпала, он лежал рядом и думал о том, что никогда раньше, даже в рассветные дни их молодой любви, ничего подобного между ними не было.

Как будто, сдерживаемая все эти годы страхом последствий

чувственность вдруг прорвалась наружу и кипела, как раскаленная лава.

Это радовало и пугало Павла Ильича. «Мне уже за пятьдесят - думал он. - Что произойдет, если я не в состоянии буду отвечать на ее желания? Не заведет ли она себе любовника? Моральное оправдание у нее ведь есть! Впрочем, все, что было - ерунда! И даже думать об этом не стоит!» - успокаивал он себя.

И теперь вот жена уезжает. Пусть даже на три месяца. Сможет ли она так долго обходиться без мужчины? Он знал, что в Питере есть те, кто любил ее многие годы. Они не были ее возлюбленными. Он был уверен. Но кто знает, как все может обернуться. Ведь она все еще таит на него зло. Он понял это по ее взгляду.

- Ты теперь ни в чем не имеешь право меня упрекать! - выдавливала она из себя по одному слову, сквозь всхлипы и рыдания в тот проклятый день.

И безжалостная память отбросила его назад, в прошлое, которое он изо всех сил старался забыть. Как будто это происходило сейчас. В сию минуту. Все - без прикрас. Его бездушная жестокость. Отрицание своей вины. Упрямая вера в свою правоту. Жалость к жене. Любовь. Сострадание. И горькое понимание, что изменить что-либо уже невозможно.

- Ты - сволочь! Мерзавец! Ты растоптал нашу любовь! - кричала Неля, сжимая в руке злополучное письмо. - Я жить не хочу! Ты превратил нашу жизнь в ничто! Ты втоптал меня в грязь! - она обхватила обеими руками голову и завывала, как раненый зверь. - Мы только приехали в эту чужую страну! Ни денег, ни работы... Если бы только это случилось там, дома, я бы выгнала тебя, мерзавца, в три шеи! А теперь?! Ты заткнул мне горло куском дерьма, и я должна его проглотить! Я не могу! Не-мо-гу! - захлебнулась она слезами.

- Нелечка, милая! Это все чепуха, ерунда! Не стоит твоей слезинки! На, выпей воды! - успокойся! - Павел Ильич прижал жену к себе. Ее трясло, как в лихорадке. - Я всегда любил только тебя! Только тебя! - повторял он, как заклинание.

- Оставь меня! - вскрикнула она. Ты разбил мое сердце! Я не

выдержу! Я умру, умру, умру!

Послышался звук открываемой двери.

- Успокойся, прошу тебя! Ради сына, ради Миши! - шептал Павел Ильич.

Неля судорожно всхлипнула и, зажав рот рукой, буквально ввалилась в ванную и захлопнула дверь. Павел Ильич прислушался. Из ванной комнаты доносился звук льющейся воды. И больше ничего.

- Что с мамой? - спросил Миша, проходя к себе в комнату и волоча по полу тяжелый школьный рюкзак.

- Она, видимо, отравилась чем-то. Ее тошнит, - сказал отец, не глядя на сына.

- А ты, пап, что такой бледный? - спросил Миша.

- Голова что-то болит. Давление, наверное, подскочило.

- Прими лекарство! - сказал Миша и закрыл за собой дверь.

- Хорошо, - тихо проговорил отец ему вслед. - Я обязательно приму.

Но новая жизнь в Америке не оставила места ни для переживаний, ни для выяснения отношений. Надо было выжить! Во что бы то ни стало. Ради Миши. Ради себя.

Сначала Павел Ильич нашел работу. Потом Неля. Сын поступил в колледж. Нужны были средства, чтобы платить за его образование. Потом был куплен дом. Жизнь крепко связала их денежным займом на пятнадцать лет.

Они старались избегать разговоров на запретную тему. Павел Ильич решил про себя: «Да. Он виноват. Но ничего особенного он не сделал. Семью не бросил. Пошлый служебный роман. Ошибка. Ошибки случаются. И никаких трагедий из этого делать не стоит. Он свою жену любил всегда. Любит. И будет любить всю оставшуюся жизнь».

А что думала Неля об этом? Павел Ильич не знал. И не хотел в это углубляться. Зачем себя терзать. Других дел предостаточно. Он только заметил, что жена стала тщательно следить за собой. Она всегда была красива. Жгучая брюнетка с томным и нежным взглядом зеленых глаз и ямочками на розовых

щеках. А к пятидесяти годам стала еще более женственной, уверенной в себе, раскованной. И мужчины на различных вечеринках заглядывались на нее.

Вот только кость у Нели была широковата, и поэтому она казалась полнее, чем была на самом деле. И живот мог бы быть поплоче. Но в целом ее фигура была достаточно стройная и соразмерная.

Неля выглядела моложе своих лет. И, когда ее спрашивали о возрасте, она отвечала, смеясь: «Я не делю свою жизнь на годы. Она целая, как свежее куриное яйцо, которое, как известно, разрезать на части невозможно!».

Павел Ильич был сам мужчина интересный. Высокий. С копной светлых, слегка рыжеватых волос. И с голубыми, яркими глазами. Правда, на лбу уже наметились залысины, в волосах замелькала седина, и морщинки разбежались у глаз. Но, в общем, он был еще молодцом.

Он часто любовался женой, и ему нравилось, что другие мужчины обращают на нее внимание. Они посматривали и на него с завистью и любопытством, как бы, говоря: «А, вот кто этот счастливчик!»

Павел Ильич был уверен, что его жена женщина честная и порядочная. Но чем черт не шутит! Может же ей в голову взбрести желание отомстить ему! И Павел Ильич старался в свободное время держать Нелю около себя. Занимать ее домашними делами и развлечениями. Так, на всякий случай.

Но посреди сдержанных дней и горячих ночей порой прорывалось то, что ранило Павла Ильича в самое сердце. Ненависть. Черная, злая ненависть. Она горела во взгляде жены, когда речь заходила о супружеской измене. У Павла Ильича мгновенно появлялось желание исчезнуть. Начать жизнь сначала. Развестись. Только бы не испытывать еще раз разъедающее душу и изнуряющее его физически чувство вины.

И все же после отъезда жены он упрямо снова и снова приезжал в усадебный сад. Не для успокоения, а для самоистязания. Чтобы пережить все сначала и найти выход.

По положим пролетам каменной лестницы Павел Ильич спустился к высаженным ровными квадратами невысоким ку-

стам. Тщательно постриженные, они были еще зелены глуховатой, осенней зеленью.

Какие-то поздние красные цветочки лепились к плотной стене кустов, в надежде найти у них защиту от холодов приближающейся зимы.

В центре квадратов на каменных пьедесталах были установлены несколько бронзовых скульптур. В основном - обнаженные женские фигуры. Вероятно, они были ровесники мрачной усадьбы. Бронзу сплошь покрывала зеленоватая патина. И в светлых лучах осеннего солнца скульптуры, казалось, фосфоресцировали.

Павел Ильич уверенной походкой направился к одному из квадратов. Он остановился и долго смотрел на печальную скульптуру. Было такое впечатление, что женщина в безутешном горе только что рухнула на кончик кушетки. Ее голова поникла на изголовье. Она прикрыла лицо локтем и, казалось, безмолвные рыдания сотрясали ее тело. Другая рука свешивалась безвольно вниз, а ладонь прижималась к поверхности кушетки в надежде хотя бы в ней найти надежду и спасение. Понурая спина, выпуклый, мягкий живот, тяжелая грудь, и по-детски трогательно подвернутая ступня.

Павел Ильич не мог отвести взгляд от бронзовой скульптуры. И чем дольше смотрел, тем больше узнавал в ней свою жену, Нелю.

Он часто заставлял ее тогда в точно такой позе. Она забивалась в угол дивана и закрывала от него свое лицо. Волосы спадали ей на лоб спутанными, смоляными прядями.

Он на цыпочках проходил мимо, и ему безумно хотелось погладить ее по тонким, как шелк волосам.

Но он боялся, что она опять, как уже бывало, гневно сбросит его руку, посмотрит на него злым взглядом и проговорит хриплым, прерывистым голосом: «Негодяй!».

Все это проносилось в голове Павла Ильича, когда он неподвижно стоял перед бронзовой женщиной.

На прикрепленной к каменному пьедесталу табличке можно было разобрать полустертые буквы “Grief” - «Скорбь».

Но сейчас скорбь наполняла сердце Павла Ильича. Неужели

жена бросила его и уехала навсегда?

- Do you like it?- «Вам нравится?» - раздался сзади приятный женский голос.

Павел Ильич повернулся и увидел стоящую за его спиной полную даму средних лет в сером брючном костюме. На ее круглом лице сияла приветливая улыбка.

- Yes! Very, very much! – «Да! Очень!» - ответил Павел Ильич. Женщина понимающе покивала головой:

- Скоро все скульптуры уберут из сада. Их будут реставрировать для специальной выставки, посвященной юбилею автора. Выставка откроется в центре искусств нашего колледжа.

- А кто скульптор? - поинтересовался Павел Ильич.

- Стелла Тайлер - владелица усадьбы, - и женщина махнула рукой в сторону угрюмого дома. - Ее наставником был ученик Родена! А вы знаете, она начала заниматься лепкой только в пятьдесят лет! Представляете?! И оказался такой грандиозный талант!

- Возраст осени, - проговорил Павел Ильич негромко.

- Это замечательный возраст! - глаза женщины блеснули живым огоньком. - Посмотрите, какая прекрасная у нас осень!

- Да, это правда! - согласился Павел Ильич.

- А вы знаете, что вскоре она сделала другую скульптуру и назвала ее «Восход», а эту переименовала в «Закат». Потому что верила, что темнота и скорбь неизбежно рассеются, и солнечные лучи осветят мир и согреют его!

- А где же эта скульптура «Восход»? - спросил Павел Ильич. - Что-то, я ее не видел.

- Да вот там, в самом конце сада за круглой беседкой! После реставрации мы их поставим ближе друг к другу, чтобы никто не терял надежды! Ну, до свидания! - проговорила женщина все с той же милой улыбкой на лице. - Enjoy your day! - «Желаю вам хорошо провести день!».

И она несколько тяжеловатой походкой направилась к каменной лестнице, не спеша, поднялась по ней и скрылась за воротами усадьбы.

А Павел Ильич поспешил в конец сада, где золотистая листва почти скрывала от людских глаз бронзовую женскую фи-

гуру. Привстав на колени, женщина запрокинула голову и откинула назад плечи. Она устремила всю себя - и тело и душу навстречу восходящему солнцу и наступающему ясному и светлому дню.

Павел Ильич потоптался немного у скульптуры, потом круто развернулся и почти побежал к машине. Он понял, что ему нужно делать. Нельзя погружаться во мрак самому и Нелю надо вытаскивать немедленно.

Стремительной походкой он вошел в дом, схватил трубку и набрал питерский номер. Ему повезло - трубку взяла жена.

- Нелечка! Я очень о тебе соскучился, дорогая!.. Я не могу без тебя! Прости меня, дурака, за все! И возвращайся скорей!.. У нас здесь осень стоит такая великолепная! В усадьбу Тайлеров поедем... Я тебе кое-что интересное о скульптурах расскажу... Все у нас будет хорошо!.. Все поправится!.. Ты начнешь уроки музыки давать!.. Ты же пианистка!.. Только вернись!.. Ненависть отнимает наши силы от любви! - сказал Павел Ильич и растерянно замолчал.

Пространство между двумя материками сжалось, превратилось во время и пудовыми минутами билось у него в висках.

- Я прилечу через две недели, Паша, - услышал он совсем близко голос жены. - Я уже купила обратные билеты.

МОЖЖЕВЕЛЬНИК

- Берегись можжевельника, Яшенька! - проговорила нараспев Степанида, поправляя старческой рукой панамку на кудрявой головке мальчика лет шести.

- А почему, няня Стеша? - спросил мальчик, с любопытством разглядывая высокие кусты с блестящими, мелкими, как кошачьи язычки, листиками. - Он пахнет так хорошо! Так душисто!

Степанида взяла мальчика за руку и поспешила прочь от густых, сросшихся друг с другом кустов.

- Пойдем, деточка, лучше к морю. Искупаешься напоследок. Скоро в Москву возвращаться. Морская вода полезительная.

Поплескаешься вволю, и горлышко всю зиму болеть не будет.

Они вошли в тенистый парк, протянувшийся вдоль моря. Вдруг Яша остановился посреди дорожки.

- Пойдем, пойдем, касатик! - говорила няня и легонько тянула мальчика за руку. - Не упрямясь. Позагораешь, пока солнце не сильно печет.

- Не пойду! – проговорил мальчик, упрямо сжав губы и сердито поглядывая на няню черными, как мохнатые жуки, глазами. - Пока не скажешь, почему я должен можжевельника бояться, никуда не пойду!

- Пойдем, Яшенька! Я тебе по дороге все расскажу!

Мальчик, довольный, что удалось так быстро уговорить няню, вприпрыжку поскакал рядом с ней. На каждый ее мелкий шаг получалось его два веселых прыжка.

- Плохое это для тебя растение, Яков Борисович! Опасное! Дурманым запахом к себе затянет, голову закружит, рассудок всякий потеряешь и воли своей лишишься! Всякому человеку есть хорошее растение и плохое. Можжевельник плох для тебя. Ох, как плох! Видишь, мы только подошли к кустам, как ты побледнел, глазки покраснели, и на лбу испарина выступила. Послушай нянюшку Стешу, Яшенька, помни ее слова! Увидишь можжевельник - беги от него, сломя голову, не оглядываясь! А то, не дай Б-г, грянет беда, лихо злосчастное! - Степанида промокнула повлажневшие глаза кончиком белого платочка, повязанного на голове.

Мальчику стало жалко свою старую няню.

- Не волнуйся, Стешенька, не плачь! Не буду я к можжевельнику и близко подходить! Никогда в жизни!

Проще простого было Яше выполнять данное няне обещание. Не часто встретишь можжевельниковый куст в суровых северных лесах. Да и что делать в лесу городскому, интеллигентному мальчику? Куда интереснее трудные задачки решать или в шахматы с отцом сражаться. А для этого нужно уметь сосредоточиться и думать об одном, самом главном.

Так бы и шла Яшина жизнь своим чередом. Но неудержимое, стремительное время меняло все вокруг. Бушевали над страной и над городом, где жил Яша, неслышные бури и неви-

димые ураганы. Разбрасывали людей по разным концам света, по незнакомым материкам и землям.

Далеко оказался Яша от родной столицы, в старинном городе на берегу открытого всем ветрам, беспокойного Атлантического океана. Он окончил школу, хороший колледж и работал в крупной страховой фирме. Купил отличную спортивную машину, приземистую, пружинистую, всегда готовую пулей сорваться с места и мчаться, куда прикажет хозяин.

По выходным дням Яша часто ездил с приятелями в городской парк. Им нравились и баскетбольная площадка, и просторные поляны, где можно просто так мяч погонять. На самом краю парка располагалась старинная усадьба. Выстроенная из гладко обтесанного, золотистого, солнечного камня, она виднелась издалека. И хотя у дороги, ведущей к усадьбе, был прибит знак: «Частная собственность», владельца этой собственности друзья никогда не встречали. Да и вид у усадьбы был заброшенный, запущенный. Окна, завешенные плотными шторами, не пропускали внутрь солнечный свет, а уложенная неровным булыжником площадка для парковки машин всегда пустовала.

За площадкой, на крутом пригорке возвышалась просторная беседка. Округлый купол, покрытый покрашенной в зеленый цвет черепицей, местами потрескался и обвалился, и через дыры проглядывало синее, безоблачное небо. Но чугунная узорчатая решетка, окружающая беседку, сохранилась превосходно. Вылитые из темного металла никогда не опадающие листья обвивали вечно свежие и тяжелые виноградные гроздья. Подножье беседки с одной стороны скрывалось от глаз плотным забором чьих-то ухоженных владений.

За беседкой, сквозь редкие бледно-зеленые кустики проглядывал бассейн. Это был странный бассейн. Широкий и длинный, покрытый выцветшей голубой плиткой, он никогда не был наполнен водой. Высокие, гибкие деревья, склонившиеся над бассейном, тщетно пытались разглядеть в нем свое отражение. Они видели только пожухлые, прошлогодние листья, покрывающие дно бассейна, и валяющиеся по углам, сбитые дождем и ветром ветки. Бесполезные металлические поручни тускло поблескивали по обеим сторонам бассейна. Ребя-

та спрыгивали в бассейн, бродили по дну вдоль уложенных плиткой стен, подпрыгивали, пытаясь руками достать до края. Бассейн был глубокий, и не каждому это удавалось.

За усадьбой находился сад. Скорее, забытый всеми кусок леса, в котором едва заметная тропа заросла сорной, жесткой травой. Одичавшие деревья и кустарники, в битве за каждый клочок земли тесно переплелись стволами, ветвями, корнями. Обнаженные ветви деревьев напоминали застывших в жестокой схватке змей. Вверху же, на свободе, буйная листва образовала настоящую крышу, под которой можно было укрыться от любого, самого сильного дождя.

На стене усадьбы, выходящей в сад, виднелась загадочная лестница. Она поднималась до второго этажа и внезапно обрывалась крохотной квадратной площадкой. Ни окна, ни двери, куда можно было бы войти. Яша с приятелями часто забирались по странной лестнице и замирали на площадке, с удивлением озирая окрестности.

Сразу за садом простирался луг, покрытый темно-зеленой шелковистой травой, за лугом - небольшое озерцо. За озерцом виднелось старинное кладбище с покосившимися каменными надгробьями. Но стоило спуститься с лестницы, все исчезло и, казалось, что мир - это старая усадьба, заброшенный сад, пустой бассейн и беседка с кружевной решеткой. И все.

Однажды, в выходной день друзья, как обычно, заехали за Яшей. Они направились в городской парк. Наигравшись вволю в баскетбол и волейбол, решили напоследок навестить старую усадьбу. Был конец зимы, и ничто еще не напоминало о весне. Но она уже подкралась незаметно - солнце знало об ее приближении и посылало всем теплые, ласковые улыбки.

Ребята спрыгнули в бассейн и развлекались, бросая друг в друга прошлогодние листья. А Яша направился к беседке. Почему-то он больше всего любил зеленую беседку. Скамейки, стоящие когда-то вдоль стен, были давно поломаны, и Яша уселся на узкие металлические перила. И вдруг почувствовал необычный, дразнящий аромат. Он огляделся. Никаких незнакомых растений вокруг беседки не было. Невдалеке росли бледно-зеленые, одинаковые зимой и летом кустики. Он

вышел и склонился над ними. Кустики совершенно не пахли. Ничем. Удивительный аромат тоже исчез.

Яша вернулся в беседку и снова ощутил терпкое благоухание. Что-то оно напоминало ему. Но что? Яша вдыхал аромат все сильнее и сильнее, полной грудью. У него закружилась голова, все поплыло перед глазами.

- Яшка! Иди сюда! Мы чью-то нору в саду нашли! - услышал Яша голоса друзей, звучавшие как будто издалека.

С трудом передвигая ноги, он вышел из беседки и двинулся по направлению голосов. Чем дальше он уходил, тем яснее становилось его зрение, и туман, заполнивший голову, постепенно рассеялся.

Приятели тыкали длинной веткой в нору неизвестного животного, пытаясь измерить ее глубину. Они не заметили, что с Яшей произошло что-то неладное - ни бледного лица, ни помутневших глаз, ни капелек пота, выступивших на лбу.

Вернувшись домой, Яша быстро забыл о случившемся. Но чем ближе был конец недели, тем чаще и неотступнее возникали в его голове воспоминания о беседке и завораживающем, колдовском аромате. В выходной день ноги сами понесли его к старинной усадьбе. Он поехал один на своей быстроходной машине, торопясь и выбирая кратчайший путь. Почти бегом поспешил к беседке. Войдя в нее, жадно втянул в себя воздух и с непомерной радостью ощутил щемящее душу благоухание. Сегодня оно было менее сильным - манило к себе, но не обещало ничего.

Яша взглянул на небо. Оно было затянуто толстым слоем, похожих на мягкие подушки облаков. «Солнечное тепло усиливает запахи. Солнца нет - вот и аромат такой слабый», - решил он. Яша не знал, как долго он просидел, скользя невидящим взглядом по зеленеющим окрестностям. Голова его слегка кружилась, но сознание было ясное и четкое, не так, как в прошлый раз.

Уже темнело, когда он услышал легкие шаги. Оглянувшись, увидел приближающуюся к беседке девушку в светло-голубом платье. Казалось, что она едва касается земли носками белых туфель, и трава, растущая на тропинке, не сминается под ее ногами, а только слегка наклоняется, как от слабого дуновения ветерка.

Девушка вошла в беседку и села на поручень рядом, совсем близко от Яши. Но она как будто не замечала его. Только дышала часто и едва слышно, как после быстрой, но недолгой ходьбы.

- Вы любите запах можжевельника? - вдруг спросила она Яшу.

- Так это можжевельник?! - воскликнул Яша.

- Конечно. А что вы так испугались? - спросила девушка, взглянув Яше в лицо.

Он попытался разглядеть ее, но мягкие черты округлого лица расплывались, создавая неопределенный, меняющийся образ. Только глаза он видел очень четко. Они были серебристые, с черными, расширенными зрачками.

«Нет, серебристых глаз не бывает, - подумал Яша. - Наверное, это луна и звезды отражаются в них». Он внезапно вспомнил старую няню Стешу и свое обещание не подходить близко к можжевельнику. Спрыгнул с перил и направился к выходу из беседки.

- Куда же вы? - спросила девушка.

Яша остановился.

- А где же тут можжевельник? - спросил он, крутя головой, легкой, как воздушный шарик.

- Вот здесь, внизу, под беседкой. Его недавно посадили. Добраться до него невозможно и сверху совершенно не видно. Но для аромата нет преград. Здорово, правда! - сказала девушка и протянула руку: - Эльза, - сказала она.

- Яша, - проговорил он каким-то чужим голосом.

Возможно, в другое время он и удивился бы имени девушки. Но сейчас все было, как во сне. А кто удивляется снам? В них случаются всякие чудеса. Дурманящее благоухание усилилось, и заполнило беседку влажной пеленой. Яша почувствовал, что почти теряет сознание, но не мог двинуться с места, чтобы покинуть магическую беседку. Не зная почему, опустил руку в карман, достал ключ от машины и протянул девушке.

- Возьмите, Эльза! - сказал он.

- Зачем мне ваша машина? - девушка рассмеялась громким, резким смехом. - У меня своя есть!

- Возьмите, прошу вас! - произнес он умоляющим тоном.

Яше казалось, что сию секунду все рухнет, и мир погибнет, если ему не удастся отдать таинственной девушке его любимую машину.

- Сумасшедший тип! - сердито проговорила Эльза. - Не нужно мне от вас ничего!

Она соскочила с перил и прошла мимо Яши, даже не взглянув на него. Он заметил, что пьянящий аромат невидимым шлейфом последовал за ней. Яша вышел из беседки и неверными шагами попытался догнать девушку. Или непобедимый аромат? Когда он приблизился к парковке, Эльза была уже в машине - перламутровой и узкой, как стрела.

Яша бросился к своей машине. Сел за руль. Ему казалось, что голова его совершенно просветлела. Ему надо было догнать девушку, во что бы то ни стало! Где ключ? Вот он. Яша вихрем сорвался с места и помчался за мелькающей вдали перламутровой машиной.

Ему представлялось, что вот-вот он ее догонит. Но машина ускользала, сворачивая в боковые улочки, кружила и кружила по городу. И вот, она исчезла бесследно. Но Яша даже не заметил этого. И продолжал яростно метаться по незнакомым закоулкам. Он не видел, что красная лампочка на панели отчаянно замигала, показывая, что горячее кончается. Наконец, на каком-то пустынном перекрестке мотор заглох, и машина остановилась.

Яша бессильно уронил голову на руки, вцепившиеся в руль. Кровь гулко стучала в висках. В голове было темно и беспросветно, как за окнами машины. Внезапно, он почувствовал чудовищный удар сбоку. Машину подбросило вверх. Она подпрыгнула, как смертельно раненое животное, и рухнула на холодное, бетонное шоссе. В последнюю ясную минуту сознания он услышал отдаленный голос и знакомые слова:

- Берегись можжевельника, Яшенька!

ЗВОНОК В ДВЕРЬ

Случается, порой, что время меняет свое обычное течение - от прошлого к будущему и раскалывается на две неравные части - «до» и «после».

- Mam, сегодня хорошая погода? - спросил Игорь, не поворачивая головы, и потянулся за стаканом воды, стоящим на столе.

Игорь слышал у себя за спиной монотонное шуршание утюга по ткани и деловитое пыхтение.

- Да, - ответила мать.

- Может быть, съездим к Сосновским? - спросил снова сын, стараясь скрыть в голосе надежду и нетерпеливое ожидание.

- Конечно, Игорек! - ответила мать тоном, каким разговаривают с больным ребенком.

Игорь с силой, так, что пальцы побелели, сжал в руке стакан. Но промолчал.

- Очень хорошо, - сказал он тихо. - А я сейчас пошлю по Интернету письмо Володьке. Поздравлю его с годовщиной окончания колледжа. Ты помнишь, мам, ведь сегодня ровно пять лет, как мы с Вовкой дипломы получили!

- Ой, прости, сынок, я совсем забыла! Замоталась, знаешь! Поздравляю!

Мать поставила утюг на керамическую подставку, подошла к сыну и поцеловала его в затылок. Он прижался к ней головой и закусил губу.

- Спасибо, мама! Не переживай! It's not a big deal! Просто для меня сейчас все, что было, как в увеличительном стекле.

Мать не сказала ни слова, только вздохнула неглубоко, чтобы не огорчать сына.

- Вот рубашка, брюки. Одевайся, сынок! - проговорила она нарочито весело. - Скоро поедem! Тебе помочь?

- Спасибо! Я сам. Уже научился! Вчера Джейн приходила, показала мне, как новой компьютерной клавиатурой пользоваться. Старая тоже неплохая была, но эта намного удобнее.

Джейн мною довольна. Говорит - я молодец! А ты, как считаешь? Молодец я? - Игорь напряженно прислушивался к дыханию матери, стараясь понять по неровным вдохам и выдохам, что она, действительно, думает.

- Конечно, ты молодец, - ровным голосом проговорила мать. Вполне самостоятельный молодой человек.

Игорь довольно улыбнулся.

- Так значит, ты не сердишься на меня? - спросил он.

- За что? - так же ровно, без удивления в голосе произнесла мать.

- За то, что Михаил Иосифович перестал к ТЕБЕ приходить, - с нажимом на слове «тебе» сказал Игорь.

Она ничего не ответила. Неосторожным движением уронила со стола книгу. Подняла. Уронила ручку. Ручка закатилась под кресло. Мать, встала на колени и шарила рукой под креслом. Ничего не нашла.

- Что случилось, мам? - услышав тяжелое дыхание матери, спросил Игорь.

- Ничего особенного, - сказала она, поднимаясь с колен. - Ручка куда-то закатилась. Вот и все. Я готова ехать. А ты?

- Я тоже, - сказал сын, старательно застегивая верхнюю пуговицу рубашки.

- Ты, пожалуй, расстегни пуговицу - на улице тепло! - сказала мать, ласково улыбаясь.

Она взяла его за руку, как в далеком-далеком детстве, когда выводила гулять во двор длинного, пятиэтажного дома в Москве. - Ну, пойдем, Игорек!

Сосновские, дальние родственники матери, жили недалеко, не более получаса езды. Лет десять тому назад они купили старый дом. Постройки тридцатых годов. Прочный, с каменными, толстыми стенами. Зимой он держал тепло. Летом не пропускал жару. Когда-то в нем, видно, жила большая, состоятельная семья - просторные спальни, удобная кухня, светлая столовая и даже застекленная детская комната для игр с видом на зеленый сад. Полы во всех помещениях были уложены ровными рядами крепкого, дубового паркета.

Сосновские жили в большом доме вдвоем. Дочь, Наташа,

веселая подружка детства Игоря, вышла замуж и переехала на другой берег - в Калифорнию.

Такое количество комнат Сосновским было ни к чему. Но они ничего в доме не трогали, не перестраивали. Зачем терять зря силы, время и деньги. Пусть дом доживает свой век вместе с ними. Таким, каким построили его когда-то первые владельцы.

Все свое рвение Леонид Максимович Сосновский вложил в сад. Он был пустым и заброшенным, когда они купили дом. Но с течением времени, заботами Леонида Максимовича сад превратился в цветущий оазис, выделяющийся среди ровных, травянистых лужаек соседних участков.

Фруктовые деревья, ягодные кусты, овощные грядки, яркие цветники, посыпанные светлой галькой ровные дорожки, деревянные скамейки и даже уютная круглая беседка посередине.

Леонид Максимович не успокоился, пока его американский участок не стал походить, как две капли воды, на тот, что он, скрепя сердцем, оставил у себя на даче под Москвою.

Леонид Максимович был на пенсии и каждую свободную минуту проводил в саду, роясь в земле - удобряя, взрыхляя, окучивая. Словно, как много лет тому назад, от его усердия зависело, будут ли у них на столе свежие помидоры, редиска, сладкая малина и смородина, а зимой - хрустящие соленые огурчики и терпкие моченые яблоки. Сейчас всего этого было предостаточно в близлежащих магазинах.

«Но, свое, с огорода все-таки значительно лучше!» - убеждал он жену, Фаину Моисеевну, когда та пыталась оторвать его хотя бы на короткое время от любимого занятия.

Игорь с матерью едва вышли из машины, как двери дома распахнулись, и к ним навстречу выбежали Сосновские:

- Здравствуй, Эммочка!

- Привет, Игорек! - они радушно обняли гостей и повели их в дом.

- Дядя Леня! - по старой привычке обратился к хозяину Игорь. - Можно я сразу в сад пойду?

- Конечно, конечно! Иди, Игорек! А мы в доме посидим, с мамой твоей потолкуем о том, о сем.

Игорь направился к боковой двери, открыл и вышел в сад.

Только в саду у Сосновских он чувствовал себя уверенно и спокойно. Все ему здесь было хорошо знакомо - каждая тропинка, каждый поворот.

Еще учась в школе, сразу после приезда в Америку, они с Наташей, часто бродили по узким дорожкам, вспоминая, как детьми на даче у Леонида Максимовича прятались друг от друга за густыми кустами смородины и малины. Сидели в беседке длинными, летними вечерами и рассказывали друг другу разные «страшилки», поеживались, боязливо поглядывая по сторонам.

Игорь прошел по дорожке вглубь сада к своему любимому цветнику, нащупал рукой нагретую солнцем скамейку, присел и подставил лицо ласковому летнему солнцу.

Он вдохнул в себя воздух, наполненный смесью ароматов цветов. Протянул руку и дотронулся до тонких лепестков. Игорь хорошо помнил эти цветы. Когда он впервые увидел их, они поразили его своими размерами. Величиной - с большую столовую тарелку, такие же фарфорово-белые, посередине - высокие желтые пестики. Игорь водил пальцами по гофрированной поверхности лепестков, и они упруго поддавались его прикосновениям. Он пересчитал удлинённые, похожие на язычки неизвестных животных, лепестки. Их оказалось пять.

Игорь представлял себе все вокруг так ясно, выпукло, намного ярче, чем это было в реальной жизни: зелень, деревья, цветы, небо и солнце, на которое он теперь мог смотреть, не закрывая глаз - в упор.

«Вот, оказывается, какое есть у меня преимущество по сравнению с тем, что было, - Игорь грустно улыбнулся, - смотреть, не щурясь, на солнце».

Он наклонился к цветам-тарелкам - они совсем не пахли. Но, вдохнув еще раз нагретый солнцем воздух, он внезапно ощутил сильный, томительный, до боли знакомый аромат. Сердце его бешено заколотилось. Несомненно, это были флоксы. Цветы разлуки.

Он отчетливо помнил тот день на даче у Сосновских. Был август. Лето уходило, оставляя дачникам на память золотые шары, астры и, конечно, флоксы.

Попросив свою верную подружку, Наташку, чтобы она его не выдавала, Игорь нарвал в саду у Леонида Максимовича огромный букет сиреневых, малиновых, розовых флоксов. Украдкой пробрался на соседний участок и осторожно положил издающие колдовское благоухание цветы на крыльцо дачи, где жила Лена.

Они уже попрощались. Завтра утром он уезжает в Москву. А через неделю - самолет в Нью-Йорк. Они обещали друг другу, что будут хранить свою любовь и верность и, как только станет возможным, встретятся снова, чтобы соединить свои судьбы навсегда. Как легко давать обещания в шестнадцать лет!

После переезда в Америку Игорь звонил Лене каждый день. Но скоро ее телефон перестал отвечать. Звонки прекратились. Она исчезла. Прошло три года, и Игорь случайно узнал, что Лена вышла замуж, и у нее родился ребенок.

Спустя какое-то время, он уже закончил колледж, Лена сама позвонила ему и сообщила, что развелась с мужем, и теперь живет одна, с ребенком.

Игорь металлическим голосом, с трудом сдерживая гнев, сказал, все, что он думает о ней и о ее звонке. Кажется, она заплакала, или это были какие-то помехи. Он не вслушивался. Бросил трубку на рычаг и еще долго тяжело дышал, меряя взволнованными шагами свой кабинет. Он не желал больше ничего о ней знать. Но и забыть не мог.

Стал встречаться, меняя «girl-friends» так часто, как это было возможно. С американками у него ничего не получалось. Романтика чувств их не особенно волновала. Все было просто, по-деловому, и поэтому надоедало довольно быстро.

Игорю становилось скучно, и он без особых переживаний «broke up» в очередной раз. Они тоже, как правило, относились к этому очень спокойно.

Потом у него возникла связь с замужней женщиной. Она тянулась довольно долго, но не принесла радости ни тому, ни другому. Женщина ему нравилась, и он хотел, чтобы она ушла от мужа, и они поженились.

Она сказала: «Нет! У меня с мужем слишком много общего - два дома, машины, счета в банке. Это все делить очень сложно».

Игорь настаивал. Тогда она заявила, что ей нужен не второй муж, а любовник, и бросила его.

И вот, год назад случилось то, что переломило его жизнь на две неравные части, изменило саму сущность чувств, понятий и даже слов.

Игорь накануне, как всегда, поздно улегся спать, чтобы утром встретить ясный, прозрачный, весенний день.

Его разбудил резкий звонок в дверь. Игорь открыл глаза - непроглядный мрак окружал его со всех сторон черной, непроницаемой стеной. Он, как маленький ребенок, испугался враждебной неизвестности темноты.

«Мама!» - закричал он в пустоту. Игорь в отчаянии, изо всех сил тер глаза. Черная пелена не исчезала. На ощупь добрался до двери. Открыл ее. Там была все та же пугающая темнота. Он внезапно с ужасом понял, что ослеп. Уснул зрячим, проснулся - слепым!

Никто не понимал, что с ним случилось. Мать с неиссякаемой надеждой бросалась от одного врача к другому. Врачи назначали анализы, делали снимки. Все в один голос говорили, что с глазами все в порядке. Игорь в лечении не нуждается и поэтому помочь ему ничем нельзя.

Мать перевезла Игоря из квартиры в Манхэттене к себе в дом. Она уже на протяжении нескольких лет встречалась с Михаилом Иосифовичем. Он был вдовец, спокойный, уравновешенный человек. Эмма надеялась когда-нибудь устроить с ним свою жизнь. Но Михаил Иосифович бросать якорь не спешил, и их легкие, необременительные отношения более-менее устраивали их обоих.

После трагедии, случившейся с Игорем, Михаил Иосифович на какое-то время исчез. Оно и понятно. Чужой человек в такой ситуации может оказаться не помощником, а помехой. Потом стал появляться иногда, не очень часто.

Игорь чувствовал, что обременяет мать, мешает ей устроить, наконец, свою судьбу. «Кому нужна женщина с такой обузой!» - думал он, мучая себя словами: калека, слепой, инвалид.

Но ему надо было как-то выживать. Он потерял хорошую, высокооплачиваемую работу. Прекрасную квартиру. Будущее.

Жизнь рухнула, как недостроенный дом во время урагана. И Игорь повторял умоляющим голосом, проклиная себя за слабость и малодушие: «Мама! Прощу тебя! Только не отдавай меня в дом инвалидов!»

Мать бросалась к нему, обнимала и слезы катились из ее глаз: «Ну что ты, сынок! Как ты можешь даже думать об этом! Все наладится, все будет хорошо!»

Но ничто не налаживалось и лучше не становилось.

Игорь часто думал о Лене. Когда она позвонила и сказала ему о своем разводе, он был счастлив услышать ее голос и в душе сразу простил. Он любил Лену. Но даже не спросил, как она живет, может быть, нуждается в чем-то. Однако, какой толк сейчас рассуждать об этом!? Что-либо исправить уже невозможно.

Игорь знал, что Лена иногда звонит, но разговаривает только с матерью. А, если к телефону подходит он, то сразу же опускает трубку.

Он взял с матери слово, что она ни за что не расскажет Лене о том, что с ним случилось. Мать обещала.

Игорь, словно в забытьи, сидел на скамейке. Он думал, что самое главное в его жизни уже позади, а впереди - только мелкое, никчемное существование.

Конечно, он научится работать на компьютере вслепую. Станет трудиться, выполняя посильные задачи. Постарается полностью обслуживать себя, снимая с матери дополнительные нагрузки. Возможно, когда-нибудь даже будет в состоянии жить отдельно. Кто знает? Но до этого ох, как далеко! Ну, а про личную жизнь - счастье, любовь нужно забыть! Забыть навсегда и точка!

Игорь прислушался. Из открытых дверей дома послышался громкий, убедительный голос Леонида Максимовича:

- Поверьте мне, Эмма, я - врач, я знаю, что говорю! Не все потеряно, уверяю вас! Ведь с глазами у Игоря все в порядке. Такие случаи известны. Есть вероятность, что в результате внезапного сильного потрясения зрение может вернуться. Что-то вроде шока. Только положительного. Понимаете? Не теряйте надежду! Вы - мать!

Игорь тяжело вздохнул, безнадежно покачал головой и вернулся к флоксам, касаясь рукой округлых, пушистых верхушек.

- Мама, какая сегодня погода? - спросил Игорь.

- Осенняя - дождь моросит с утра! - ответила мать.

Но Игорь почувствовал, что она улыбается.

- Чему же ты радуешься, мам? Погода плохая - значит, мы к Сосновским сегодня не поедem!

- Нет, не поедem, - ответила мать. - Мы будем сегодня дома. Я взяла работу на дом. Мне к понедельнику надо закончить.

Внезапно раздался звонок в дверь. Какой-то тихий, робкий.

- Кто это? - удивленно спросил Игорь. - Ты откроешь или я? - обратился он к матери.

- Я, - ответила мать.

Игорь услышал звук открываемой двери и взволнованный голос матери:

- Здравствуй, Леночка! Проходи в комнату! Будь, как дома! Мы с Игорем так тебя ждали!

**Я ЛЮБЛЮ
СМОТРЕТЬ
ФИЛЬМЫ
ПРО ВОЙНУ**

Я ЛЮБЛЮ СМОТРЕТЬ ФИЛЬМЫ ПРО ВОЙНУ

В светлое, погожее, весеннее утро Вальтер Кручак собирался на работу. Невысокий, седой, с живыми голубыми глазами, он стоял перед зеркалом и строго осматривал себя с головы до ног. Кажется, все в порядке. Он поправил пилотку, слегка сдвинув ее набекрень и, довольный собой, вышел из дома.

Всю жизнь Вальтер Кручак проработал инженером в фирме, связанной с грузовыми авиаперевозками. Когда настало время уйти на заслуженный отдых, он знал, что его ждет дело, которое не только займет свободное время, но и наполнит теплом душу. Ветеран Второй мировой войны, бывший пилот бомбардировщика Б-24, Вальтер Кручак, работал в музее авиации. Он рассказывал посетителям о военных самолетах, в том числе, о том, на котором когда-то летал.

Бомбардировщик Б-24 почти до самого конца войны был самым большим аэропланом американских военно-воздушных сил - размах крыльев - тридцать три метра, вес - четырнадцать тонн. И самым дорогим. Обшивка, изготовленная из алюминия, была легкая, но непрочная – она легко протыкалась ножом.

Управлять громоздким, неповоротливым самолетом было тяжело и изнурительно. Никакой дополнительной механической силы, кроме мускулов пилота. Летчику, чтобы ориентироваться в плохую погоду, приходилось высовывать голову в боковое окно - приспособления для чистки лобового стекла отсутствовали.

На высоте свыше трех тысяч метров дышать можно было только в кислородной маске. Не было обогрева. На высоте шести тысяч метров температура опускалась до сорока пяти градусов ниже нуля. Ветер продувал самолет насквозь с ураганной скоростью. Кислородная маска примерзала к лицу, а пальцы пулеметчиков - к орудиям.

Не было туалета – его заменяли два отверстия спереди и сзади самолета, чаще всего забитые замерзшей мочой. Жесткие, намертво закрепленные сидения не позволяли ни разогнуться,

ни расслабиться. Продолжительность полетов составляла восемь, а иногда и десять часов, но абсолютно ничего не было сделано для удобства пилота и восьми членов экипажа.

Но Б-24 был создан не для комфорта экипажа, а с единственной целью – нести за линию фронта, далеко в тыл врага бомбы и точно сбрасывать на вражеские объекты. Самолет назвали Освободитель. На первый взгляд для бомбардировщика имя довольно странное. Но это было подходящее имя. Б-24 сбрасывал свой смертоносный груз на промышленные и военные объекты в самом сердце гитлеровской Германии и способствовал освобождению миллионов людей от оккупации и фашистского гнета. Нельзя сказать, что Б-24 принес союзникам победу, но выиграть войну без бомбардировщика было бы намного труднее.

Сразу же после окончания войны производство Б-24 прекратили, а оставшиеся самолеты уничтожили. Бережно возвращенные пилотами на родную землю, Б-24 пустили под бульдозеры. Ветераны войны не могли с этим смириться. Им удалось разыскать три сохранившиеся самолета, один из которых еще мог летать. Аэропланы поместили в музей авиации. Тысячи людей ежегодно приезжают посмотреть на Б-24, узнать его историю, а некоторым даже посчастливилось совершить полеты на бомбардировщике-ветеране.

Для Вальтера Кручака сегодня был особый день – в музей приезжал его боевой друг, бывший штурман Б-24, Кен Митчел, с сыном и внуком. В войну они служили в одной эскадрилье, но в разных экипажах. Кен попросил Вальтера стать на время «семейным» гидом. Вальтер с радостью согласился.

Он встретил у входа Кена, его сына, Тома, и внука, Билли, и провел в музей. Билли, смущенный мальчик лет десяти, веснушчатый, с бойкими карими глазами, подбежал к бомбардировщику и тут же принялся расспрашивать о самолете - скорости, высоте, дальности полета. Кручак едва успевал отвечать. Потом Билли спросил, можно ли забраться внутрь, страшно обрадовался, что можно и побывал везде - на месте штурмана, радиста, пулеметчика и, конечно, в кабине пилота.

Закончив осмотр, Билли с отцом направились к другим самолетам, а Вальтер и Кен решили выйти на улицу, посидеть на

скамейке и потолковать о том, о сем. Они не виделись давно, и им было о чем поговорить. Но беседа неожиданно повернула совсем в другую сторону.

- Кен, - спросил Вальтер, - а твои знают, что я был в плену у немцев?

- Нет, я им не говорил. А что?

- И я вот ничего не сказал, когда они о войне расспрашивали. А, наверное, зря. Плен – это тоже война. И они должны знать об этом - не только мы с тобой. – Вальтер достал пачку сигарет и закурил. - Вот так и не бросил с войны, - усмехнулся он. – Говорят, на старости бросать плохие привычки – вредно для здоровья.

- Да-а, - протянул Кен. - Много наших попало в плен. Из военно-воздушных сил даже больше, чем из пехоты, особенно в начале, когда только вступили в войну. Помнишь, нам даже пакеты выдавали особые, спасательные. Несколько плиток шоколада, шприц с морфием, шелковую карту Европы и компас.

- Не больно много! Но все же лучше, чем ничего! – усмехнулся Кручак, - И еще инструктировали, какую информацию можно давать, в случае, если в плен попадешь, а какую - нельзя. Имя, звание и регистрационный номер – можно, а больше – ничего. Но давали больше, – Кручак нервно поерзал на скамейке. - Не всегда добровольно. Чтобы пыток избежать, но чаще, так - невзначай, в повседневном разговоре. Допросы-то проводили люди молодые, английский хорошо знали, даже профессиональным жаргоном владели. Сами бывшие летчики, многие с ранениями – кто без руки, кто без ноги. Они умели втянуть наших ребят в разговор. А пленные - тоже зеленая молодежь, не прочь прихвастнуть, особенно о таких вещах, как скорость самолета, маневренность и всякое такое. Да и немцы уже владели информацией – знали и местонахождение эскадрильи и имена командиров.

Кен кивнул:

- После войны говорили, что наши никогда не выдавали ценной информации.

- А немцы утверждали, что получали от пленных все, что хо-

тели. А правда, как всегда – посередине! – на скулах Кручака заходили желваки.

Он смял в кулаке сигарету и бросил в мусорную урну. Как и все, побывавшие в немецком плену, Кручак ненавидел все, что ему пришлось пережить. Хотя не пошел ни на какие компромиссы и не потерял в неволе человеческого достоинства. Он достал сигареты, не спеша, снова закурил и начал говорить тихо и медленно.

- Я помню, Кен, мы уже летели над целью - нефтеперерабатывающим заводом в Австрии, когда огонь немецких зениток поразил Б-24 прямым попаданием. Снаряд взорвался в носовой части, бомбардир и пулеметчик были убиты мгновенно. Б-24 стал терять высоту так быстро, что еще чуть-чуть, и мы бы врезались в гору. Я дал приказ экипажу выбраться с парашютами. Мы летели над Югославией, и все, оставшиеся в живых, приземлились благополучно. Мы знали, что партизаны Тито всегда помогали нашим пробраться в Италию, на место дислокации. Но троим из нашего экипажа сразу не повезло - они попались отряду эсэсовцев, и те пристрелили их на месте. Мне удалось спрятаться в лесу, и я скрывался там целую неделю. Наконец, набрел на партизан, и с проводниками стал двигаться к своим. Однажды партизаны спрятали меня на ночь на чердаке дома в маленькой деревушке, а какой-то местный мальчишка увидел меня, побежал и рассказал хорватам, сотрудничавшим с немцам. Те нашли меня, но когда узнали, что я американец, угостили яблоком. Семья моя – из России, я хорошо знал русский язык и свободно говорил. А сербский похож на русский. Они сказали: «Мы сражаемся не с американцами, а с коммунистами». И в этом была, Кен, горькая ирония. Семья-то моя бежала из России, спасаясь от коммунистов! Вот так!

Кен усмехнулся:

- Чудная была война! Никогда заранее не узнаешь, кто есть кто! Кто друг, кто – враг. Никаких правил!

- Это верно! В конечном счете они меня сдали немцам, а немцы отправили во Франкфурт, где и начались допросы. И вот еще один повод для горькой иронии! Представляешь, не-

мец, который меня допрашивал, оказался бывшим продавцом подержанных машин из Детройта! Была уже середина сорок четвертого, и он знал, что война проиграна, поэтому угощал и чаем и кофе. Все надеялся развязать мне язык, но к его несчастью, это был мой четвертый боевой вылет и ничего важного я не знал. В конце концов, меня отправили в лагерь военнопленных, – Кручак говорил, уставившись в пространство неподвижным взглядом. – Там мне рассказали, что незадолго до того, как я попал в лагерь, пленные прорыли туннель под ограждением, и шестьдесят человек вырвались на свободу. Но немцы почти всех отловили, вернули в лагерь и расстреляли перед строем, чтобы другим неповадно было. После этого случая туннели рыть перестали, и мы проводили время, в основном, в ожидании жратвы, а главное - окончания войны. Немцы к воинским званиям относились с почтением – офицеров работать не заставляли. Так что жизнь моя, а я был в звании лейтенанта, была немножечко полегче. В бараке нас помещалось сто сорок четыре человека, нары в три яруса, печь - в одном конце барака, кран с холодной водой - в другом. Была дырка в полу для малой нужды. Во дворе, правда, стояла уборная, но пленные должны были спрашивать разрешение у охранника, чтобы воспользоваться ею. Еда - мало сказать, скудная. В хлеб подмешивали древесные опилки и распределяли по одному ломтю на человека. Раз в неделю, если повезет, давали кусок конины. Изредка мы, американские военнопленные, получали посылки с продуктами от Красного креста. Но рядом с нашим был лагерь, где держали русских военнопленных и, если мы считали, что нам плохо, то достаточно было взглянуть на пленных советских солдат, чтобы понять, что такое ад. Поэтому посылки мы делили пополам и бросали половину еды через ограждение русским. Случалось, Красный крест присылал сигареты, и это был подарок судьбы - лучшая в мире разменная монета. Немцы готовы были все отдать за американские сигареты. Мы даже обзавелись радиоприемником - прятали его в консервной банке. Так что были в курсе того, что происходило за колючей проволокой. Главное, конечно, что всех интересовало – далеко ли войска союзников и когда нас осво-

бодят. Освободили 29 апреля 1945 года и как раз в этот день нам удалось поймать по приемнику американскую армейскую передачу. Первое, что мы услышали, была популярная песенка, что-то вроде: «Не ограждай меня от всех...» После года за колючей проволокой слова песни звучали довольно забавно, – Кручак усмехнулся и замолчал.

Кен слушал, не прерывая, своего старого друга. Прошло столько лет, после войны – целая жизнь, а Вальтер впервые рассказывал так подробно о том, что ему пришлось пережить в плену.

Кручак достал пачку и вытащил очередную сигарету:

- Война, скажу тебе, дружище, страшная и довольно мерзкая штука! И если кто-то скажет тебе иначе, то скорее всего, он работал по снабжению где-нибудь в Канзасе и понятия не имеет, что такое воевать. Я любил ребят, с которыми летал, любил мой самолет - Б-24. Вот, пожалуй и все, что я могу сказать хорошего о войне. Это была работа, и я старался честно выполнить свой долг.

В эту минуту открылись двери музея и появились Билли и Том. Они поспешили к седым ветеранам, сидевшим рядышком на скамейке под теплым весенним солнцем. Кен потрепал внука по плечу:

- Ну, что, Билли, как тебе самолеты? Понравились?

Мальчик закивал головой, глаза его радостно блестели:

- Да, дедушка! А твой Б-24 больше всех!

Кручак снял с головы пилотку и надел ее на вихрастую голову Билли:

- Это, Билли, тебе от меня на память! Носи и помни про нас с дедом, как мы воевали. Ну и все остальное, тоже не следует забывать, – он многозначительно взглянул на Кена. - А что, если нам махнуть в кино? Говорят, отличный фильм про войну вышел!

Кен улыбнулся:

- Ты же только что мне говорил, что ненавидишь войну!

- Да - войну ненавижу! А фильмы про войну люблю смотреть! Сидишь себе в мягком кресле и наблюдаешь, что на экране происходит. И никакая шальная пуля тебя ни достигнет, и никакой вражеский снаряд не собьет! Красота! - и Кручак весело рассмеялся.

О ЕДЕ И О ВОЙНЕ

- Алло! Привет, отец! Как поживаешь?

- Нормально. А ты, Джек?

- Все в порядке! Ты знаешь, Мишель с детьми уехала на выходные к матери, в Нью-Йорк. Давай пообедаем вместе в воскресенье в итальянском!

- Что же, я с удовольствием!

- За тобой заехать?

- Не надо. Летать я уже не могу, конечно, но машину водить еще в состоянии. Как командир Б-24, в войну был обязан дотянуть до аэродрома в любой ситуации. Ну, а сейчас я сам себе самолет и стараюсь поддерживать себя в боевой готовности, пока силы есть. Да и ресторан совсем близко. Когда Элла была жива, мы часто туда ходили. Он был наш любимый, ты же знаешь! Не волнуйся, сынок, я доеду!

- Так значит, завтра в пять!

- Да, Джек, как обычно! До встречи!

В воскресенье ровно в пять Сэм Митчел подъехал к ресторану. Сын был уже на месте и, увидев подъезжающий старый бьюик отца, поспешил, чтобы помочь ему выбраться из машины. Они вошли в ресторан и заняли столик в углу, за раскидистой пальмой в красном бочонке. Подошла официантка:

- Добрый вечер, мистер Митчел!

- Привет, Рита!

- Что будете? Как всегда спагетти?

- Да – с фрикадельками и томатным соусом.

- А Вы? – с улыбкой обратилась она к Джеку.

Джек немного помедлил:

- Мм-м... Пожалуй, сегодня – спагетти с креветками и белым соусом.

- Вино?

- По бокалу красного.

- Отлично! Все будет, как вы сказали! – сказала официантка и удалилась.

Сэм Митчел сидел, задумчиво склонив голову и старчески-

ми жилистыми руками то сворачивал, то разворачивал белоснежную салфетку.

- Ты что-то загрустил, отец! – озабоченно проговорил Джек, наклонившись вперед и пытаясь заглянуть ему в глаза. – Ты в порядке?

Сэм поднял голову и взглянул на сына не мутными, усталыми, стариковскими, а на удивление живыми, яркими, синими глазами.

- Не волнуйся, сынок! Все в порядке! Просто здесь, в ресторане, как раз к месту вспомнилась жратва военная, ребята наши и всякое такое...

- Может расскажешь? Ты про еду мне ничего не говорил...

- Тогда сначала немного истории, сынок. Когда мы вошли в Италию, итальянцы уже сбросили Муссолини. Да... Но Италия была в руинах. Муссолини - не Гитлер, конечно, но он был катастрофа для Италии. За двадцать лет он превратил страну, полную жизнелюбия, искусства и прекрасной еды, в ужасное, лишенное всего захолустье, не производящее ничего, на грани голодной смерти. Он забрал молодых людей в армию, которая, как он думал, без всяких на то оснований, превратит Италию в сверхдержаву. И в итоге, к 43 году это была страна стариков, женщин и детей, страдающих от нищеты, голода и болезней. А что не успел сделать Муссолини, - Сэм усмехнулся, - доделала фашистская Германия. После высадки союзников на материк в сентябре 44-го, немцы отступили на север и забрали с собой буквально все – продукты, вино, машины, лошадиные повозки, произведения искусства – все, что только могли увезти!

Наш летный батальон приплыл на корабле в Неаполь в сентябре 44-го. С палубы я увидел на причале десятки мальчишек. Они протягивали руки и кричали на ломанном английском: «Шоколадку!», «Жвачку!», «Конфетку!», «Пожалуйста!!!». Только я полез в карман за сладостями, как вдруг ожил громкоговоритель, и раздался взволнованный голос капитана: «Внимание всем! Детям ничего не бросать! Они голодные! Два дня назад наш корабль прибыл сюда, и солдаты стали бросать конфеты. Мальчишки бросились за ними в воду, и несколько человек утонули. Мы не хотим повторения! Мы здесь

для того, чтобы помочь людям, а не для того чтобы топить их детей! Поэтому не бросайте ничего - я повторяю – абсолютно ничего!!!». Ты знаешь, Джек, я, как сейчас, помню этих пацанов. – Сэм нервно постучал пальцами по столу. – Ножки – палочки, лица - бледные, изможденные...

Мы высадились и нас отвезли на место дислокации – военную базу с аэродромом. Недалеко был небольшой итальянский городок. В первую ночь, лежа в палатке, я слышал как женщины рылись в мусорных баках в поисках объедков, чтобы отнести домой и накормить своих детей.

А теперь о еде. Я прослужил в Италии до конца войны. Наша пища, возможно, и вызывала зависть у жителей городка. Но я тебе скажу честно, Джек, она ни в какое сравнение не шла с тем, что мы, янки, привыкли есть дома.

На завтрак был яичный порошок, чаще всего в виде яичницы –болтуни, такой невкусной, что со стола она незамедлительно отправлялась в помойку. Иногда из муки и яичного порошка пекли оладьи. По форме и вкусу - стальные металлические диски.

Масло для армии делали таким образом, чтобы оно не портилось, в итоге оно не плавилось ни при каких условиях, как бы повара не старались. Хлеб, правда, был свежий – пекли тут же на базе. Но добавляли все тот же яичный порошок и разжевать хлеб было невозможно. Время от времени варили овсяную кашу. Она тянулась, как резина. Ели не очень охотно, но механики говорили, что с успехом используют овсянку при ремонте самолетов – такая клейкая, что только для этого и годилась.

В полдень и вечером обычно давали мясные консервы под названием SPAM. Летчики называли их «таинственное мясо». Каждый, кто служил в армии, рано или поздно начинал ненавидеть SPAM, от рядовых - до самых высших чинов. После окончания войны генерал Эйзенхауэр встретился с руководством компании, выпускавшей SPAM. Он выразил благодарность за снабжение армии. И потом добавил с усмешкой: «Но была ли необходимость присылать его так много?» На завтрак повара жарили SPAM, на обед – запекали, на ужин делали ри-

совый пудинг или лепешки – все со SPAMом. Мы удивлялись - где они его только брали - наверное получали бочками!

Альтернативой SPAMу были консервы – «Венские сосиски». После месяца бесконечных сосисок кто-то в помещении для дежурных летчиков прикрепил бумажку, предложив прекратить бомбардировку Вены, если жители перестанут присылать свои сосиски.

В своем Б-24 я доставил на базу коробочки кукурузных хлопьев. Предложил ребятам, но они отказались. Я сложил упаковки в палатке и при случае брал с десятков в город и менял в ресторане на итальянский обед – макароны с соусом. В соусе не было ни грамма мяса, но свежие помидоры делали его превосходным. Бутылка дешевого вина замечательно дополняла обед.

Часто из-за плохой погоды боевые вылеты отменялись, и мы уезжали от монотонной жизни на базе в город, развлечься. Каждые полчаса с аэродрома приезжал грузовик и ждал нас на перекрестке, чтобы отвезти обратно.

Мы были молоды, почти мальчишки. Некоторым, по окончании войны не исполнилось и двадцати лет. В городе я познакомился с симпатичной темноглазой девушкой. Преодолею свое незнание итальянского, используя французский, который учил в школе. Моника тоже учила в школе французский. По местным правилам, чтобы встречаться с девушкой, необходимо было прежде познакомиться с семьей. Моника жила с бабушкой, матерью и двумя тетями. Все мужчины в семье погибли на войне. Женщины согласились принять меня в свой дом, но я сомневаюсь, что они хоть на каплю доверяли мне. Мы с Моникой никогда не оставались наедине больше нескольких минут. Мимолетный поцелуй позволялся, но больше ничего.

Дружба с Моникой и ее дом значили для меня много. Они смягчали нечеловеческие жестокости войны. Я написал матери в Америку о Монике. Она прислала несколько посылок с женской одеждой. Моника и ее родные были вне себя от радости и удостоили меня замечательным обедом. Мать приготвила макароны. Не было ни мяса, ни сыра, ни томатного соуса, но макароны были домашнего приготовления, а мука - из пшеницы с семейного участка. Я с наслаждением ел простую

домашнюю еду. Когда уходил, мать Моника сказала, что если бы было мясо, она бы приготовила вкусное рагу. Я вернулся на базу и поговорил с начальством. На следующий день американский грузовик остановился у дверей дома Моника, и водитель выгрузил 100 консервных банок куриной и говяжьей тушенки, бекона и конечно, SPAMa. Мать Моника сказала, что американцы сделали их богачами. Но к сожалению, я не получил за это никакой свободы с Моникой.

Но ты пойми меня правильно, Джек, мы были в Италии не для того, чтобы искать любовных приключений, пить вино и хорошо проводить время. Мы сражались за победу над гитлеровской Германией. Не на земле, а в воздухе. Конечно, без пехоты войну не выиграешь, но мы тоже немало сделали для победы. Смерть была вокруг нас. Я видел моих друзей, сбитых в небе над Германией, парашюты, падающие со взорванных самолетов, а сколько самолетов было уничтожено, и никто из экипажа не имел ни малейшего шанса спастись. В то же время я не верил, что со мной случится нечто подобное. И не мог дождаться следующего боевого вылета!

А сколько было случайных смертей! Однажды один из Б-24 поднялся в воздух, но тут же повернул назад и стал возвращаться на аэродром. При подлете все десять бомб на борту бомбардировщика взорвались. Мы смотрели в небо и видели только облака пыли и пепла – все что осталось от самолета. Все до единого, кто был на борту, погибли.

В другой раз Б-24 шел на снижение. При посадке что-то случилось - нос резко задрался вверх, а хвост пошел вниз. Мы сразу поняли – быть беде и с замиранием сердца смотрели, как бомбардировщик бросало по полосе. В конце полосы самолет дернулся, нос врезался в землю, хвост отвалился. Б-24 загорелся. Я и четверо других ребят бросились к самолету, схватили валяющиеся на земле обломки трубы и стали выбивать стекла в окнах кабины. Из разбитого аэроплана выпрыгнул хвостовой пулеметчик, за ним – другой, со сломанной рукой. Кабина пилота была охвачена пламенем, и огонь пожирал самолет. Но нам все-таки удалось вытащить пилота. Он обгорел до неузнаваемости. Руки сгорели совсем – дотла. Я никогда

не видел такого... Мы положили его на землю. Он все время повторял: «Оставьте меня в самолете... Оставьте меня там... оставьте меня там...». Мы поместили его в подоспевшую санитарную машину. Он скончался по дороге в госпиталь. Непостижимым образом второму пилоту удалось спастись... Одна из случайностей, которую невозможно объяснить.

- Отец, престань терзать себя воспоминаниями! - Джек взял руку отца в свою и сжал изо всех сил. – Вот, посмотри - Рита принесла оливковое масло и горячий хлеб – ты его так любишь!

- Да, - вздохнул Сэм, - итальянцы часто говорили: «Как хорош американский хлеб! Он такой белый, как молоко!».

Между прочим, второй пилот, что спасся, был мой приятель Джино Малони. Он уговорил меня поехать с ним в деревушку, где родились его мать, отец и старшая сестра. Когда мы въехали на площадь, люди стали спрашивать нас: «Sono Americani?» «Вы - американцы?». Он сказал: «Да» на итальянском. Тогда они побежали искать его родственников, чтобы сказать, что Джино приехал из Америки. Скоро площадь заполнилась народом. Джино никогда не думал, что у него столько родственников в Италии. Он увидел своего дядю, тетю, двоюродных сестер, племянников и племянниц. Все были счастливы, обнимали его, целовали. Он даже встретил свою бабушку, которой было девяносто лет. Она обняла Джино и сказала: «Мой сынок!». Он не мог понять, как она его узнала. Она сказала, что Джино - вылитый отец. Мы раздали все, что купили специально для этой встречи в магазинчике на базе - конфеты, сигареты, сахар, кофе...

К столику подошла улыбающаяся официантка с двумя большими блюдами спагетти:

- А вот и ваш обед! Еще что-нибудь нужно?

- Пожалуй, еще по бокалу вина. Тряхнем стариной! – усмехнулся Сэм.

Отец с сыном налегли на еду.

- Вкусно здесь готовят, черт возьми! – между глотками вина проговорил Джек.

- Что правда, то правда, сынок!

Покончив со спагетти, они заказали кофе. И Сэм продолжил:

- О политике мы говорили с итальянцами редко. Многие, кто был в фашистской партии, изменили свое мнение. Но в одном все были согласны - что сумасшедший Муссолини втянул их в эту проклятую войну. «Взгляните на Испанию! - говорили люди. – Тоже фашистская страна, но генерал Франко не дал втянуть Испанию в войну! Почему Муссолини не сделал то же самое? Италия сделала две ошибки: первая - что вступила в войну, вторая - что вступила не на той стороне!».

Джек рассмеялся:

- Здорово сказано!

- Когда война закончилась, более ста наших ребят увезли в Америку итальянских жен. И Джино тоже. Ты помнишь Софию? Они приезжали лет пять назад, когда Элла была еще жива.

- Конечно помню! Вы тогда тоже войну вспоминали и Италию.

- Войну забыть невозможно!

Подошла официантка, в руках она держала счет.

- Ну как, вам понравилось у нас сегодня? – спросила она, улыбаясь.

- Все было замечательно, Рита! Совсем, как в Италии в 44-ом!

Официантка удивленно взглянула на седого пожилого мужчину с молодыми синими глазами и кивнула головой.

ВЫИГРЫШ

Виктор Данилович слегка поерзал на мягком сидении, вложил жетоны в щель игрального автомата и, размахнувшись, ударил по кнопке. Ролики закружились в бешеном танце. «Ну, все! Последняя попытка! Если не выиграю – пора кончать! И так уже тридцать долларов продул! Маша узнает – шею намылит!» - подумал он.

Виктор Данилович старался уследить за мелькающей круговертью. Но, должно быть, отвлекся в мыслях на минуту. И очнулся только тогда, когда услышал металлический звон высыпающихся в глубокое корытце выигрышных жетонов.

«Ничего себе!» - Виктор Данилович даже открыл рот от изумления. А приятный звон все ласкал и ласкал его слух.

- Елки-палки!!! - услышал он над своим ухом восторженный присвист.

Виктор Данилович быстро оглянулся, ожидая увидеть кого-нибудь из «своих». С утра в Атлантик Сити было полным - полно «русских». Специальные автобусы привозили пенсионеров из близлежащих городов - Нью-Йорка, Филадельфии.

Но рядом с Виктором Даниловичем сидел типичный американец. Худощавый, длинноносый в тщательно отглаженной светлой рубашке с короткими рукавами. На голове - бейсбольная шапочка с надписью «Атлантик Сити», выдававшая в нем завсегдатая игорных залов знаменитых казино.

Виктор Данилович, раскрасневшись от возбуждения, собирал свой выигрыш - круглые жетоны в вместительный пластмассовый стакан и, одновременно, с любопытством поглядывал на соседа.

- Ты, что - русский? - решил все-таки уточнить Виктор Данилович.

- Не - русский, - отделяя одно слово от другого значительной паузой, произнес американец.

- А где же ты по-русски так здорово научился шпарить, то есть - говорить? - продолжал расспрашивать Виктор Данилович.

- Война, - ответил американец. - Он встал и отдал Виктору Даниловичу честь, приложив худую, густо покрытую веснушками руку к козырьку бейсболки. - С русскими пришлось много общаться. Да и после войны на курсы ходил и с частными преподавателями занимался, чтобы язык не забыть.

- Так ты воевал? - с уважением посмотрев на американца, спросил Виктор Данилович. - И где же ты воевал? - поинтересовался он.

- В Европе, - ответил американец. - А День Победы в Австрии встретил.

Лицо Виктора Даниловича вспыхнуло.

- В Австрии, говоришь? - он закричал громко, на весь зал. - Так я тоже войну в Австрии закончил! Не зря я тебя за своего принял!

Два пожилых человека - один высокий, худой, другой - маленький толстенький, подвижный, с красным, как будто распаренным лицом, стояли друг против друга и буравили друг друга глазами. Они, словно, пытались увидеть себя там, на далекой австрийской земле, в победном сорок пятом году.

- Линц, - негромко сказал американец.

- Линц, - как эхо, повторил русский. - Да я же там лучшего своего друга потерял, братана, Колю Маркова! - воскликнул он. - В самый день Победы! Мы с ним всю войну вместе прошли!

На них уже стали обращать внимание.

- Пошли отсюда! - решительно проговорил американец, взял Виктора Даниловича за локоть и направился к выходу.

- Подожди ты! - высвободил свою руку из цепких объятий американца Виктор Данилович. - Мне надо жетоны на деньги обменять. А то чем я перед женой, перед Машей, отчитаюсь.

- Я буду ждать тебя на улице, - сказал американец.

- ОК! - ответил русский.

Через короткое время Виктор Данилович вышел из дверей казино, на ходу засовывая выигранные деньги в кошелек. Американец ждал его, прислонившись спиной к каменной колонне.

- Макс Рубин, - представился он.

- Виктор Квитков, - русский двумя руками сжал протянутую ему прохладную ладонь и с силой встряхнул ее.

Американец слегка поморщился:

- Крепко! - сказал он и рассмеялся.

Рассмеялся и Виктор Данилович:

- То-то и оно, что крепко! Знай наших! - и он лукаво подмигнул американцу. - Послушай, Макс! - продолжал он. - Пойдем на набережную! На лавочке посидим, войну повспоминаем! А? Ты кем в армии служил?

- Я был шофер! - с гордостью в голосе ответил американец. - Шофер первого класса!

- Вот так штука! - Виктор Данилович аж присел. - Я ведь тоже был шофер! Механик - водитель! - он замолчал и уже внимательно, без улыбки принялся вглядываться в лицо американца.

Макс Рубин взволнованно поправил бейсбольную шапочку на голове.

- Виктор! Нам нужно поговорить, - серьезно сказал он. И потом решительно добавил. - Пойдем ко мне в гостиницу. Здесь, рядом! Тадж Махал! - и он махнул рукой в сторону здания с белоснежными, круглыми куполами.

- Не могу я так сразу идти! - слегка отстранился от американца Виктор Данилович. - Понимаешь, меня жена на набережной ждет. Волноваться будет.

- Ну что ж! Это очень важная причина! – улыбнувшись, проговорил американец.

Виктор Данилович уловил иронию.

- Да ты не кипятись, Макс! Подожди меня здесь! Я предупрежу ее и вернусь. Я мигом! ОК? - он протянул американцу руку, чтобы пожатием закрепить договор.

- ОК! - ответил американец и в знак согласия дополнительно кивнул головой.

Виктор Данилович почти бегом поспешил к условленному месту, где на скамейке, в тени под навесом ждала его жена, Мария Ефимовна.

Он почему-то был почти уверен, что их с американцем фронтовые дорожки пересекались. И именно там, в этом проклятом Линце. В тот праздничный и страшный день Победы.

Он остановился около навеса, чтобы немного отдышаться и успокоить кровь, бьющуюся в висках. Потом посмотрел на лавочки и тут же увидел затылок склонившейся над книгой жены. Тяжелый пучок темных, с проседью волос.

- Маша! - Виктор Данилович осторожно дотронулся до плеча жены.

- Ой! Как же ты меня напугал, Витя! - вздрогнула Мария Ефимовна. - Что так рано? Все деньги проиграл, что ли?

- А вот как раз и наоборот! Не угадала! Крупный выигрыш обломился!

- Не может быть! - удивилась Мария Ефимовна. - Поздравляю!

- И тебя тоже, с тем же! - Виктор Данилович улыбнулся.

- Ты знаешь, Маша, я в казино случайно встретил одного американца, участника войны. Представляешь, мы с ним, кажет-

ся, в одних местах воевали! Он шофером тоже был!

И Виктор Данилович рассказал вкратце жене о своем знакомстве с Максом Рубиным и о приглашении в гостиницу.

- Конечно, иди! - воскликнула Маша. - У нас до отправления автобуса еще три часа осталось. Так что, успеете наговориться. Чего только в жизни не случается! - Мария Ефимовна покачала головой.

- Ну, так я вам доложил, товарищ генерал! Теперь могу спокойно в увольнительную. Да, Маш?

Мария Ефимовна поморщилась:

- Иди, иди, клоун цирковой! Впрочем, постой! - Мария Ефимовна открыла сумочку и достала завернутые в фольгу бутерброды. - Вот, возьми. Вам в номере могут пригодиться. А я себе пиццу куплю.

- Премного вам благодарен, Ваше Превосходительство! По гроб жизни не забуду вашу доброту! - Виктор Данилович не прекращал своих шуток.

Пятясь и непрерывно кланяясь, он удалялся от скамейки, на которой сидела Мария Ефимовна. Она смотрела на него и беззвучно смеялась.

Номер в Тадж Махале, который занимал Макс Рубин был шикарным. Но, по правде говоря, Виктор Данилович не обратил на окружающую обстановку особого внимания. Зато он моментально заметил уютный круглый столик у окна, а рядом с ним - два небольших кресла. К ним напрямиком и направился Виктор Данилович и уселся в кресло, не дожидаясь приглашения.

- Садись, Макс! Не стесняйся! - радушно предложил Виктор Данилович американцу занять второе кресло.

- Спасибо, - проговорил американец, улыбаясь.

Некоторое время они, молча, смотрели друг на друга.

- О!- многозначительно провозгласил Макс Рубин. - У меня есть замечательная штука! - Он отошел вглубь номера и открыл дверцу небольшого шкафчика. Тут же вернулся и с размаху водрузил на стол прозрачную, пузатую бутылку. - Вадка! Абсальют! - радостно воскликнул он.

- Здорово! - восхитился Виктор Данилович. - А вот и закуска! - Он выложил на стол бутерброды и аккуратно развернул

фольгу. - С колбаской! Одесской! Полукопченой! Угощайся, Макс! Отличная колбаска! Пальчики оближешь! Ты знаешь, Макс, город такой в Союзе есть - Одесса! В честь него и колбаска поименована.

- Одесса - знаю! - обрадовался своей осведомленности Макс.
- Порт на Черном море.

- Вот именно! - подтвердил Виктор Данилович. - Красивый, между прочим, город!

- Мои родители с Украины, - сказал Макс и замолчал.

- Да ну!!! - Виктор Данилович даже рот открыл от удивления. - Из каких же мест?

- Не знаю. Они нам не говорили. А мы не спрашивали. Не до воспоминаний им было тогда. Кусок хлеба надо было зарабатывать. Сейчас жалею, конечно, что ничего о корнях своих не знаю. Да поздно уже.

- Да ты не переживай, дружище! - Виктор Данилович ободряюще похлопал американца по плечу. - Давай лучше выпьем со свиданьем! - Виктор Данилович по-хозяйски взял в руки бутылку, открыл ее и разлил содержимое по стоящим на столе небольшим стаканчикам.

Оба - американец и русский опрокинули стаканчики. Виктор Данилович смачно крякнул. А Макс - выпил тихо, беззвучно и осторожно поставил стакан на стол.

- Да ты закусывай, не стесняйся, Макс! - Виктор Данилович подвинул бутерброд поближе к американцу. - А то опьянеешь ненароком! Ты на какой машине баранку крутил? «Студебеккере»?

- Да, нет, - оживился Макс. - На «Джимме». «Студебеккеры», в основном, союзникам по лендлизу поставлялись. «Джимми» - отличная машина! Рабочая лошадка войны. И грузы перевозил, и людей, и даже тягачом для легкой полевой артиллерии мог служить.

- «Джимми»! А как же, слышал! - Виктор Данилович даже подпрыгнул на кресле. - Редко, но попадались! Не поверишь! У нас на них даже реактивные минометы БМ-13 монтировали!

- Правда?! Вот здорово! - восхитился Макс.

Они опять замолчали. Виктор Данилович вертел в руке ста-

кан и даже иногда рассматривал его на свет. Потом спросил, медленно роняя слова:

- Так что же насчет Дня Победы? А, Макс? Что молчишь? Не хочется вспоминать? Это правда, сейчас страшно назад оглянуться. Сердце надрывается. А тогда смерть среди смертей не так заметна была. Ну, что ж, давай я начну... – Виктор Данилович повернул голову и устремил взгляд в окно. - Я, знаешь, в то время был в самоходном полку. Мы в Линце стояли. Говорят, родина Гитлера. Черт его знает! Помню, оттуда даже горы были видны, Альпы. Наши захватили тогда уйму немецких автомобилей - грузовых и всяких. И по всем полкам дали распоряжение - посылайте людей, забирайте машины, какие вам нужны. Послали меня. Ну, я приезжаю к замкомандиру батальона по ремонту. Он организовывал это дело – машины передавать. Ну, так вот, захожу, а у него ваши - американцы сидят. Перешли с той стороны реки и собираются с нашими пить. Принесли немецкую трофейную бочку спирта. Так этот замкомандира говорит мне: «Да брось ты эти машины! Садись, давай по кружке с союзниками выпьем. Потом за машинами поедешь». А я ему говорю: «Если я выпью, охмелею и ничего толкового выбрать не смогу. Лучше я сначала поеду - выберу, а потом приду и с вами да с американцами выпью». Ну, поехал, выбрал машину. Приезжаю обратно. Слышу крик, шум. Вбегаю, а там ребята валяются, пена изо рта идет, некоторые совсем уже дошли. Другие ослепли и ничего не видят. Они, оказывается, бочку антифриза немецкого нашли и подумали, что это спирт. Напились этого антифриза и начали помирать. Двадцать наших погибли и двадцать американцев. Поровну Б-гу душу отдали! И это в день Победы! – Виктор Данилович взглянул в лицо американцу. - Вот такое дело, браток!... Были смерти геройские, а были так, ни за что. За глупость. Обрадовались - войне конец. Бдительность потеряли. А что взять - мальчишки! Там и друг мой, Коля Марков, танкист, помер! Ему всего-то девятнадцать годков стукнуло. А этого замкомандира потом разжаловали, судили, отправили куда-то, - Виктор Данилович замолчал. Склонил голову низко над столом и не произнес больше ни слова.

- А меня в тот день мой «Джимми» в первый и последний раз за всю войну подвел, - медленно, с расстановкой проговорил Макс. - Сломался на подъезде к Линцу. Мотор заглох намертво. Я под капот залез, туда - сюда. Вроде все в порядке. А «Джимми» стоит, как мертвый, ни с места. Сколько времени я с ним провозился неизвестно. Уже и не знал, что делать. Снова залез в кабину. Чертыхнулся. Повернул ключ, и тут «Джимми», мой родной, вдруг затарахтел! Приехали мы на встречу с русскими. А там - все мертвы уже - и наши, и ваши. А ведь у меня десять ребят в кузове сидело!

- Вот видишь, Макс, как судьба по-разному поворачивает. Твой «Джимми» целых десять жизней спас, - раздумчиво произнес Виктор Данилович.

- Одиннадцать, - ткнув пальцем себя в грудь, поправил его американец.

- Тем более! За это не грех и выпить по полному! - Виктор Данилович снова налил из пузатой бутылки в стаканчики прозрачной жидкости.

Они дружно, в один присест опрокинули по полному стаканчику.

- У-у, елки-палки! Крэпкая! - просипел американец и расмеялся.

Виктор Данилович поднялся с кресла. В одной руке у него был зажат бутерброд с одесской полукопченой. В другой - пустой стакан. Лицо его налилось кровью. На шее вздулись жилы. Натуженным голосом он громко провозгласил:

- Товарищи бойцы! Объявляется концерт! Исполняется «Песенка фронтового шофера»! Музыка Мокроусова. Слова... - Эх, черт, забыл! - Виктор Данилович недовольно мотнул головой и продолжил. - Исполнитель - водитель-механик самоходного батальона, младший лейтенант Виктор Квитков! Поприветствуем, товарищи!

Макс Рубин, непостижимым образом, понял, что он должен делать. Он лихо, набок натянул бейсболку «Атлантик-Сити» и захлопал, часто и громко, с силой ударяя одной ладонью о другую.

Виктор Данилович низко раскланялся во все стороны. Окну,

шкафу и, персонально, - Макс Рубину. Откашлявшись негромко в кулак, Виктор Данилович приосанился и затынул высоким, тонким голосом:

Эх, путь-дорожка, фронтовая,
Не страшна нам бомбежка любая!...

Когда он закончил, Макс Рубин вскочил с кресла, сорвал бейсболку с головы и подбросил ее к потолку. Потом еще и еще. Затем сложил два пальца кружком, засунул их в рот и свистнул пронзительно и залихватски.

Отвесив благодарный поклон, Виктор Данилович с размаху плюхнулся в кресло и проговорил, тяжело дыша и отдуваясь:

- Ну, Макс, давай по последней, на посошок!

На этот раз Макс Рубин сам аккуратно наполнил стаканчики. Они подняли их высоко и чокнулись крепко, не боясь пролить содержимого.

- А все-таки мы выиграли эту проклятую войну! - Как-то ожесточенно, с напором, словно доказывая кому-то, - проговорил он.

- Вот тут я с тобой не согласен, браток! - рассмеялся Виктор Данилович. - Выигрыш - он здесь, в кошельке, - и он похлопал себя по карману. - А то была Победа! Наша Победа!

ДЕД ФИЛИМОН

Началась война, и все мужики деревни Свинцово ушли на фронт. Остался один дед Филимон. Ему было уже за восемьдесят, а таких стариков в армию не брали. Жена его, Степанида, умерла, а дети перед самой войной перебрались в Москву. Они звали Филимона с собой, но он остался в Свинцове.

В 1941 году немцы заняли Свинцово. Они врываются в избы, вышибая ногами двери: «Яйки, млеко есть?» - бабы в страхе мотали головами. Солдаты продолжали допрашивать: «Клопи есть?» Не добившись толку, они отобрали у деревенских жителей кур и заперли их в колхозный курятник.

Штаб расположился в сельсовете, сельский клуб превратили в казарму. Чтобы в курятнике был порядок, а куры и яйца

- в сохранности, немцы решили назначить сторожа. Дед Филимон жил один и казался самой подходящей кандидатурой. Деревенским бабам немцы не доверяли - почти у всех были малые ребятишки, а матери будут таскать яйца детям, несмотря ни на какие угрозы.

Целыми днями с утра до вечера Филимон толкался возле курятника и внутри. Кур кормил, убирался, яйца собирал и немцам на кухню относил. А вечером запирали курятник на увесистый замок и шел домой спать.

С приходом немцев для деревенских наступили плохие времена. Бабы с ребятишками бедствовали, голодали. Без кур, да яиц детишек кормить было почти нечем. Все отобрали гитлеровские солдаты. Осталась одна картошка в погребе, да корова на скотном дворе, и то каждый день надо было часть молока отдавать немцам.

Но фашисты плохо знали деда Филимона. А если бы узнали о нем побольше – близко бы не подпустили к курятнику. Филимон был героем русско-турецкой войны, бесстрашным гренадером. В 1877 году гренадеры русской армии в кровавых сражениях на перевале Шипка отразили яростные атаки турецких войск Сулеймана-паши. В гренадеры отбирали солдат высокого роста, обладающих недюжинной силой, проявивших в боях мужество, смелость и отвагу. А Филимон по молодости и подковы разгибал и даже однажды медведя в лесу завалил. Не было в характере деда Филимона привычки сдаваться врагу.

Неудивительно, что прошло совсем немного времени, и как-то поздно вечером дед Филимон постучался в избу Фроси Соколовой. У Фроси было четверо детей, старшему восемь лет недавно исполнилось. Ребятишки уже спали. Дед тихо вошел в избу и приблизился к столу возле печки. Он взглянул Фросе строго в глаза и приложил палец к губам в знак молчания. Полез в глубокий карман широченных штанов, вытащил рябую курицу с переломанной шеей и сунул Фросе в руки. Потом опустил руку в другой карман, осторожно вынул четыре яйца и сложил в деревянную миску, стоящую на столе. Фрося прижала к себе рябую курицу, рухнула на лавку и, зажав рот

рукой, заплакала. Судорожные рыдания сотрясали ее плечи. Дед похлопал Фросю громадной ручищей по спине и, не произнеся ни слова, вышел из избы и скрылся в ночи.

Так началась подпольная сторожевая служба деда Филимона. Рискуя своей головой, старик помогал всем. Начал с самых бедных и многодетных, а потом каждая семья стала получать регулярно и кур, и яйца.

К этому времени в непроходимых смоленских лесах появились партизаны. Бабушка пятнадцатилетнего Толика Петрова жила в Прасковке – деревне приютившейся на самой опушке леса. Парнишка часто навещал старушку и, не вызывая у немцев подозрений, стал носить кур и другую еду партизанам.

Немцы пока ни о чем не догадывались. Каждый день Филимон являлся на кухню с полной корзиной отборных яиц. «Зер гут!» – говорил повар, забирая яйца. Случалось, немцы приказывали принести кур, и дед исправно откручивал головы несколькими пеструшкам.

В 1942 году ситуация на фронте стала меняться, и через партизан в деревне узнали, что Красная армия отбила фашистов от Москвы и начала контрнаступление. Партизаны нападали на эшелоны, склады оружия, патрули – не давали немцам покоя, изматывали бесконечными вылазками.

И вот в апреле в немецком штабе решили, для того, чтобы поднять боевой дух солдат, нужно отпраздновать в Свинцове день рождения Гитлера. Накануне офицер приказал привести Филимона.

- Ты, дед, встанешь на эту вот скамейку, - немец показал пальцем на лавку у забора и крикнешь: «Хайль Гитлер!» Громко крикнешь! Фирштейн? Понял? Вот тебе для храбрости! – немец схватил со скамьи бутылку водки. - Вы, русские – все пьяницы! Только на это и способны, свиньи! – он ткнул Филимона бутылкой в плечо, и злая, презрительная усмешка искривила его тонкие губы. - Ну?! Что молчишь, свинья?! Язык проглотил? Отвечай! - Дед, молча, кивнул седой, взлохмаченной головой. - Смотри – не сделаешь, как я сказал - будет тебе КАПУТ! – немец провел ладонью по горлу и показал, как вздернут деда на первом же суку.

Закончив речь, он повернулся спиной и развинченной походкой направился к штабу. На следующий день солдаты прикладами сгоняли к штабу перепуганных баб. На деревенской площади немцы уже выстроились в торжественную шеренгу.

Бабы сбились в кучку в сторонке и с ужасом смотрели на громадную фигуру своего бесстрашного кормильца - деда Филимона. Он стоял у скамьи и был так пьян, что едва держался на ногах. Никто никогда его не видел таким. Старый полушубок – нараспашку. Под ним никакой рубахи – одно исподнее. Широленные штаны заправлены в заплатанные валенки. Дед шатался из стороны в сторону. Копна седых волос развевалась на ветру, спутанная борода спускалась лопатой на грудь.

Офицер встал навтыжку перед своим подразделением и звинченным голосом выкрикнул:

- Сегодня у нас великий день! День рождения великого фюрера! Да здравствует великая Германия! Да здравствует фюрер!

- Хайль Гитлер! – немцы вскинули руки в фашистском приветствии.

Офицер подошел к качающемуся Филимону и кивнул на скамейку. Почувствовав запах спиртного прошипел: «Руссиш швайн!» «Русская свинья!». Дед с трудом взобрался на скамью. Долго не мог выпрямиться - сидел на корточках, уставившись в землю. «Шнеллер!» «Быстрее!» - сквозь зубы выдавил офицер. Дед, наконец, смог подняться и встал – громадный, как памятник на пьедестале. Обвел всех грозным взглядом. Потом повернулся к кучке прижавшихся друг к другу баб.

- Гитлер КАПУТ!!! – раздался громовой голос, прозвучавший, как пушечный выстрел. – КАПУТ! - выкрикнул Филимон еще раз и свалился со скамьи. Он со всего размаха ударился головой о землю и распластался у лавки без движения.

Ночью Филимон очнулся в избе у Фроси. Старший сынишка, Ваня, вытирал ему лоб мокрой тряпкой. Фрося стояла у стола и собирала в узелок хлеб, картошку и сваренные вкрутую яйца.

- Тебе, Филимон, к партизанам надо уходить. – проговорила она тихо. - Ждать нечего. Немцы тебе не простят – повесят, не посмотрят, что старик! Сейчас Толик придет - он тебя проводит.

Дед поднялся, ощупал голову – цела.

В дверь постучали, Фрося спросила:

- Кто?

- Это я, тетя Фрося!

Толик вошел в избу, но проходить не стал:

- Пойдемте, дедушка, - сказал он, обращаясь к Филимону. - Дорога не близкая, а скоро рассвет.

- Пошли, сынок!

- Прощай, Фрося! Авось свидимся еще!

- Прощай, Филимон, спасибо за все! – и женщина обняла старика.

Дед с Толиком скрылись в непроглядной тьме. Фрося вернулась в избу и увидела на столе яйца – Филимон не взял их.

Катя рассматривала семейный альбом, заполненный старыми черно-белыми и новыми цветными фотографиями. Дочка Маша стояла рядом. Маша взяла из рук матери фотокарточку:

- Мама, кто это?

На снимке на аллее парка возле скамейки стоял огромного роста широкоплечий старик в темном костюме и светлой, отороченной черной лентой шляпе, фасонисто сдвинутой набок. Красивое, с крупными чертами лицо обрамляла окладистая белоснежная борода. Пышные усы аккуратно пострижены. Глаза смотрели в объектив фотоаппарата с насмешливым прищуром. Старик упирался в землю крепко зажатой в руке толстой палкой, выглядевшей не как принадлежность немощной старости, а скорее, как некое удобное оружие, которое в случае необходимости всегда под рукой.

- Это – мой прадедушка, а твой прапрадедушка.

- А как его зовут?

- Филимон Громов.

- Какой большой! А ты его видела?

- Да, Машенька, - Катя улыбнулась. - Мне посчастливилось застать его в живых. Он дожил до ста четырех лет!

- Здорово! Расскажи мне о нем, мама!...

ЧЕРНЫЙ КОЛОДЕЦ

В Васильевку в тот день мы попали совершенно случайно. Еще накануне вечером было решено пойти искупаться на Угру.

Дни установились теплые, солнечные, и было жаль упустить возможность поплавать и позагорать на берегу нашей любимой реки.

Проснувшись рано утром, я спрыгнула с кровати и подбежала к окну.

Все небо было затянуто хмурыми, серыми облаками. Постепенно они сгустились в тяжелые, низкие тучи и зависли над округой, почти касаясь верхушек деревьев.

Стало тихо. Птицы умолкли. Куры с цыплятами спрятались под навес. Деревенские собаки прекратили свою обычную перебранку и свернулись калачиками возле изб, прикрыв носы пушистыми хвостами. Все застыло в предгрозовом оцепенении.

Нина вышла на крыльцо, тут же вернулась и, покачав головой, сказала:

- Ну, что ж, девочки, на Угру мы сегодня, кажется, не пойдем! Ливень собирается!

Мы горестно заныли и застонали. Валя с размаху упала на кровать так, что подушки подпрыгнули, и жалобно заскулила тонким, щенячьим голоском. А я, обиженно надувшись, села на лавку и стала снова смотреть в окно.

Земля была еще светлая, но свинцовые тучи медленно покрывали ее ночной тьмой. Скоро мрак поглотил и солнце, и небо. Где-то далеко - далеко на горизонте полыхали зарницы. Страшная буря казалась неминуема.

И вдруг, неизвестно откуда, налетел сильный, порывистый ветер. Он раскачал вершины высоких деревьев, разметал по дороге пучки соломы и сена, взлохматил хвосты лежащим у плетней собакам. С громким стуком захлопнулось окно.

Яростным вихрем ветер взметнулся вверх, поднимая столбы пыли, набросился на нависшие тучи и стал разрывать их на клочки.

Освобожденные ветром, лучи солнца острыми золотыми стрелами пронзили лиловую тьму. Синее небо проглянуло между посветлевшими облаками. Гроза унеслась куда-то, не проронив ни капли влаги, и ясный летний день вернулся на землю после короткой черной ночи.

- Ну вот, а мы никуда не пошли! А дождя-то и не было! - сказала Валя и села на лавку рядом со мной, грустно подперев щеку кулачком.

Вдруг она толкнула меня в бок:

- Смотри, Кать, почтальонша, Надя, к нам идет!

И, правда, кудрявая и черноглазая Надюша в светлом платье, высоких резиновых сапогах и темной жакетке подходила к нашей избе. На плече она несла тяжелую кожаную сумку.

Раздался стук в дверь.

- Нина, к нам почтальонша пришла! - в два голоса прокричали мы.

Нина вышла в сени.

- Здравствуйте, Нина Петровна!

- Здравствуй, Надюша! Проходи!

- А дядя Миша дома?

- Да нет. Он в поле с утра. А что такое?

- Ему депеша срочная из райцентра. А где он работает?

- Да они сегодня в Васильевке. Сено собирать помогают.

- Так он в Васильевке?! - Надюша была явно расстроена. - А я только оттуда иду! Я и не знала, что он там со своей бригадой! Что же делать? Мне сегодня еще две срочные депеши доставить надо! И письма я у вас в деревне еще не разносила!

Нине стало жалко молоденькую почтальоншу:

- Ну, ладно, Надюша, давай депешу сюда. Я отнесу её дяде Мише в Васильевку. У нас все равно день пропащий. На Угру купаться не пошли. Дома остались. Думали, гроза будет.

- Ой, спасибо, Нина Петровна! Вы меня так выручили! Не знаю, как вас и благодарить!

- Письмами расплатишься! - пошутила Нина.

Надя достала из сумки и протянула ей депешу, потом дала расписаться на каком-то листочке, попрощалась с нами и поспешила на улицу разносить по домам письма и газеты.

Нина начала быстро собираться в дорогу, взяла свою городскую сумочку, положила в неё депешу; пошла в сени, вынула из-под лавки чёрный зонтик, вернулась в избу и неожиданно обнаружила нас, стоящих по стойке «смирно» и преданно смотрящих ей в глаза.

- Можно мы тоже пойдем? А? Тетя Нина?! - завела речь Валя.

- Нам будет скучно без тебя! - поддержала я подружку.

К нашему удивлению, Нина возражать не стала.

И вот мы шли по Васильевке, пытаюсь найти кого-нибудь, кто бы знал, где мы можем найти дядю Мишу.

Наконец, пройдя почти полдеревни, мы увидели Марусю. Она процеживала парное молоко. Держа на весу и слегка наклонив большое цинковое ведро, Маруся аккуратно переливала молоко в вместительный бидон с широким, перевязанным марлей горлом. Упругая, пенистая струя, тихо шипела и пузырилась, исчезая в глубине бидона.

Заметив нас, Маруся поставила ведро на крыльцо.

- Здравствуйте, здравствуйте, гости дорогие! Заходите! Милости просим! - приветливо проговорила она, широко отворив дверь в избу.

Нина попыталась отговориться:

- Да мы спешим очень, Маруся! Нам депешу срочную дяде Мише нужно доставить! Ты, случайно, не знаешь, где он?

Но Маруся, почти с обидой возразила:

- Как же так?! Мимо проходить и даже на минутку не зайти! Нехорошо! - и, улыбнувшись, добавила - Депеша ваша уже, можно сказать, по назначению дошла! Пойдемте, я вам молочка парного налью!

Делать было нечего, и мы вошли в избу. Всё здесь блистало чистотой и уютом: светлый деревянный пол тщательно выскоблен, на окнах висели белоснежные, отделанные кружевом, занавески, стол покрыт красивой городской клеёнкой - розовой, в синий цветочек. Посреди избы висела люлька, прикрытая лёгким ситцевым пологом. Мы тихонько, на цыпочках

подошли к люльке, раздвинули занавеску и заглянули внутрь. Там, сладко посапывая, спал Марусин сын, Тимофей, такой же краснощекий и русоголовый, как его мама.

- Не бойтесь! Когда он спит, его и пушкой не разбудишь! - сказала Маруся, с нежностью смотря на сына.

- Большой уже! - прошептала Нина и осторожно завесила люльку пологом.

Мы подошли к столу, и Маруся налила нам в высокие алюминиевые кружки парного молока.

Мы медленно пили густое, с едва уловимым коровьим запахом, молоко, а Нина, тем временем, расспрашивала Марусю:

- А Степан где?

- В Вязьму уехал. Инструмент новый получать.

Степан, Марусин муж, был бригадиром плотников. До войны, будучи совсем молоденьким парнишкой он работал в колхозных мастерских, помогал отцу. Однажды, во время ремонта техники, случилась авария, и ему оторвало правую руку выше локтя. Другой бы на его месте загоревал, запил, но Степан не отчаялся. Он научился управляться одной рукой, да так умело, что все в деревне диву давались.

Избу в Васильевке он сам срубил, и крышу чинил, и забор ставил. А наличники на окнах были вырезаны такими замысловатыми узорами, какие и двумя руками не каждый мастер сделает.

- А как Володя? Пишет часто? - продолжала расспрашивать Нина.

Володя, старший сын Степана и Маруси, учился в сельскохозяйственном техникуме в Смоленске.

Маруся с гордостью в голосе ответила:

- Да! Скоро практику заканчивает. Тогда и домой приедет на каникулы. Уж мы его ждем, не дождемся!

- Замечательно! - сказала Нина, ставя на стол пустую кружку. - Молоко у тебя до чего вкусное, Маруся! Спасибо! - и заторопила нас. - Допивайте, девочки, да пойдем. А то нам дядю Мишу найти ещё надо.

- Я вам сейчас покажу, где его бригада работает, - сказала Маруся. Она поправила тяжелые косы, сложенные пучком на

затылке, и вышла с нами на крыльцо. - Идите через наш огород, так - быстрее, и по тропинке до старой... - Маруся вдруг запнулась, но потом продолжила. - До старой кузницы, а там уже недалеко - увидите.

- Степану от нас привет передавай! - уже на ходу сказала Нина.

- Обязательно! - крикнула нам вслед Маруся.

Мы свернули с дороги и прошли через Марусин огород, усаженный картошкой, огурцами, помидорами, зеленым луком и укропом.

По тропинке, протоптанной за огородами и протянувшейся вдоль всей деревни, мы добрались до старой кузницы и там неожиданно наткнулись на дядю Мишу.

Он стоял под деревом и огрызком карандаша сосредоточенно что-то писал в маленьком блокнотике.

Увидев нас, он очень удивился:

- А вы что здесь делаете?!

- Да вот в почтальоны записались! - рассмеялась Нина. - Срочные депеши разносим.

Она достала из сумочки и отдала дяде Мише вчетверо сложенный листок. Дядя Миша развернул его и стал внимательно читать.

- Что-нибудь важное? - поинтересовалась Нина.

- Да все колхозные дела: совещания да заседания, - объяснил дядя Миша. - Спасибо, что доставили вовремя. Вот видишь, - добавил он, - что здесь написано: «Явка обязательна!».

Он положил депешу в карман.

- Ну, мне в бригаду пора, - заторопился дядя Миша. - А вы что собираетесь делать?

- Домой пойдем, - ответила Нина. - Алена с Шурой уже, наверное, вернулись. Волнуются.

- Обратно идите коротким путем, - посоветовал дядя Миша. - Через Старую Васильевку, - и добавил, как-то странно посмотрев на Нину, - только поосторожней будьте там, у колодца.

- Не волнуйся, дядя Миша! Все будет хорошо! - успокоила его Нина и обняла нас с Валей за плечи.

Мы пошли дальше по той же тропинке. Огороды кончились.

И вот мы уже в самом дальнем конце деревни - в Старой Васильевке.

Мы с Вале́й никогда здесь не были и с удивлением разглядывали заросшие травой, обугленные пепелища. Остатки изб, сгоревших до самого основания.

Между ними, посреди дороги стоял высокий колодец, забитый черными досками.

Мне захотелось посмотреть на него поближе. Я рванулась вперед, Валя - за мной. Но Нина остановила нас, сказав строго:

- Не ходите туда, девочки. Это плохое место. Чёрный колодец!

Мы с недоумением смотрели на неё. Я спросила:

- Почему, Нина? Почему это - плохое место?

Помолчав, она сказала:

- Не хотела я вам говорить об этом. Да, видно, придется.

И Нина рассказала нам такую историю:

- Когда началась война, Степана из-за руки в армию не взяли. Тогда он ушел в партизаны. Сражался с немцами. Был командиром партизанского отряда. Немцы узнали о нем. Пришли в Васильевку, где жена его, Нюра, жила с тремя детьми - старшим - Володей и двумя малышами-погодками - Колей и Светой. Выгнали немцы её на улицу зимой с двумя малыми детьми, и спалили всё дотла. А потом вырвали у неё из рук малышей и бросили в этот колодец. А старшенькому, Володе, удалось спастись. Ещё до прихода немцев, он убежал из дома, и соседи спрятали его в погребе. Потеряв двоих детей, Нюра заболела, слегла и, вскорости, умерла. И похоронили её рядом с могилками её деток - Коли и Светы. Колодец этот проклятый бабы заколотили крепкими досками. А доски эти ни с того, ни с сего вдруг почернели. И с тех пор вот его и называют Чёрным колодцем. Немцев разбили. Война закончилась. Степан вернулся и первое время жил с сынишкой, Володей, у своей сестры в Алексеевке. Горевал страшно. Хотел даже совсем уехать отсюда подальше, в Сибирь завербоваться. Но приехала из Смоленска молоденькая фельдшерица, Маруся, и стала работать в здравпункте. Степан хоть и был калека, но мужчина видный. Вот они и поженились. И решил Степан новую избу в Васильевке срубить, еще лучше прежней. Ведь корни

его здесь. Да и могилы детей и жены, Ньюры, тут, рядом. А Володю они с Марусей вырастили хорошим парнем, помощником, в техникуме учится. Сейчас, видишь, уже и Тимофей у них народился. Жизнь продолжается... - Задумчиво закончила Нина свой рассказ.

Я слушала ее, затаив дыхание. Страх и любопытство боролись во мне. Наконец, я не выдержала и осторожно, мелкими шагами стала подбираться к колодцу. Валя шла за мной, и я слышала за спиной её частое дыхание. Мы подошли к колодцу и, встав на цыпочки, стали смотреть в щели между досками, пытаюсь разглядеть что-то страшное, навеки скрытое в таинственной тьме.

Мне показалось, что где-то далеко-далеко, в бездонной глубине колодца масляно блеснула чёрная вода.

- Ч-черный колодец! – прошептала я зловещим голосом.

- У-у! – ухнула мне прямо в ухо Валя.

- Ой-ой-ой! – заверещала я. Схватила Валью за руку, и мы со всех ног помчались прочь от страшного Черного колодца.

С разбегу мы крепко с двух сторон обняли Нину и прижались к ней.

И она прикрыла нас руками, как бы защищая от прошлого, с которым мы неожиданно встретились на старой деревенской дороге.

**СОЛНЕЧНЫЕ
ВАННЫ**

СОЛНЕЧНЫЕ ВАННЫ

Коров в нашей Алексеевке было предостаточно – почитай, в каждом дворе по буренке, еще беспокойных овец штук по шесть-семь, да телят несколько.

Вот и набиралось порядочное стадо. А что за стадо без пастуха? Мычашее, блеющее, потерянное сборище скотины. А с пастухом – наоборот, все спокойно, по порядку. Утром – выгон, целый день – кормление на раздольных лугах, а под вечер – степенное возвращение по домам.

Пастух в Алексеевке был замечательный. Звали его Ерофеич. Росточка он был небольшого, неприметный – бобыль-бобылем. Серая кепчонка, серая косоворотка, серые штаны, да лапти – своим неизменным нарядом Ерофеич напоминал елку, что неизвестно для чего росла у него в огороде. Только елка еще подрастала, а Ерофеич – уже нет.

Сколько лет было Ерофеичу – тоже оставалось загадкой. Лицо его от постоянного пребывания под открытым небом обветрилось, загрубело. Только глаза остались такими, какими наградила его с рождения мать-природа – голубые, яркие, временами вспыхивающие озорными, веселыми огоньками. Несмотря на внешнюю неказистость, обладал Ерофеич неоценимым для пастуха качеством – необыкновенной властью над всякой животиной.

Утром, бывало, Алена корову из хлева выведет, а та уже почти вприпрыжку скачет на другой конец деревни – к Ерофеичу. И так все: и коровы, и телята, и даже бестолковые овцы. А Ерофеич стоит себе тихонько на бугорке и улыбается своим питомцам небесными, искрящимися глазами.

А вечером, когда стадо домой возвращается, то идет не вразброд, а ровными рядами, почти по-солдатски, в ногу. А как дошагает какая-нибудь буренка до своего двора, так обязательно повернет голову к своему командиру-повелителю, неспешной походочкой идущему позади, и промычит ему протяжное: «Му-у-у». Дескать, вот – благополучно прибыла на место на-

значения. Сейчас – увольнение. А завтра – снова на службу приступить.

И за все время своей пастушеской работы у Ерофеича ни разу не единое животное не пропало, ни одна корова в лесу не заблудилась, ни одна овца в кустах не затерялась, ни один ягненок в овраг не свалился. Оплата труда у Ерофеича была скромная. То есть, как таковых, денег ему совсем не платили, ни копейки. Да у колхозников в то время и денег-то особых не было – одни трудодни. А расплачивалась деревня с пастухом по взаимной договоренности, натурой, а именно – обедами.

Каждый день по очереди Ерофеича кормила какая-нибудь хозяйка. Сегодня – Матрена Залихвотова, завтра – Нюрка Авдеева, послезавтра – Степанида Прохорова – и так всю неделю. Чем в остальное время питался Ерофеич, трудно было сказать. Огородик у него был плохонький – одна сорная трава, да бесполезная елка. Однако, справедливости ради, надо заметить, что посреди всей этой неухоженности и заброшенности росли в огороде у Ерофеича примечательные овощи, не виданные доселе в округе. Это были кабачки. Крепкие, пузатые, они привольно располагались на пустых грядках, подставляя свои бока нежаркому летнему солнцу средней полосы России. Из-за отсутствия конкуренции других овощей, они вырастали до гигантских размеров, а потом исчезали бесследно. Как попало редкое в то время растение в огород Ерофеича, и что с ним делает Ерофеич, каким образом употребляет в пищу, деревенским бабам оставалось только гадать, так как молчаливый Ерофеич распространяться на эту тему не любил.

Когда наступала очередь нашего двора, Алену предстоящее кормление ввергало в панику. В избе поднималась необыкновенная суматоха. Не привыкшая к планомерной готовке – завтрак, обед, ужин, а так: «Поешьте, милые, а бы что!», Алена носилась из погреба в избу со словами: «Ой! Чавой-то надо сготовить! А чаво, я ей Б-гу, не знаю!». Если нам с Ниной не удавалось в этот день смыться пораньше в лес за грибами или за ягодами, Алена принималась мучить вопросами мою тетю: «Нинок! Вот ты все знаешь – в Москве живешь! Посоветуй, чем мне Ерофеича накормить, чтобы перед деревней не осра-

миться. Похлебку, что ли сварить?». Моя тетя хорошо знала Аленину похлебку, поэтому говорила, как всегда уверенно: «Сготовь ты, Алена, лучше щи с салом. Да картошки котелок отвари. Сметану к ней подай. Сметана у тебя хорошая, густая. Укропом все посыпь. Огурчики-помидорчики на стол поставь, лук зеленый. Ну и молоко топленое, конечно, из чугунка налей, да пенки побольше положи».

Алена внимательно слушала, с трудом пытаюсь запомнить непривычно длинный перечень обеденных блюд. После этого, вдохнув для настроения крепкого табачку, привезенного нами, отправлялась кухарить. А мы – я, моя тетя и Аленина внучка, Валя, приехавшая на каникулы из далекого Красноярска, незаметно выскользывали из избы, чтобы ненароком не попасть под горячую кочергу, или не свалиться в незакрытый погреб, и направлялись в лес – принимать солнечные ванны.

Моя тетя каждое лето возила меня в деревню в Алене. Молодая, красивая, бездетная Нина проводила со мной много времени. Не особенно доверяя моим занятым родителям, она считала, что знает лучше, что нужно, чтобы ее племянница росла здоровым, румяным ребенком, а не бледным, хилым, худющим, непрестанно болеющим зимой разными «простудами». А что может быть лучше свежего, целительного деревенского воздуха! Побывав как-то в санатории в Сочи и насытившись вдоволь всякими процедурами, Нина совершенно уверилась в целебной силе солнечных ванн. И взялась ревностно выполнять рекомендации тамошних врачей, найдя в нас с Валею идеальных, послушных пациентов.

Процедура принятия солнечных ванн была несложная. Нужно было раздеться догола, улечься на захваченное из дома широкое байковое одеяло и по команде Нины через каждые пятнадцать минут переворачиваться с бока на спину, со спины – на живот и так далее. При этом голова должна быть всегда защищена от солнца. Этой цели служили для нас с Валею панамки. У меня – красная, у Вали – белая. А Нина привезла с сочинского курорта необъятных размеров широкополую соломенную шляпу, украшенную розовой лентой. С этой шляпой Нина никогда не расставалась, считая, что уже достаточно за-

горела, а избыточный загар только вредит ее красоте.

Крышу санатория в Сочи, приспособленную под солярий, в окрестностях нашей деревни вполне заменила лесная поляна, со всех сторон, как непроходимой изгородью, окруженная густым, колючим кустарником. С мимолетного взгляда никому бы в голову не пришло, что за зелеными, спутанными ветками скрывается не непроходимый бурелом, а ровная, как доска, поляна, похожая на ток, на котором крестьяне молотили зерно. Удивительная поляна сплошь поросла тонкой, шелковистой травой. Ни полевых цветов. Ни мелких кустиков. Ни бугорка. Ни ямки. По ней вполне можно было валяться голышом, чувствуя кожей нежно-щекочущее прикосновение травы. Но Нина по гигиеническим соображениям строго-настрого запретила нам это делать и, сурово нахмутив брови, указывала на голубое, в клеточку байковое одеяло.

Первый раз проход на поляну нашла вездесущая Валя, случайно, в поисках подосиновиков, раздвинув гибкие ветки сросшихся стеной кустов. Нина вслед за нами пробралась на поляну и радостно воскликнула: «Ну, девчата! Место замечательное! Чем вам не солярий?!» Мы с Валей согласно кивали, не вполне понимая, куда клонит моя тетушка.

И вот, на следующий день после открытия «солярия», собираясь в лес, Нина захватила одеяло, пристроила на голову свою величественную шляпу и напомнила нам о наших панамках. В шляпе и с одеялом в руках Нина с трудом протиснулась на поляну и нетерпящим возражения тоном отдала приказ: «Катя! Валя! Раздевайтесь быстренько! Будем принимать солнечные ванны!» И сама тут же моментально скинула с себя сарафан и все, что было под ним.

Вот только тогда мы с Валей и поняли, что солярий – это что-то вроде бани, но без воды. А вместо воды – июльское солнце и ласковый летний ветерок. Ну, а ванна – это, конечно, наше байковое одеяло. Тоже довольно вместительное – достаточное для нас троих и мягкое, как мыльная пена. Не смея перечить, мы с Валей, косясь друг на друга, стесняясь и отводя глаза, медленно снимали с себя нехитрые одежды. Нина торопила нас: «Давайте, девчата, скорее! С утра солнце полезное,

а потом – не очень» - объяснила она.

Мы с Валею даже глаз не могли поднять на Нинино великолепие и, сотрясаясь от неудержимого хихиканья, с размаху шлепнулись на живот, уткнув носы в мягкую травку. Нина не обращала на наши переживания никакого внимания и через пятнадцать минут громким голосом приказала нам перевернуться на спину. Выполняя команду, мы перевернулись. Солнце слепило глаза, и мы дружно сомкнули веки. Никого и ничего уже не было видно. Солнечные лучи гладили нас своими теплыми прикосновениями. Высоко, в ветвях деревьев заливались птицы. Мы слились с чудесной поляной в единое целое, и время остановилось.

Довольно скоро мы привыкли к нашим солнечным ваннам и перестали стесняться, наперегонки сбрасывая одежду, чтобы занять лучшее место – посередине одеяла. И вот сегодня мы спасались в нашем «солярии» от посетившего нашу избу стихийного бедствия, которое называлось - «приготовление обеда для пастуха Ерофеича».

От всех треволений нас надежно защищала стена колючего кустарника. Нина волнистым возвышением расположилась на краю одеяла. Проворная Валя – посередине, рядом со мной. Я лежала на животе, положив голову на скрещенные руки. Я чувствовала – что-то щекочет мою спину. Как будто по ней ползет какая-то букашка. Но я была уверена, что это Валька водит травинкой по моей коже снизу вверх, с нетерпением ожидая, когда я начну извиваться и верещать. Я терпеливо сносила щекочущую пытку, но в конце концов, не выдержала, подняла голову и протянула руку, чтобы схватить Вальку за локоть.

В это мгновение кусты над моей головой раздвинулись, и между ветвями просунулась бело-коричневая коровья морда. Корова с изумлением уставилась на меня, не прерывая при этом ни на секунду меланхоличное жевание. С одного рога коровы незамысловатым украшением свешивалась лесная ромашка, подцепленная буренкой где-то на цветочной поляне. С криком: «Караул! Корова!» - я вскочила на ноги. За мной, с воплем: «Ой, мамочка, спасайтесь!» - вскочила Валя. Мы вдвоем, что есть силы, дернули одеяло, и Нина беспомощно

скатилась на траву. Быстро с разных концов мы с Валею завернулись в него. Почувствовав себя под прикрытием одеяла вполне в безопасности, мы с Валею посмотрели друг на друга и прыснули от смеха. Нина, держа в руке свою любимую шляпу, поднялась с земли. Выражение лица ее было окаменелое. Она, видно, еще не решила, что ей делать – смеяться вместе с нами, или сердиться на нас.

Но в это время послышался хруст веток и с противоположного конца поляны прямо на нас ввалился пастух Ерофеич. Его кнут запутался в кустах. Чертыхаясь, он дернул его изо всех сил. Кнут взвился, изогнулся дугой и щелкнул перед самым Нининым носом. Ерофеич повернул голову, увидел стоящую перед ним обнаженную царственную Нину и остолбенел. Лицо его вспыхнуло и стало медно-красным, как у индейца неизвестного племени. Совершенно растерявшись и не зная, как достойно выбраться из создавшегося положения, Ерофеич выпалил то, что обычно говорят деревенские жители при встрече на лесной дороге:

- Добрый день, Нина Петровна!

Нина тем временем, используя курортную шляпу в качестве некоего соломенного щита, пыталась с ее помощью прикрыть максимальную поверхность обнаженного тела.

- Здравствуй, Ерофеич! – приветливо ответила Нина, наконец, установив шляпу в нужную позицию и загородив ею самые «нежные места». – Это наш солярий, - объяснила она Ерофеичу, свободной рукой обведя поляну. – Мы здесь солнечные ванны принимаем. Они для здоровья очень полезные.

- Ах, так значит, солярий! – в глазах Ерофеича блеснул озорной огонек. – У нас тут в осинниках да березняках таких соляриев тьма-тьмуца! Надо будет бабам деревенским про них рассказать. Пусть тоже здоровье поправляют!

- Ты знаешь, Ерофеич, ты погоди бабам говорить, - протянула Нина, потупив глаза. – Уж лучше я сама им все растолкую, по научному, как меня врачи в санатории учили.

- По научному, конечно, лучше! Ясное дело! – согласился Ерофеич.

Он хотел, было, пройти к заблудившейся корове прямо че-

рез поляну, мимо Нины, но увидев, что пестрая буренка сзади плотоядно взирает на роскошные Нинины формы, замялся. Потом стянул с головы кепку и стал пятиться к тому месту, откуда появился, мелко кланяясь при этом и повторяя:

- Ну, бывайте, Нина Петровна! И вы, девчата! Солярий – дело хорошее, а я в обход пойду. Так вернее будет!

К обеду мы были дома. В избе у Алены было необычно чисто. Полы подметены, стол выскоблен. Ядреный аромат кислых щей щекотал ноздри. На столе были расставлены праздничные эмалированные голубые миски, рядом с ними лежали нарядные, расписные деревянные ложки.

По дороге домой Нина взяла с нас слово, что о происшедшем мы с Валею будем молчать, как рыбы. За это она пообещала нам купить в сельпо килограмм конфет – розовых подушечек с начинкой из яблочного повидла. Мы с радостью согласились. Смолчать нетрудно, а конфеты эти мы очень любили, да и деревенских ребят можно будет ими угостить.

Мы сидели на лавке, а Алена все еще металась по избе, озабоченная последними приготовлениями в обед. Она то и дело выглядывала в окно, не идет ли Ерофеич. Вдруг мы услышали ее удивленный возглас:

- Свят, Свят, Свят! Эй, Нинок! Девчата! Гляньте-ка, что случилось! Никак Ерофеич белены объелся!

Мы дружно носами прилипли к окну.

К избе важной походкой, неторопливо, направлялся Ерофеич. На нем была новая синяя, в тонкую белую полоску косоворотка. Черные штаны, затянутые кожаным ремешком, заправлены в начищенные до блеска сапоги. На руках он гордо нес салатно-зеленый кабачок, размером и формой напоминающий артиллерийский снаряд, какие порой находили в округе деревенские ребята и показывали нам с Валею. От знакомого нам Ерофеича осталась только неизменная серая кепчонка. Но и она была сдвинута на затылок и выглядела щеголеватой. Алена широким шагом направилась в сени – открывать дверь. За ней – мы с Валею.

А Нина осталась сидеть на лавке, теребя в руках соломенную шляпу, украшенную розовой лентой.

ГРИБНОЙ ОСТРОВ

Наступил месяц август. Лето подходило к концу, а с ним и наша деревенская жизнь. Скоро нам с тетей Ниной пора было возвращаться в Москву, а Шуру с ее дочкой, Валею, - в далекий сибирский город - Красноярск.

Дни стояли жаркие, и мы упросили Нину и Шуру в последний раз пойти искупаться на Угру.

Алена, Шурина мать, приготовила нам корзинку с едой. И вот рано утром, захватив с собой легкие одеяла и провизию, мы отправились в дорогу.

От нашей Алексеевки до Полнышева, где протекала Угра, километров пять.

Деревня была пустынна - все уже разошлось по своим делам.

Мы вышли к околице. Крайней была изба пасечника. Тут нам пришлось припустить бегом, пригибаясь к земле и увертываясь от несметного полчища пчел, пулями летавших на пасеку и обратно в поле. Миновав опасное место, мы вышли на пыльный проселок. Дорога прихотливо вилась по берегу безымянной речки, скрытой от нас кустами и высокой травой. Она тоже торопилась к Угре, и до нас доносился мягкий плеск воды на перекатах.

С другой стороны дороги, до самого горизонта простиралось гречишное поле, еще хранившее томный аромат мелких, бледно-розовых цветов.

Мы с Валею шли впереди, взявшись за руки, и стараясь босыми ногами поднять как можно больше пыли.

Нина с Шурой - сзади, занятые бесконечными разговорами о Шуриных родителях, их деревенской жизни, быстро пролетевшем отпуске и, конечно, о нас с Валею.

Солнце было уже высоко, когда за поворотом показалось Полнышево. На крутом берегу Угры, как сказочные теремки, расположились избы с разноцветными резными наличниками на окнах.

Прямой дороги через всю деревню в Полнышеве не было.

Многочисленные тропинки сбегали с высокого берега к реке, переплетаясь и пересекаясь у колодцев и лавочек.

Только одна широкая, хорошо протоптанная дорога шла вдоль Угры. На ней мы и встретили Шуриноного родственника, Ваню. Он жил в Полнышеве и в этом году окончил школу. На плече у Вани была удочка, в руке – ведро с рыбой. Он сердечно улыбался нам:

- Здравствуйте! Купаться пришли?

- Да вот девчата уговорили! В последний раз. Мы ведь скоро уезжаем, - объяснила Шура.

- А хотите, я вас отвезу на грибной остров? - предложил Ваня

- Грибной остров? – в глазах тети блеснул охотничий огонек. Она была большая любительница собирать грибы и отличный знаток грибных мест в окрестных лесах. - А это далеко?

- Нет! Подождите! Я мигом вернусь! Отнесу рыбу и лодку пригоню.

- Очень хорошо! Приходи, - сказала Нина. - А мы пока искупаемся и перекусим. А то девочки устали – дорога-то к вам неблизкая!

Ваня побежал по тропинке вверх к деревне. А мы повернули к Угре, и через несколько минут уже были в воде.

Мы с Валею визжали и брызгались недалеко от берега, а Шура с Ниной степенно плавали до середины реки и обратно.

Мне было двенадцать лет, а Вале – на год меньше. Моя тетя уже давно научила меня плавать, но в Угре далеко заплывать не разрешала.

У этой, спокойной с виду красавицы, нрав был крутой, а течение ближе к середине - быстрое и сильное. Вода плотно обхватывала тело, держала крепко, тащила в глубину, и стоило больших усилий вырваться из ее крепких объятий и вернуться к берегу.

Искупавшись, мы расстелили на берегу одеяла и поставили на них корзинку с провизией. Из корзинки были извлечены большая бутылка молока, краюха хлеба, сваренные вкрутую яйца, огурцы, зеленый лук.

Нина высыпала из пакета сладкое московское печенье и ма-

ковые сухари, и еще в бумажном кульке розовые конфеты - подушечки, слипшиеся от жары в сладкую шишку.

Вернулся Ваня. Сел рядом. Мы хором стали угощать его печеньем, сухарями. Разломали и конфетную шишку. Засунули за щеку по подушечке, положили одеяла в опустевшую корзинку и направились к реке.

Там, в кустах уже покачивалась лодка, на дне которой лежали два длинных шеста. С помощью Вани осторожно забрались в лодку. Он сильно оттолкнулся шестом от берега, и мы поплыли. Шура взяла второй шест и стала помогать Ване управляться с лодкой, медленнодвигающейся против течения.

Мы проплывали мимо заросших зеленью островов и островков, склизких камней и упавших в воду стволов деревьев.

«Где же этот грибной остров?» - старались мы угадать.

Наконец Ваня радостно объявил:

- Приехали!

Он приподнял длинные ветки склоненного к воде дерева, и мы очутились в крохотной бухточке, совершенно скрытой от людских глаз густой листвой.

Причалив лодку, выбрались на берег, прошли немного вглубь острова и остановились как вкопанные. Вся земля перед нами была сплошь покрыта грибами! Тесными хороводами они окружали стволы высоких деревьев, забирались под раскидистые кусты, мохнатыми шапками покрывали старые пни.

Белые, подберезовики, подосиновики, опенки, лисички – самые разные – они мирно сосуществовали друг с другом, разноцветным лоскутным одеялом застелив весь остров. Это было настоящее грибное царство, надежно защищенное рекой и непроходимыми колючими кустами, окружавшими остров.

Мы дружно бросились собирать грибы, но присмотревшись внимательно, тут же побросали их на землю. Все они были червивые, даже совсем молоденькие! Невостребованные людьми, они пожирались жадными червяками.

- Собирайте по краям - там хорошие! - посоветовал Ваня.

Мы разбрелись по острову, и вот скоро все наполнилось отборными грибами – корзинка, моя косынка, Валина панамка и даже одеяла!

Пора было возвращаться. Попрощавшись с чудесным островом, мы отправились в обратный путь. По течению плыть было легче. Угра помогала нам. Ваня, улыбаясь, управлялся с шестом, а Нина с Шурой затянули свою любимую песню.

Мы с Валею, опустив руки в воду, пытались поймать увертливых рыбок или ухватиться за ветки низко склонившихся к воде деревьев.

Вот и Полнышево! Мы поблагодарили Ваню и, крепко обняв его на прощание, поспешили домой.

Теперь Нина с Шурой шли впереди, а мы с Валею, нагруженные грибами, тащились сзади.

- Поторапливайтесь, девчата! Алена уже картошку отварила, и молоко топленое в печке стоит - нас ждет! - расписывала Нина.

Приободренные ожидавшим нас ужином, мы прибавили шаг. Уже у самой деревни Шура вдруг остановилась и сказала:

- А Ваня -то скоро в город уезжает. На инженера будет учиться!

- Никогда мы больше не увидим грибной остров! - прошептала Валя и крепко сжала мне руку.

ПОДОСИНОВИКИ

Если надоест вам собирать подберезовики, белые, лисички, да маслята, и затоскует душа по красноголовым подосиновикам, то любой в нашей Алексеевке скажет, что лучшего места, чем осиновый лесок возле Васильевки, не найти. Да где и расти этим румяным крепышам, как не под родными осинами, ведь от них они и имя свое получили.

Васильевка от нас совсем близко – рукой подать. И хотя утро было уже не раннее, моя тетушка Нина уверенно заявила, что для сбора подосиновиков – время самое подходящее. Я очень обрадовалась - для меня в лес пойти – одно удовольствие. Валя, моя подруга, тоже приехавшая в деревню на каникулы, стала просить Нину взять и ее с нами по грибы.

Мы стали собираться. Я натянула на голову любимую красную панамку, Валя завязала под подбородком белую, в синий го-

рошек косынку. Нина выбрала в сенях плетеные лукошки: себе – большое, нам с Валею – поменьше. Мы вышли из дома и по утренней деревенской улице направились в сторону Васильевки.

Не прошли мы и двух домов, как встретили деда Мироныча. Кряхтя и охая, он поправлял повалившийся плетень. Увидев нас, обрадовался поводу разогнуть спину.

- День добрый, Нина Петровна! Здорово, девчата! Никак по грибы собрались? - Мироныч не спрашивал нас: «куда». По старой деревенской примете, задавать такой вопрос значило лишать намеченное дело всякой удачи.

- Да вот, за подосиновиками решили пойти. - объяснила Нина, - Нынешним летом еще не собирали.

- Ясно! - понимающе проговорил Мироныч, - Подосиновик – гриб стоящий. По крепости белому не уступит, а по одежде - так даже и наряднее будет. Ну, что ж – в добрый час!

- Спасибо, дедушка Мироныч! – ответили мы все втроем и зашагали дальше по деревне.

У самой околицы нас догнала телега. На ней сидел деревенский конюх, Кузьма.

- Тпру-у! - натянул он вожжи, поравнявшись с нами.

- Далеко путь держите? - поинтересовался Кузьма.

- К Васильевке направляемся, - ответила Нина и ласково погладила запряженного в телегу Буяна.

- Ну что, Буян, хлеба хочешь? - Нина достала из кармана кусочек хлеба.

- Нина, можно я его покормлю? - попросила я тетю.

- Конечно! - согласилась она.

Я подошла к Буяну и протянула ему хлеб. Буян осторожно, мягко, одними губами захватил хлеб, показал на мгновение желтые страшные зубы, и смешно фыркнул на меня, широко раздувая ноздри. Подошла Валя и потрепала его пушистую рыжеватую челку, а конь косил на нее горячими, черными глазами.

- К Васильевке, говоришь? Ну что ж! Это мне по дороге. Садитесь, барышни! - пригласил нас Кузьма, - Я вас до самого мосточка довезу. Чего зря ноги-то отбивать!

- Ой, спасибо, Кузьма! – обрадовалась Нина и разместилась рядом с ним на телеге.

А мы с Валею сели сзади, свесили ноги между колесами и угнездились поудобнее на колючей, нагретой солнцем соломе.

- Ну, поехали! – Кузьма дернул вожжи, и Буян неторопливо покотил нашу телегу по пустынной проселочной дороге.

Сразу за деревней был маковый луг. Мы с Валею часто бежали сюда собирать созревшие маковые коробочки. Усевшись на обочине, высыпали зернышки на ладони, жевали сладковатую кашицу и любовались яркими маками, огненными язычками пламеневшими среди зеленой, шелковистой травы. За лугом показалось гречишное поле. Кузьма подстегнул Буяна кнутом:

- Ну, пошевеливайся!

Но Буян даже ухом не повел, а продолжал, всё также не спеша, катить нашу телегу, задумчиво помахивая светлым, облепленным репейниками хвостом. Скоро мы миновали гречишное поле. Заросли плакучих ив приблизились вплотную к дороге.

- Тпру-у! - Кузьма натянул вожжи, - Вот и Васильевка. Приехали!

Телега остановилась. Мы спрыгнули, отряхнули прилипшую к ногам солому, взяли лукошки, поблагодарили Кузьму.

- До свиданья! - крикнул он нам, отъезжая.

А Буян, устало прикрыв глаза, покивал нам на прощанье головой.

Они уехали, а мы по узкой тропинке направились к Васильевке. Это была большая деревня, привольно расположившаяся на берегу той же самой речки, что и Алексеевка, только выше по течению. Удивительно было, что, протекая через нашу деревню, речка походила больше на бурливый, узкий ручеек. А возле Васильевки разливалась в широкую полноводную реку. Вот ее нам и предстояло перейти.

Чем ближе мы подходили к воде, тем сильнее мое сердце сжималось от страха. Я очень боялась высоты. И хотя я тщательно скрывала это, Валя, видно, догадалась обо всем, и шла за мной, ехидно хихикая.

По правде говоря, было чего бояться. Мостик через реку был шириной всего в одну доску, а вместо перил - толстая канатная веревка, протянутая от одного берега к другому .

Нина перешла первая и стояла на противоположном берегу, ожидая нас. Стараясь не подавать вида, что мне страшно, я решительно шагнула на мостик и пошла по нему, скользя, как на коньках, не отрывая ступней от доски. От каждого шага мостик покачивался, и я чувствовала себя на нем, как канатоходец под куполом цирка. Внезапно мостик резко качнулся. Я судорожно вцепилась в веревку, причитая плачущим голосом:

- Ой, мамочка! Ой, мамочка!

Оглянувшись, я увидела, что это вредная Валька нарочно раскачивает мостик из стороны в сторону. Увидев мое побледневшее лицо, Нина сердито крикнула:

- Валя, перестань сейчас же! Не то я тебя никогда больше с собой не возьму!

Угроза подействовала. Мостик перестал качаться. И я, а потом и Валя благополучно перебрались на другой берег. Валя, желая помириться, пыталась взять за руку, но я, надувшись, вырывалась, повторяя обиженно:

- Отстань от меня! Слышишь!

Но упрямая Валя не отставала. Она выбежала вперед и стала выделывать разные смешные рожицы: косить глаза, высовывать язык. Наконец, я не выдержала и рассмеялась. Валя обрадовалась, схватила меня за руку и не выпускала, боясь, что я снова надуюсь.

Возле Васильевки мы свернули на извилистую лесную тропинку и скоро оказались среди высоких стройных осин. Теплый ветер шевелил их пышные кроны, и серебристые листочки трепетали от малейшего дуновения.

Внизу под деревьями земля была покрыта высокой мягкой травой, смешанной с полевыми цветами: колокольчиками, ромашками, незабудками. На солнечных полянах росли яркие желто-фиолетовые цветы иван-да-марьи. Мы с Валею долго спорили, какая часть цветка - Иван, а какая - Марья. Я считала, что желтая - это Марья, а фиолетовая - Иван.

- Фиолетовый цвет красивее, - убеждала меня Валя, - значит- это Марья!

Так и не решив наш спор, мы занялись сбором грибов, заглядывая под кусты и раздвигая руками высокую траву. По-

досиновики попадались часто и самые разные: молоденькие - с плотной шляпкой колпачком, облегающей крепкую ножку; постарше - со шляпкой колокольчиком; совсем взрослые – с круглой юбочкой на высокой белой, в сетке тёмных чешуек ножке; и, наконец, - старые, перезревшие, с дряблой, зеленоватой мякотью, изъеденной червями. А окрашены они были всеми тонами осенних осиновых листьев - от светлого желтого и ярко-красного до красно-коричневого и совсем темного, почти бурого. Наши лукошки быстро наполнились. Валя побежала куда-то и вернулась с листьями лопуха, широкими, как зонтики. Мы прикрыли ими сверху грибы от солнца и присели отдохнуть у поваленной сосны. Незнакомая птица звонко цоккала где-то высоко над нашими головами.

Мы стали собираться домой. Нина взвесила в руках мое и Валино лукошки.

- Да, тяжеленные! - сказала она озабоченно и добавила: - Через мостик будем переходить по очереди. Один переберется, и только после этого другой начинает. Понятно? - Нина строго посмотрела на Валию.

- Понятно, - тихо ответила Валя, виновато потупив глаза.

Я согласно кивнула.

Скоро по тропинке мы вышли к мостику. Нина первая перешла реку и встала на другом берегу у самого края доски, чтобы в случае чего протянуть нам на помощь руку.

Следующей направилась через реку я. Я двигалась медленно, крепко держалась за веревку, стараясь не смотреть вниз на зеркальную гладь воды. Тяжелое лукошко оттягивало руку. От напряжения мои ладони стали влажными, панамка съехала набок. Я не спешила и даже, иногда, останавливалась, чтобы дать мостику время успокоиться и перестать качаться. Наконец, я ступила на твердую землю и попала прямо в Нинины объятия.

- Молодец! – похвалила она меня.

Я встала рядом с Ниной и смотрела на Валию, которая уже начала переходить реку. Она шла быстро, почти не смотрела под ноги и только иногда касалась рукой веревки. Вид у Вали был гордый и довольный. Ей осталось пройти по мостику все-

го несколько шагов, как вдруг ее нога соскользнула с доски.

- Ой! – громко вскрикнула Валя, бросила лукошко и обеими руками ухватилась за веревку. Лукошко взлетело вверх, перевернулось в воздухе и, подпрыгнув как мячик, приземлилось в траве у Нининых ног. Грибы красным дождем посыпались в реку. Нина бросилась к Вале, схватила ее за руку и перевела на берег. Валя испуганно уткнулась носом Нине в плечо и, кажет-ся, собиралась заплакать. Но Нина успокоила ее:

- Все хорошо, что хорошо кончается! Эх ты, зайчишка-хватунишка! В следующий раз будь осторожней!

Она взяла нас за руки, и мы спустились к реке. Нина грустным взглядом провожала качающиеся на воде подосиновики. Как настоящий грибник, она не могла не печалиться, видя как добыча буквально уплывает из рук и минует уготованную участь – вариться в большой суповой кастрюле или сушиться на ниточке над горячей печкой.

- И что же нам теперь делать? – обратилась она к нам.

Мы с Валею пожалы плечами. Тогда Нина сказала:

- Принесите-ка сюда наши лукошки.

Мы поднялись на берег и вернулись с тремя лукошками: двумя полными и одним пустым.

- Пойдите и соберите те грибы, что на берег упали, - дала нам Нина новое задание.

Она сняла с лукошек лопуховые листья, свернула их, положила на дно Валиного лукошка и высыпала в него принесенные нами с берега подосиновики. Потом отобрала часть грибов из своего и моего лукошек и положила в Валино. Получилось три полные корзинки. Любуясь своей работой, Нина приговаривала:

- Вот хорошо! Совсем другое дело! А то по деревне пойдем, люди попросят нас подосиновики показать. И что мы им скажем? Что у нас лукошки летают, а грибы плавают. Да?

ЗОЛОТОЙ ПЛЯЖ

Много замечательных островов на Угре – грибных, ягодных, цветочных, а наш с Валею любимый – Золотой пляж.

Добраться до него просто – пешком по воде до самой середины реки. Нина с Шуриой обычно легко соглашались, уговаривать их не приходилось - им тоже нравился Золотой пляж.

Только полнышевские ребята его не больно жаловали – считали баловством, предпочитая для игр низкий, травянистый, пересыпанный мелким песком, берег Угры.

Мы оставили им принесенные из дома мячи, завязали в узелки наши нехитрые пожитки и направились к острову, разгребая воду и высоко поднимая узелки над головой.

Угра в этом месте неглубокая - нам по шею, но течение сильное, поэтому мы шли медленно, каждым шагом преодолевая сопротивление воды.

Добравшись до острова, по скользким камням и корягам мы выбрались на берег, раздвинули густые кусты, и вот он – Золотой пляж! Весь остров состоял из песка – крупного, желтого, тяжелого, золотыми искорками поблескивающего на солнце. Он был совсем непохож на оставленный нами на берегу – белый, легкий, как пыль, речной песок.

Сделав несколько шагов, мы утонули по колено в сыпучем песке, с размаху бросились в его горячие волны, набрали его в ладони, зарылись поглубже в мягкие дюны.

Огромный паук на тонких, высоких ногах важно переполз через мою руку, видно, приняв ее за песчаный холмик, и неторопливо удалился по своим делам.

Перевернувшись на спину, можно увидеть круглый кусочек синего неба, отороченный острыми верхушками деревьев. Он похож на синий глаз, опушенный длинными ресницами.

Мы лежали молча. Не хотелось ни говорить, ни думать, ни двигаться. Золотой пляж заморозил нас своим уединенным покоем, убаюкал в теплых, мягких объятиях.

- Тетя Шура-а! Возвращайтесь! Мама самовар поставила!

Чай зовет пить! - донесся до нас звонкий Ванин голос.

Постепенно мы освобождались от волшебных чар Золотого пляжа.

- Хорошо-то как здесь! - воскликнула Нина. - Но пора и честь знать. Собирайтесь, девчата, в обратную дорогу.

И вот мы опять медленно побрели по воде к берегу.

На середине пути мы с Валею заговорщицки перемигнулись и начали брызгаться на Шуру с Ниной, звонко шлепая ладонями по воде. Сначала они приняли строгий, рассерженный вид, но скоро не выдержали и, смеясь, стали брызгаться в ответ.

А с берега на нас смотрел Ваня. Он прикрыл глаза ладонью от солнца и широко улыбался.

ЖИВОЙ ВОЛОС

- Что же ты, Митяй, так расколотился-расшумелся?! - сердито выговаривала Егоровна, приоткрыв дверь избы и выглянув на улицу.

Восьмилетний Митяй изо всех сил стучал отцовским молотком по железной подкове, которую он нашел за сараем. Подкову он примостил на круглом камне - как раз напротив избы Егоровны. От каждого удара подкова подпрыгивала то в одну, то в другую сторону, в зависимости от того, по какому концу наносил удары Митяй.

Увидев Егоровну, он перестал колотить молотком, вполне довольный результатом своих стараний.

- А Вовка приехал? - спросил он Егоровну, прищулив один глаз.

- Приехал, - отвечала Егоровна.

- А он когда на улицу выйдет? - поинтересовался Митяй.

- Я скоро выйду! - раздался из избы Вовкин голос.

Не обращая на Вовку внимания, Егоровна решительно проговорила:

- Он завтракает! Молоко парное пьет. Устал с дороги. Как отдохнет, подкрепитя, так и выйдет! А ты, Вовочка - кушай, кушай! Не спеши! - Егоровна повернула голову и обратилась к невидимому Вовке.

После этого скрылась в избе, плотно прикрыв за собой дверь.

Митяй приготовился ждать, присел на пыльную придорожную траву и от нечего делать стал водить подковой по земле вокруг камня. Получалось что-то вроде дороги без начала и конца.

Подошла Нюра - на год младше Митяя, и стала рассматривать строящуюся дорогу, теребя светлую косицу, с завязанным на конце синим бантом.

- Приехал Вовка? - спросила она у Митяя.

- Приехал, - ответил Митяй. - Я еще вчера знал! Егоровна к нам приходила, с отцом о телеге договаривалась.

- А-а, - протянула Нюра и присела на корточки рядом с Митяем, наблюдая, как он подковой превращает дорогу вокруг камня в нечто, похожее на траншею.

Нюра да Митяй - вот и вся компания семи-восьмилеток в деревне. У Митяя, правда, есть младший брат - Федя. Но ему и года не исполнилось, он даже еще не ходил - только ползал по избе, так что в счет не шел.

Поэтому Митяй с нетерпением ждал, когда появится Вовка - он уже третий год приезжал на лето в деревню к своей бабушке - Егоровне. Потому что Нюрка, хотя девчонка и не плохая - не плакса и не ябеда, но все-таки - не товарищ. Да и по возрасту Вовка Митяю больше подходил - ему тоже восемь лет исполнилось. А еще Вовка игрушки интересные из Москвы привозил - паровозы, машины, игры электронные.

Наконец, дверь распахнулась, и на крыльце появился Вовка. Он сильно вырос за прошедший год - наверное, на полголовы стал выше Митяя, не говоря уже о Нюрке. Руки у Вовки были оттопырены и скруглены по бокам колесами, так что он напоминал букву Ф, потому что подмышками он держал две замечательные игрушки - экскаватор и самолет. Красный экскаватор блестел лакированными боками. Качающийся на длинной стреле ковш жадно клацал острыми железными зубьями и был готов врезаться в песок или землю, набрать до краев грунта и отбросить куда-нибудь подальше. И так рыть и рыть, глубже и глубже - может быть даже до центра земли.

Серебристый игрушечный самолет расправил широкие

крылья, с нарисованными на них синими звездами. В кабине сидел летчик в кожаном шлеме и защитных очках и зорко смотрел вперед в высокие дали.

- Здорово! - сказал Вовка.

- Здорово! - ответил Митяй.

- Привет! - сказала Нюра.

- А экскаватор - заводной? - сразу приступил к делу Митяй.

- А самолет - летает?

- Экскаватор - заводной, - ответил Вовка. - А самолет не летает - только разгоняется по взлетной полосе, и пропеллер крутится.

- А-а, - сказал Митяй. - Ну тогда пошли к камню. Мы дорогу строим. Экскаватор может пригодиться.

- Пойдем! - обрадовался Вовка.

Они подошли к камню, и Митяй принялся рыхлить подкопной землей. А Вовка забирал ковшом побольше рассыпчатой смеси песка и глины и, крутя ручку, поворачивал экскаватор и сбрасывал грунт в сторону.

Скоро дорога превратилась в глубокий ров. Любуясь проделанной работой, Вовка сказал:

- Пусть этот камень будет наша крепость, а вокруг нее - ров, заполненный водой, чтобы никакие враги не подобрались к крепости и не захватили ее.

- Здорово ты, Вовка, придумал! - восхитился Митяй. - Эй, Нюрка! Возьми ведро, сходи к речке, принеси воды. Мы в ров нальем, чтобы крепость защитить.

- Вот еще что, - недовольно повела носом Нюра. - Что я вам прислужка какая! Сами идите! Кузьмич сказал, что к речке нельзя ходить - живой волос опять появился!

- А ты и поверила! Бояка! - Митяй схватил ведро, стоящее у крыльца Егоровны, махнул рукой Вовке, и они наперегонки побежали по травянистому, крутому берегу вниз - к речке.

Речка, протекающая через деревню, была неширокая, бурливая, больше похожая на ручей. Даже названия не имела. По берегам речка-ручей заросла густыми кустами и высокой тра-

вой. У излучин старые ивы склонялись к воде, погрузив в нее тонкие, гибкие ветви с узкими серебристыми листьями.

Местами речку можно было перепрыгнуть с берега на берег. Нужно только разбежаться, оттолкнуться посильнее и прыгнуть подальше. А на другом берегу постараться удержаться на ногах, не поскользнуться на мокрых камнях и не упасть в леденистую, родниковую воду.

Кое-где по течению речка замедлялась, образуя глубокие заводи, похожие на небольшие озерца. Они так и звали искупаться прозрачной, хрустальной водой и мелким, искрящимся на солнце песком, покрывающим гладкое дно.

Несмотря на тихий вид, в округе о речке шла дурная слава. По слухам водилась в ней маленькая ядовитая змейка - живой волос, названная так потому, что была толщиной с волос в лошадином хвосте. Говорили, что если вопьется змейка в пятку, то дойдет до самого сердца, яду напустит - и смерть придет тому несчастному, с кем такая беда случится.

Правда, о таких ужасных случаях уже давно не было слышно в окрестных деревнях. Но, если спросить, например, у тети Дуси о живом волосе – она тотчас головой покачает, губы подожмет и скажет: «Как есть - убивец! Змейка-то небольшая, а смертельная!»

На счастье появлялся живой волос изредка - не каждый год. Но и этого было достаточно, чтобы в речке никто не купался. А бабы полоскали белье не на мягком песочке по щиколотку в воде, а забравшись на лежащие на берегу плоские камни. И приходилось им, стоя на коленях на твердых камнях, низко наклоняться над водой – так, что с каждым взмахом руки они едва не ныряли в речку головой.

Митяй смело опустил ведро в воду, зачерпнул побольше и побежал вверх к камню, торопясь побыстрее наполнить ров и в спешке расплескивая воду. Вовка - за ним. Ров почти до краев наполнился водой.

- Здорово! – глаза у Вовки заблестели от восторга. - Теперь бы красный флаг над крепостью водрузить, чтобы все знали,

что наша армия - непобедимая!

Нюра встрепенулась:

- А у меня красная лента есть! Ее можно на палочку привязать - вот и флаг будет!

- Так что же ты стоишь, Нюрка! Беги скорее! Неси свою ленту! - заторопил ее Митяй.

Нюра убежала и скоро вернулась с красной атласной ленточкой. Вовка нашел крепкий прутик, привязал к нему ленту и воткнул в щель в камне. Ребята долго любовались крепостью, рвом и красным флагом.

- Вовочка! - раздался умильный голос Егоровны. - Иди скорее сюда! Я ржанных лепешек напекла! Поешь, пока горячие!

- Я сейчас! - откликнулся Вовка.

Схватил в одну руку экскаватор, в другую - самолет и поспешил в избу. Митяй остановил его:

- погоди, Вовка! Оставь нам машину с самолетом. Пока ты есть будешь, мы с Нюркой поиграем!

Вовка опустил глаза в землю и смущенно промямлил:

- Нет, не могу я оставить. А вдруг, вы сломаете что-нибудь, или погнете? Мама мне не велела дорогие игрушки на улице оставлять.

Он неловко попятился, потом повернулся и скрылся за дверью избы.

- Жадина! - сердито сказала Нюрка вслед, надулась и хотела отвязать красную ленту от прутика.

Но Митяй удержал ее:

- Ты что, тоже хочешь в жадины записаться?

Он взял молоток и подкову, и они с Нюрой побрели на другой конец деревни, поднимая босыми ногами тучи пыли.

На следующее утро Митяй ждал у избы Егоровны, когда Вовка позавтракает парным молоком и выйдет гулять.

Вовка появился с экскаватором в руках и спросил Митяя:

- Ну, где сегодня будем копать?

Митяй задумчиво посмотрел на Вовку и сказал:

- Айда на речку! Там на берегу песок хороший, мягкий.

Можно глубокую яму накопать и пруд сделать.

- Пошли! - обрадовался Вовка.

Когда они по травянистому пригорку спускались к речке, их догнала Нюра.

- А вы куда? - спросила она.

- За кудыкины горы, воровать помидоры! - ответил Митяй, показывая всем видом, что теперь у него есть настоящий товарищ, а Нюрка может пока и так, в заместительницах походить.

Нюра обиделась, но виду не подала. Они спустились к широкой, округлой заводи, нашли песочную прогалину и стали копать котлован для пруда.

Выкопав уже довольно глубокую яму, Митяй вдруг хитро подмигнул Вовке и предложил:

- А давай, Вовка, раков в речке наловим и в пруд выпустим! А?

Вовка сопел, с сомнением поглядывая на Митяя.

- Что, испугался?! - поддразнил его Митяй.

- Ничего я не испугался! - отнекивался Вовка.

Нюра услышала и запричитала плаксивым голосом:

- Ты, Вовка, не слушай его! Не ходи в реку! Там живой волос! Укусит в пятку - и помрешь!

- Эх ты - трусиха, девчонка! - дразнил ее Митяй. - Да я сам первый в воду пойду!

Митяй снял штаны, и оставшись в синих сатиновых трусах, полез в речку. Нюра вскрикнула, закрыла рот ладонями и, вытаращив глаза, со страхом смотрела на Митяя.

Митяй долго ходил возле берега и шарил рукой под корягами. Вдруг он радостным голосом крикнул:

- Поймал! Поймал!

Он поднял над водой руку и показал Вовке с Нюрой пойманного рака. Рак злобно шевелил клешнями, пытаясь ухватить Митяя за палец.

Митяй вылез на берег и бросил рака в пруд, уже наполовину наполненный водой.

Вовка не вытерпел и тоже снял брюки, плюхнулся в воду и начал искать спрятавшихся под корягами раков. Он бродил по воде, забирался под кусты, разгребал руками траву и речные водоросли.

Нюра сидела на корточках на берегу и наблюдала за Вовкой. Вдруг она вскочила и громким голосом отчаянно завопила, показывая на воду у противоположного берега:

- Вовка! Спасайся! Скорее вылезай! Живой волос к тебе плывет!

Вовка оглянулся и с ужасом увидел, как прямо к нему, мелко извиваясь в воде, движется маленькая красная змейка - толщиной с конский волос.

Вовка бросился к берегу, но внезапно почувствовал, что его нога застряла между корнями, и вытащить он ее не может - скользкие коряги крепко обхватили щиколотку и не отпускали.

Он попытался выбраться, ухватившись за прибрежную траву, но она была тонкая, некрепкая - он вырвал ее с корнем.

Вовка в отчаянии смотрел на Митяя, но не просил о помощи. Он пытался достать до ствола ивы, наклонившейся над речкой, но не смог дотянуться, и бухнулся обратно в воду.

Нюра бросилась к Митяю и стала его трясти:

- Что же ты стоишь столбом! Не видишь, у него нога застряла! Тащи его скорее!

Митяй застыл на месте, неподвижным взглядом уставившись на пытающегося выбраться из реки Вовку. А живой волос был уже на середине заводи.

Нюра подбежала к воде и схватила Вовку за плечи, пытаясь помочь. Но руки у нее были слабые, а Вовкины плечи - мокрые и скользкие. Нюрины ладони сорвались, и она шлепнулась на берег, едва миновав яму с сидящим в ней раком.

Наконец, Митяй очнулся. Он схватил Вовку обеими руками подмышки и стал тащить на берег. Митяю помогала Нюра, обхватив его сзади за пояс. Митяй поднатужился и рванул изо всех сил. Вовка вылетел на берег, и ребята покатались по мокрой траве.

Они лежали молча, пока Нюра не начала хохотать:

- Здорово мы тебя, Вовка, как репку тащили! «Бабка за дедку, дедка - за репку!»

Вовка тоже рассмеялся, а за ним - Митяй. Нахохотавшись вволю, они поднялись, подошли к речке и стали искать глазами живой волос. Но его нигде не было видно. Только водомер-

ки бесшумно скользили по водяной глади.

Натянув одежду, ребята стали подниматься по узкой тропинке к деревне. Вовка подмышкой нес экскаватор, а Митяй - рака, продолжающего грозить ему клешнями. Нюра забегала вперед и смотрела - то на экскаватор, то - на рака.

У избы Егоровны Вовка остановился, протянул экскаватор Митяю и сказал:

- На, Митяй, возьми машину. Хочешь - домой отнеси, Федюшке покажи. Ему интересно будет! А потом и ты, Нюра, бери - не стесняйся. А завтра утром, давайте, опять к речке пойдем. Будем крепость песочную строить - с пушками и ружьями, чтобы ни один враг к ней не пробился!

ЗАГОВОРНАЯ СИЛА

Это было последнее лето, проведенное Катей в деревне на Смоленщине. Михаил снимал с телеги тяжелые чемоданы и, направляясь к избе, кричал во весь голос: - Эй, Алена! Выходи! Встречай свою долгожданную!

Из-за закрытой двери раздались знакомые причитания:

- Ой, батюшки мои! Катюша приехала! Драгоценная моя! Золотко!

Алена выбежала в сени, и едва не сбив Михаила с ног, кинулась к Кате, обняла за плечи и ввела в избу:

- Осторожно! Тут порожек! Ножку повыше поднимай!

Кате было смешно. Ей исполнилось пятнадцать лет, и ростом она уже догнала Алену. Но та видела в ней все того же худенького бледного ребенка, которого привозили в деревню «на поправку». Алена поставила Катю посредине избы, отошла на пару шагов, и оглядев с головы до ног, всплеснула руками:

- Поглядите, люди добрые! Совсем невестой стала! - Алена качала головой. - Красавица какая! Глаза горячие! Ладная! - Она подвинула табуретку. - Садись, Катенька, за стол, покушай, отдохни! Подружка твоя, Светка, уже раз пять прибежала, все спрашивала: «Когда Катя приедет?» Никак дождаться тебя не может!

Алена взяла ухват, вынула из печки чугунок с топленным молоком, стопку горячих блинов и поставила на стол. Приговаривая что-то на ходу, спустилась в погреб и принесла глиняный горшочек со сметаной. Сбегала в сени и вернулась с банкой варенья - свежего, только на прошлой неделе сваренного из ранней земляники.

- Тетя Алена! Зачем? Я не голодная! - пыталась возразить Катя.

- Кушай, кушай! Поправляйся! Молоко у нашей Буренки хорошее, густое, не то, что в городе, как вода - синее!

Михаил поставил самовар. Пили чай – Алена с Михаилом с сахаром вприкуску, Катя - с ароматным земляничным вареньем. Раздался стук в окно. Алена раздвинула занавеску и помахала рукой, приглашая кого-то в избу.

- Вот и Света пришла, - сказала она Кате.

Дверь распахнулась, в избу вбежала Света и застыла на пороге, уставившись на Катю.

- Что, хороша твоя подружка стала?! - спросила Алена.

Света кивнула.

- Здравствуй, Света! - сказала Катя, улыбаясь.

- Здравствуйте! - почему-то на «вы» ответила Света.

- Да ты что застеснялась то! - сказал Михаил. - Проходи, садись, чайку с нами попей. Вот - сахар, вот - варенье. Угощайся!

Света присела на кончик скамьи и, не сводя с Кати глаз, заговорила:

- А в Свинцово завтра кино будут показывать. «Смелые люди» называется. Пойдешь, Катя?

- Пойду, - кивнула Катя.

- Вот здорово! - обрадовалась Света. - Со всей округи ребята придут. И Кирилл с Петей тоже! Ты помнишь Кирилла? - спросила она Катю, бросив на нее лукавый взгляд.

Катя покраснела.

- Да как же ей его не помнить! - рассмеялась Алена. - Почитай все прошлое лето под нашими окнами проторчал!

Катя, опустив глаза, помешивала ложечкой чай в стакане.

- Что же ты девку в краску вгоняешь! - заступился за Катю

Михаил. - У них просто дружба крепкая была!

- Знаем мы эту дружбу! - не унималась Алена. - Мы с тобой тоже, помнишь, дружили, дружили...

- Когда это было? - вздохнул Михаил. - Нынче совсем другое время!

- Так я зайду за тобой завтра вечером? - спросила Света.

- Заходи, конечно! - сказала Катя.

На следующий день к вечеру Катя приготовилась идти в Свинцово. Надела новое розовое платье - узкое в талии, с широкой юбкой колокольчиком. Собрала волнистые каштановые волосы в высокий хвост и затянула черной бархатной ленточкой. Алена, проходя мимо, неодобрительно ворчала:

- Что за мода такая! Хвост - ну точно, как у нашей кобылы!

Катя смеялась:

- Сейчас все так носят! Вся Москва!

- Москва - еще не весь мир! - философски заключила Алена.

Прибежала Света и, увидев Катину прическу, запросила жалобно:

- Катенька, миленькая, сделай и мне такую же! Очень тебя прошу!

- Садись на табуретку! Быстро! - приказала Катя. - Расплетай косу!

Света торопливо расчесала светлые, выгоревшие до белизны волосы, и Катя принялась зачесывать их наверх.

- Смотри! У нее хвост скоро со лба висеть будет! - критиковала Алена.

- И правда, что-то слишком высоко получилось, - Катя опустила немного волосы и завязала красной лентой.

- Ну как? - спросила она подругу. - Нравится?

- Здорово! - в восхищении говорила Света, вертя головой перед зеркалом. - Петька увидит - упадет!

- Кобыла наша увидит - тоже упадет, - мрачно предсказала Алена.

Она выглянула в окно:

- Скоро темнеть начнет. Идите. А то женихи ваши уже заждались!

Девочки фыркнули, и хихикая, выбежали из избы. Свинцо-

во было близко – километра три по проселочной дороге через широкое поле, вверх по склону пологого холма. Девочки добрались до Свинцова, когда солнце уже садилось и красно-оранжевым кругом зависло на краю села. Они подошли к просторному бревенчатому сруб, в котором размещался клуб. У дверей их окликнули мальчишеские голоса:

- Катя! Света! Идите сюда!

Девочки оглянулись и увидели невдалеке знакомых мальчишек - рыжего Петю и Кирилла, и еще какого-то маленького – лет шести мальчика. Они подошли поближе.

- Свет, что же ты идешь мимо и даже не замечаешь нас! - с обидой сказал Петя. - А мы уже и билеты купили и места заняли!

- Ой, правда?! - обрадовалась Света. - Вот здорово! А-а, это - Витька! - она кивнула на мальчика. - Я сразу и не признала!

- Упросил взять с собой, кино посмотреть.

Белобрысый Витька поглядывал на старших, сосредоточенно ковыряя в носу.

Катя бросила быстрый взгляд на Кирилла. С прошлого лета он сильно вытянулся, возмужал. В стройной юношеской фигуре уже угадывалась будущая сила, выносливость, жилистость. Густые волосы копной спадали на лоб. Ярко- голубые глаза освещали смуглое лицо.

- Здравствуй, Катя! Ты когда приехала? – спросил он.

- Здравствуй. Вчера, - ответила она.

- Ну пойдемте, чего без толку на улице околачиваться! - потянул Петя Кирилла за рукав. - А то места наши отобьют. Стоять придется!

Они вошли в клуб. Там творилось что-то невообразимое! Шум, гам! То тут, то там среди ребят возникали драки за места на узких деревянных лавках. Взрослые старались вести себя солидно, но тоже не могли удержаться и кричали через весь зал:

- Эй, Ерофеич! Ты мне лошадь свою не одолжишь на завтра? Мне на станцию надо ехать.

- Почему не одолжить? Приходи с утречка!

- Петровна! Ты магазин завтра во сколько откроешь? А се-ледку завезли?

Но вот погас свет, киномеханик включил проектор. На полотноном экране замелькали прыгающие кадры, из репродукторов послышалась громкая, но не очень внятная речь. Катя сидела рядом с Кириллом. Она чувствовала прикосновение горячего плеча и иногда искоса поглядывала на Кирилла. Но когда он поворачивался к ней, сразу же переводила взгляд на экран.

Поздно вечером кино закончилось, и ребята вместе с шумной толпой вышли из клуба. Они миновали околицу, и ночная тьма окружила их. Ни луча света, ни огонька. Только далекое небо, усеянное мелкими синими звездами.

- А звезды - это что такое? - спросил Витя, указав пальцем в темный небесный свод.

- Каждая звезда - это солнце, - сказала Катя.

- Вот и врешь ты все! - заявил Витька. - То есть неправду говоришь, - поправился он, покосившись на Катю. На солнце я смотреть не могу - глаза жжет. А на звезды - сколько угодно, хоть всю ночь!

Ребята рассмеялись.

- Вот пойдешь в школу - узнаешь, что это правда. Просто солнце - близко, а звезды далеко.

- Если бы было так много солнц, - не успокаивался Витька, - у нас знаешь какая жара была бы! Может, и зимы даже вовсе не было! А валенки и шапки вообще никто не носил бы!

- Что с тобой спорить! - сказала Катя. - Ты еще маленький. Подрастешь - узнаешь!

- Я уже в этом году пойду в школу! - важно заявил Витька. - Мне и тетрадки купили, и карандаши, и ластик! Только портфеля еще нет. В магазин не завезли. К первому сентября обещали завезти.

- Катя, а ты знаешь, у меня брат родился! Полтора месяца ему, - сказал Кирилл.

- Правда? Я не знала. А как его зовут?

- Тимофей, - Кирилл улыбнулся и его белоснежные зубы сверкнули в темноте. - Растет! Только вот плачет день и ночь. Животом мается. Мать совсем замучилась с ним. А ты знаешь, Катя, Федотовна говорила, что твоя прабабка животы младенцам заговаривала и грыжи! Заговорную силу имела!

Катя чуть не задохнулась от возмущения:

- Да что ты такое говоришь, Кирилл! Какая чепуха! Какие заговоры! Все это выдумки!

Кирилл, видя, что Катя не на шутку рассердилась, пробормотал:

- Я что? Это Федотовна сказала. Спроси у нее. Она завтра к нам придет, матери помочь. Заходи - на Тимошку посмотришь!

Катя не отвечала, а только повторяла возмущенно:

- Надо же такое придумать! Заговоры! Чушь все это!

Кромешная мгла все больше сгущалась вокруг. Дорога стала почти невидимой. Ночь залила чернотой и землю, и небо, и то, что было между ними - темноту, казавшуюся твердой. Облака затянули небо. Звезды исчезли. Сердце у Кати заколотилось. Ей почудилось, что она потерялась в непроглядном мраке и не знает, идет ли по дороге к деревне, или - вверх - к звездному небу, или - по невидимым облакам, вниз головой. Она позвала Свету, та откликнулась. Катя ухватила подругу за руку и уже не выпускала до самой избы.

У порога она сказала в темноту:

- Кирилл! Я завтра зайду к вам, - и, помолчав, добавила. - На Тимошку посмотреть.

- Хорошо! - услышала она обрадованный голос Кирилла.

- И я тоже к вам забегу! - сказала Света. - Я давно уже у вас не была.

На следующее утро Катя проснулась, когда солнце было уже высоко. Выпила кружку парного молока с куском еще горячего хлеба и кисловатым деревенским маслом. И направилась на другой конец деревни к Кириллу. Она сразу узнала крепкий сруб с красивыми резными наличниками. Постучала. Дверь распахнулась и на пороге появился Кирилл. Он радостно и смущенно улыбался. Катя вошла в избу и у окна, на лавке увидела Свету и Федотовну. А в глубине избы, за цветастой занавеской безутешно плакал ребенок.

- Здравствуйте, Федотовна! - сказала Катя. - Привет, Света!

Федотовна, побряхтывая, слезла с лавки и подошла к Кате:

- Здравствуй, красавица! Как выросла, повзрослела! Приехала, значит! Вот радость-то для Алены с Михаилом! Уж они

всю зиму тебя ждали. Ты у них одна - звездочка в небе!

Федотовна обняла Катю, и та увидела совсем близко слезящиеся, старческие глаза и изборожденное морщинами лицо, похожее на кору ветхого дерева.

- Можно? - Катя кивнула на занавеску, за которой слышался непрекращающийся плач ребенка.

- Иди, иди! Полюбуйся! - проговорила Федотовна. - Мальчик хороший, вот только животом сильно мается.

- Скажите, Федотовна! Я хотела у вас спросить... - и Катя замолчала в сомнении.

- Ну, спрашивай, не тяни! - нетерпеливо проговорила Федотовна.

- А правда, что моя прабабка заговаривать умела? - выпалила Катя, и лицо ее вспыхнуло.

- А как же! - ответила Федотовна. - Так ты в этом, девонька, не сомневайся. Вся округа ей в ножки кланялась. Даже из Смоленска городские люди и то приезжали!

- А что же она такое делала? Как помогала? - спросила Катя.

- А очень просто! Животы ребятам заговаривала и грыжи тоже! Ведь так маются животами некоторые, особенно мальчики! Надрываются плачем и день и ночь! Мамаши бедные с ума сходят, а ничем помочь не могут! А с грыжами врачи говорят операцию надо делать. А куда такому крошке операцию! А прабабка твоя - Михайловна, бывало, пошепчет, руками потрогает, поводит - и все пройдет. А денег - никогда не брала! Это, говорит, дар Божий. За деньги не продается! Но люди все-таки хотели чем-то ее отблагодарить. Вот и приносили - кто яиц корзинку, кто сало. - Федотовна вздохнула. - Только супруг ее, Филимон Кузьмич, очень недовольный этим был, ругал ее сильно.

- А почему? - спросила Катя.

- Уж очень много этот заговор у нее сил отбирал. Упросят ее - заговорит она дитя, а самой уже никакой мочи нет работу по хозяйству делать - ни избу мести, ни корову доить, ни обед варить. Заберется на печку и лежит там целый день, дышит едва. Вот Филимон с поля возвращается, увидит в сенях лукошко с яйцами стоит, а жена его, Михайловна, на печи лежит и начнет

ее бранить. А она просит его: «Да ты не ругай меня, Кузьмич, я вот полежу маленько и все сделаю. Не могла я отказать. Молодуха пять верст с ребенком на руках отмахала. Как же ей не помочь!» «Нам вот не больно кто помогает! - говорил Филимон. - Вот забор повалился и лежит. А мне уже тяжело самому бревна ворочать!» А, смотришь, на следующий день муженек той самой мамашы у калитки стоит, кепчонку в руках мнет: «Очень мы благодарны Михайловне! Не надо ли вам чем помочь?» - говорит. Филимон удивлялся очень. А Михайловна только «Слава Б-гу!» прошепчет. Для нее никакого изумления в этом не было. Ну вот и весь мой рассказ! - закончила Федотовна.

Катя молчала, не зная, что сказать.

- Спасибо, Федотовна! - наконец, проговорила она. - Я ведь ничего не знала. Ни тетя Алена, ни дядя Миша мне не рассказывали об этом.

- Понятно! - рассудительно изрекла Федотовна. - Время у нас особое – неразговорчивое. Понимать надо!

Катя направилась к занавеске. Отодвинула ее и заглянула в люльку. На голубом матрасике лежал туго запеленатый младенец. Он надрывно и жалобно плакал. Крошечное личико сморщилось и покраснело. Рот кривился в напряженной гримасе. Ребенок страдал в беспомощном младенческом одиночестве. Жалость к маленькому существу пронзила сердце. Катя положила руку на выпуклый, вздутый животик.

- Спи, Тимоша, засыпай, горя и беды не знай! – прошептала она и вдруг, помимо своей воли, заговорила какими-то странными, удивительными словами.

Она шептала что-то. Легонько поглаживала теплое тельце. Животик под ее рукой постепенно обмяк, и ребенок стал затихать. Личико разгладилось, побелело, ротик закрылся. А крошечный носик-пуговка засопел сладко и глубоко. Ребенок уснул!

Катя не верила своим глазам. У нее закружилась голова. Придерживаясь за стену, она вышла в комнату. Посреди избы стояли Кирилл, Света и Федотовна и ошеломленно смотрели на нее.

Катя перевела взгляд на свои руки. Они дрожали. Все завертелось перед глазами. Ноги подкосились, и она только успела увидеть, как Кирилл бросился к ней и бережно подхватил на руки.

СНАРЯД

Земляничное и малиновое варенье было сварено, разлито по пузатым банкам, тщательно закупорено и расставлено в сенях на длинных деревянных полках. На печке сушилась черника, разложенная на больших газетных листах попеременно с какими-то диковинными травками. Там же висели гирлянды грибов, уже потемневших, сморщившихся и издающих сладковатый аромат.

Несколько дней прошло в приятном безделье. Наконец, Нина решительно заявила:

Надо идти за клюквой! В Прасковский лес!

Алена всплеснула руками:

- Да что ты, Ниночка! Там опасно! Снаряды, мины! Не дай Б-г, что случится.

Нина задумалась.

- Может, Фросю попросить? Она сможет провести к клюквенным местам? – спросила Нина.

- Фрося в Прасковском лесу каждую тропинку знает. В войну, почитай, каждый день еду партизанам носила, - сказала Алена. И добавила с сомнением, - Только вряд ли она согласится за клюквой идти: далеко, да и годы уже не те.

- А ты помнишь, мама, как она на прошлой неделе с папиной бригадой косить ходила? – вступила в разговор Шура. – Помоложе бабы не могли за ней угнаться!

- Это факт, - подтвердил дядя Миша, аккуратно насыпая табак в самокрутку, - в настроении Фрося еще хоть куда! Иди, Ниночка, к ней, попроси её как следует. Она тебе не откажет!

И правда, все в деревне любили добрую и весёлую мою тётю. Хотя и одевалась она по-городскому, с фасоном, в крепдешиновые платья и красивые босоножки, но не задавалась.

Приезжая в отпуск к Алене, привозила гостинцы для всей

деревни. Ребятишкам – вкусные московские конфеты и пряники, старичкам – крепкий табачок для самокруток. Да и уважали её деревенские за любовь и умение грибы – ягоды собирать, и варенье варить, и в травах целебных разбираться.

- Попытка - не пытка, - заключила Нина, насыпала в бумажный кулек горсть розовых подушечек и направилась к Фросе.

Я легонько подтолкнула Валью плечом.

- Мама-а, а можно я то-о-же пойду за клюквой! - протянула Валя, просительно заглядывая Шуру в глаза.

- Ну, уж нет! - отрезала Шура. - Я сама не пойду и тебя не пущу! Прасковский лес опасный - и снаряды и волки!

Но тут Алена вступилась за внучку:

- Ты, Шура, не волнуйся. Если Фрося согласится, я и сама за клюквой пойду. Да и в Прасковке я давно не была. Соскучилась! А ты, дочка, - распорядилась Алена, - завтра утром Буренку нашу в стадо проводи и теленка не забудь покормить.

В доме дяди Миши и тети Алены не привыкли спорить с родителями. Шура молча кивнула головой, и мы стали ждать Нининого возвращения.

Фрося жила одна в крохотной избушке на самом краю деревни. Она, также как и Алена, переехала из Прасковки в Алексеевку сразу после войны.

По праздникам Алена обычно пекла белый, пшеничный хлеб. Отрезав от готовой краюхи половину и завернув ее в расшитое красными петухами полотенце, она посылала нас с Валею отнести Фросе гостинец.

Старушка была очень рада гостям. Она усаживала нас за стол, ставила самовар, приносила тарелку с янтарно поблескивающим сотовым медом, нарезанным крупными кусками, наливала нам в граненые стаканы душистого липового чаю и принималась спрашивать нас всегда одно и тоже:

- Ты, Катенька, в каком классе учишься? В пятом?

- А тебе, Валечка, сколько лет? Одиннадцать?

Мы согласно кивали и уже в который раз рассказывали Фросе, что я приехала из Москвы в гости к Алене со своей тетей,

Ниной, а Валя – из Красноярска – с мамой, Шурой, и, что Аленина младшая дочка, Зина была моей няней, а сейчас работает в Москве, на заводе «Пролетарский труд».

Фрося внимательно слушала, подперев щеку рукой, изредка задавая вопросы о нашей городской жизни, об учебе в школе, о родителях, дедушках и бабушках.

Напившись чаю, мы помогли Фросе убрать посуду. Смахнув ребром ладони со стола крошки, она торжественно снимала со стены большую фотографию, тщательно раскрашенную городским фотографом. Румяные, голубоглазые и чернобровые, Фрося и её муж пристально смотрели на нас. Они стояли плечом к плечу, оба очень молодые, крепкие, красивые.

- Иван был лучшим трактористом в колхозе, - говорила Фрося, поглаживая рукой фотографию, - а плясать какой был мастер! Петр по его линии пошёл. До самой войны механиком работал на МТС. А вот Павлик не успел ни к какому делу прибиться. Только на гармошке уж больно хорошо играл!

Мы с Валею слушали Фросю молча, не расспрашивая ни о чем. Мы знали, что муж её, Иван, сыновья, Петр и Павлик – все погибли на войне. Иван и Петр – на фронте, а пятнадцатилетний Павлик – в партизанском отряде.

- Тетя Фрося! Какая у вас прическа была красивая! Косы короной уложены! – похвалила Валя, кивнув на фотографию.

- А платье! – подхватила я. - Синее! С белым кружевным воротничком!

- Это Иван мне из Смоленска привез! Ему там часы вручали за ударный труд, - улыбнулась Фрося, и в глазах её блеснули молодые искорки.

Прощаясь, она всегда говорила:

- Алене от меня благодарствие. Хлеб у нее уж больно хорош получается! Поклон от меня Мише и Шуре с Ниной. Приходите ко мне, девчата, не забывайте старуху.

Она долго еще стояла возле своей избушки и смотрела, как мы, вприпрыжку, взявшись за руки, бежали по деревенской улице к Лениному дому.

Нина вернулась с добрыми новостями - завтра рано утром мы идем за клюквой!

Алена достала из-за печки и выдала каждому из нас по паре резиновых сапог.

- Идти придется по болоту, - объяснила она.

На следующий день наш маленький отряд - на ногах резиновые сапоги, на головах косынки, в руках корзинки и бидоны - гуськом двинулся по направлению к Прасковке. Фрося шла впереди, за ней мы - дачники: Нина, Валя и я. Шествие замыкала Алена.

Возле колхозного овина на нас налетела туча слепней. Я изо всех сил отбивалась от них, шлепая себя по рукам, по ногам, по голове, и верещала:

- Ой, мамочка! Ой, мамочка!

Алена отломил от куста длинную ветку и стала отгонять от меня слепней. А Валя громко смеялась надо мной, до тех пор, правда, пока здоровенный слепень не впился ей в коленку. Тогда она высоко подпрыгнула, завертелась волчком на месте и припустилась бежать по тропинке, обогнав Нину и Фросю, подальше от злых кровососов.

Дорога тянулась вверх по холму, через широкое льняное поле. Весной оно было покрыто мелкими голубыми цветочками, и теплый ветер гонял по нему мягкие, послушные волны. Прошло лето, лен сжали, и меж острыми стебельками виднелась земля, уже готовая к зимнему отдыху.

Пройдя через небольшой березовый перелесок, мы увидели вдалеке верхушки высоких деревьев. Это была Прасковка. Могучие, старые ракиты, как верные стражи, двумя рядами стояли вдоль пустынной дороги, разделяющей Прасковку, вернее, то, что осталось от когда - то живой, веселой деревни. А осталось немного – заколоченные избы, заросшие бурьяном сады и огороды, развалившиеся сараи, да заброшенные колодцы.

Недолго протянула после войны Прасковка. Кроме дяди Миши, никто из мужиков не вернулся живым с войны. А овдовевшие бабы с детьми и осиротевшие старики со старухами

постепенно перебрались в другие деревни, поближе к школам, селпо и здравпунктам.

Мы вошли в деревню с того края, где стояла Аленина изба, на самой опушке Прасковского леса. Алена остановилась у рябины, посаженной дядей Мишей еще до войны и печально смотрела на то место, где когда-то был ее дом.

- Не грусти, Алена! У вас в Алексеевке изба лучше, просторнее, есть, где гостей принять, - уговаривала ее Нина, - и колодец рядом, и речка под горкой.

- А молодость то вся в Прасковке прошла – прошумела! - тяжело вздохнула Алена.

- Бабушка, иди скорее сюда! Посмотри на нашу вишню! - закричала Валя.

Мы поспешили в заросший лопухами и высокой травой сад.

Там стояли три старые яблони и Аленина любимая вишня. Яблони одряхлели, и на тяжелых суковатых ветках яблок почти не было.

Зато вишня вытянулась, разрослась, привольно раскинув свою крону над запустевшим садом. Мелкие темно-красные ягоды украшали её зелёную блестящую листву. Мы с Валею стали прыгать, стараясь достать верхние, налившиеся сладким соком, ягоды. Но и они одичали и стали такими кислыми, что скулы сводило и есть их было невозможно.

Алена направилась было к огороду, но Фрося уже звала нас с кромки леса:

- Идемте, бабоньки! Время не ждет, а дорога нам еще долгая предстоит.

К своей избе она не пошла - видно, не хотела беречь душу тяжелыми воспоминаниями. Мы подошли, и Фрося строгим голосом принялась давать нам последние указания:

- Идите прямо за мной, никуда с тропинки не сворачивайте. Смотрите под ноги, глазами по сторонам не зыркайте, а то - быть беде!

Нина с Аленой согласно кивали, а мы с Валею за их спинами делали друг другу страшные рожицы, вытаращив глаза и высунув языки, красные от вишневого сока.

- Слышали, девочки? – серьезно спросила нас Алена.

- Конечно! – не моргнув глазом, ответили мы.

- Ну, тогда пошли!

И вот, вслед за Фросей, осторожно раздвинув ветки, мы вошли в сумрачный Прасковский лес.

Алена шла, опираясь на толстую, суковатую палку, которую подобрала на опушке, и мы с Валею время от времени с опаской оглядывались на неё.

Едва заметная тропинка вилась по густому, заваленному валяжником лесу. Несмотря на строгое Фросино предупреждение, я не могла удержаться и постоянно вертела головой по сторонам, стараясь при этом, не отставать от быстро идущей впереди меня Валеи. Я видела невдалеке высокий орешник, усыпанный плотными гроздьями плодов в пышных, зеленых юбочках. Совсем рядом с тропинкой соблазнительно поблескивали кроваво – красные сердечки костяники. Ароматные белые фиалки так и просились в руки. Но я помнила об Алене, идущей за мной, и постукивающей палкой о коряги, и пыталась сосредоточиться на дороге, стараясь попасть Вале след в след.

- Девчата, поглядите сюда! - прокричала Фрося.

Я не успела остановиться и с размаху больно ткнулась носом в Валею спину, и уронила корзинку. Я наклонилась, стала шарить рукой в высокой траве и, вдруг, сердце моё сжалось от страха. В двух шагах от нашей тропинки я увидела большой снаряд. Он лежал, уткнувшись острым концом в землю, уже потемневший и местами покрытый зеленоватым налетом. От него исходила скрытая опасность, и он показался мне похожим на коварную змею, притаившуюся в густой траве и готовую в любой момент ужалить неосторожного путника.

Алена испуганно перекрестилась.

- Надо же! Лежит вот уже сколько лет! – покачала головой Нина. – А ведь ещё такой опасный!

Фрося молча продолжала идти вперёд, и мы поспешили за ней. Только я всё время оглядывалась - не ползет ли эта злая змея за нами.

Лес ещё больше потемнел, и тропинка почти совсем исчезла в высоких, широколистных папоротниках. И вот уже под но-

гами зачавкала коричневая болотная водица, и берёзки стали попадаться невысокие, тонкие, кривоватые.

Пройдя ещё немного, Фрося остановилась, осмотрелась и уверенно заявила:

- Вот оно - клюквенное место!

Приглядевшись, я увидела, что, действительно, разбросанные по болоту круглые, мохнатые кочки густо покрыты розоватыми ягодами.

Фрося, нагнувшись, начала собирать клюкву, а мы все не решались сойти с тропинки, топтались на месте, неуверенно озираясь по сторонам.

- Расходитесь! Не бойтесь! - успокоила нас Фрося, - Здесь безопасно!

Обрадованные, мы с Валею взялись за руки и поскакали по кочкам, хлюпая по воде и почти выскакивая из больших, не по размеру сапог.

- Далеко не убегайте! Только вот до тех березок! - крикнула нам Фрося, показав рукой на хиленькие деревца, окружавшие болото.

Облюбовав пару больших, покрытых зеленым мхом кочек, мы с Валею принялись старательно, как нас учила Нина, собирать клюкву. Только обобрав все ягоды на одной кочке, мы переходили к следующей и, постепенно, наши корзинки наполнились крупными, упругими ягодами. Валя нарвала широких листьев мать-и-мачехи, и мы прикрыли ими сверху наши корзинки.

- Девочки! Идите сюда! - позвала нас Нина. - Фросе с Аленой надо помочь. Им уже тяжело на коленях так долго ползать.

Мы с Валею принялись бегать от кочки к кочке, набирая клюкву горстями и подсыпая ее в глубокие бидоны - синий - Фросин и белый - Аленин.

Наконец, вся посуда была наполнена бело-розовыми, с румяными красными бочками ягодами.

- Теперь можно и отдохнуть! - облегченно вздохнула Алена, и мы все уселись рядом на поваленную осину.

Алена развязала узелок и выдала каждому по толстому куску хлеба, посыпанному крупной, сероватой деревенской солью.

Мы жевали хлеб, а Валя вдруг спросила:

- Тетя Фрося! А где партизаны жили?

Фрося махнула рукой в сторону березок:

- В землянках. Недалеко отсюда. За болотом.

Все молчали, больше ни о чем не спрашивая.

- Ну, пора и домой возвращаться, - сказала Алена, подняла свою суковатую палку и неторопливо пошла по тропинке. Мы потянулись за ней. Алена остановилась и пропустила Фросю вперед:

- Ты у нас рулевой. Иди, показывай дорогу.

На обратном пути я шагала смелее по почти уже знакомой тропинке, осматривалась кругом, стараясь за деревьями разглядеть хоть что-нибудь оставшееся здесь со времен войны – старую землянку или брошенное боевое оружие. Но ничего не было видно, только белые фиалки и желтые кувшинки подступали вплотную к тропинке, окутывая нас нежным, таинственным ароматом.

Снаряд лежал на том же месте. Я хотела пройти мимо, не останавливаясь и даже не взглянув на него, но какая-то неведомая сила заставила меня остановиться. Мне показалось, что он смотрит на меня недобрым, холодным взглядом, как на незваного чужака, нарушившего его покой и растревожившего память о тех далеких днях, когда здесь, в лесу, гремели выстрелы, слышались крики людей, залпы орудий.

- Иди, Катюша, иди, - Алена легонько подтолкнула меня в плечо.

Очнувшись, я побежала по тропинке туда, где за густой листвой мелькала красная Валина косынка.

Выйдя из леса, Фрося обессилено опустилась на низкий пенёк.

- Погодите немного, дайте передохнуть, - сказала она, вздохнув, – Силы уже не те в лес по ягоды ходить.

- Давай мне свою добычу, - сказала Нина и взяла у Фроси наполненный ягодами бидон. - Мы тебя до самого дома проводим, - подбодрила она старушку, помогая ей подняться.

Мы спускались по хорошо знакомой дороге от Прасковки к Алексеевке, мимо березовой рощи, льняного поля, срывая на ходу росшие на обочине васильки. Валя была мастерица

плести венки и обещала вечером сплести мне красивый синий венок.

Уже вечерело, когда мы добрались до Алексеевки. Лёгкий туман беловатой пеленой спустился на нашу безымянную речку. Мы с Валею постояли по колено в тумане на шатком мостике и наперегонки побежали к Фросиной избушке, стараясь не рассыпать прикрытые листьями ягоды.

Подошла Фрося, толкнула дверь, и мы вошли в крошечную, низкую комнатку.

Нина поставила бидон с ягодами посередине стола.

- Спасибо тебе, Фрося, выручила ты меня! - нараспев, проговорила Алена. – Ниночка так мечтала за клюквой пойти. А я ведь, так, как ты всех стежек-дорожек в Прасковском лесу не знаю.

Фрося довольно улыбнулась:

- Приходите ко мне в гости. Я вас квасом клюквенным угощу. Я его часто до войны варила. Вкусный! – добавила она и тяжелой походкой направилась к прибитой к стене полке. Осторожно достала из-под застекленной рамочки фотографию и протянула её нам.

На снимке посреди клубной сцены стоял кудрявый, светловолосый паренек. Он широко растянул гармонь и смущенно улыбался невидимому залу. За его спиной виднелась надпись большими красными буквами: «Слава ударникам колхозного труда!».

